Хельмут АЛЬТНЕР

Я – смертник Гитлера

Я – смертник Гитлера

Хельмут АЛЬТНЕР

Рейх истекает кровью

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — не просто «окопная правда», а репортаж из преисподней. Это — откровения 17-летнего Todeskandidat (смертника), призванного в Вермахт весной 1945 года, когда Гитлер поставил под ружье фактически все мужское население Германии, от подростков до стариков, и бросил их на убой, под гусеницы советских танков. 16 апреля Хельмут Альтнер вместе с такими же юнцами, не успевшими пройти военную подготовку, попал под сокрушительный удар Красной Армии, начавшей штурм Берлина. Необученные новобранцы полегли в первом же бою — Альтнер был единственным среди них, кому посчастливилось выжить. Вместе с остатками своей роты он отступил в город и еще десять дней дрался в тоннелях берлинского метро, участвовал в отчаянных боях за Шпандау и Имперский стадион и в последней попытке остатков гарнизона прорваться на запад. И вновь Альтнеру повезло — он не сгинул в аду уличных боев, не погиб под ураганным огнем, косившим отступающих немцев тысячами. Раненный в ногу, Альтнер сдался в плен русским солдатам… Эти мемуары, написанные сразу после войны, по праву считаются одной из лучших книг о последних днях Третьего Рейха. Это — страшная правда о битве за Берлин, о кровавой Todestanz (пляске смерти) и мучительной Todeskampf (агонии) гитлеровского Рейха…

- Хельмут Альтнер
  -
  - Глава I. Призывник
  - Глава II. На фронт
  - Глава III. Рекрут на фронте
  - Глава IV. Обучение в окопах
  - Глава V. Начало бури
  - Глава VI. Отступление
  - Глава VII. Оборона северного Шпандау
  - Глава VIII. Конец в Шпандау
  - Глава IX. Штрезов и Рулебен
  - Глава X. Туннели
  - Глава XI. Снова в казармах
  - Глава XII. Прорыв
  - Глава XIII. Бегство
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134

- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148

Хельмут Альтнер
Я — смертник Гитлера. Рейх истекает кровью

Хельмут АЛЬТНЕР

Я – смертник Гитлера

Рейх истекает кровью

«ЯУЗА-ПРЕСС»
МОСКВА
2013

Перевод с английского А. В. Бушуева

Глава I. Призывник

Четверг, 29 марта 1945 года

Берлин, похоже, трещит по всем швам. Ночные бомбардировки причинили намного больший ущерб, чем сообщается в официальных сводках. Согласно им, разрушены лишь несколько зданий в Шпандау, но фактически дело обстоит намного хуже. Метро работает нерегулярно, и получасовые задержки уже далеко не исключение, в то время как городская железная дорога, большая часть путей которой изуродована до неузнаваемости, практически парализована[1].

Я зажат в толпе, штурмующей поезд городской железной дороги, следующий из Фельтена в Хенингсдорф. Мой багаж, засунутый на багажную полку, — это картонная коробка от «Персила», где лежит немного съестного и нижнее белье[2]. В Хенингсдорфе меня буквально выносят на платформу и мне приходится пробиваться назад, вовсю используя локти и колени, чтобы взять багаж. Прыгаю из поезда уже на ходу.

Следую за потоком людей к выходу с вокзала. Призывные документы, лежащие в моем кармане, словно отделяют меня от всех остальных людей. Пробиваюсь к остановке трамвая, который должен доставить меня к сборному пункту. На остановке толпятся люди, которые тут же заполняют трамвай. На улицах Берлина повсюду видна серая военная форма.

Вскоре кондуктор дает звонок, и мы отъезжаем. Я стою на задней площадке и поэтому могу видеть дорогу. Мы покидаем Хенингсдорф и, минуя луга и лесной массив, направляемся к конечному пункту 120-го маршрута, где нас ждет пересадка на другой трамвай. Вскоре появляются первые виллы Шпандау. Нашим взглядам предстают последствия бомбежки предыдущей ночи. Развороченный взрывами лес и поваленные почтенные старые дубы свидетельствуют о разрушительной мощи современных взрывчатых веществ. Затем мимо нас мелькают ряды горящих зданий, окруженных солдатами и отрядами гитлерюгенда с пожарным оборудованием. Несколько мальчишек в военной форме собирают части человеческих тел, а 12-летний подросток рядом с ними спокойно разворачивает сверток с завтраком.

Трамвай останавливается, и мы вынуждены выйти. Беру свою коробку и прохожу мимо вагона. В нескольких метрах впереди провода оборваны и лежат поперек дороги. Нам придется

подождать, чтобы разобраться, сможем ли мы ехать дальше.

Еще несколько человек с такими же картонными коробками «Персила» выходят из трамвая вместе со мной, и после обмена несколькими неуверенными взглядами между нами устанавливается безмолвный контакт — у всех нас одна цель.

Общими усилиями нам удается остановить грузовик, который быстро заполняется сходящимися отовсюду людьми, мужчинами и женщинами. Все они явно путешествуют только для того, чтобы навестить родственников в подвергшихся бомбежке районах города, желая выяснить, живы ли они. Каждое транспортное средство, попадающееся на нашем пути, доверху забито встревоженными людьми. Гуляющие в толпе слухи один хуже другого, они лишают нас последних остатков решимости.

Мы быстро приближаемся к центру Шпандау, и здесь впервые перед нами открывается картина огромных разрушений. Осуждающе смотрят на мир пустые оконные проемы разбомбленной фабрики. Провалившиеся балки то горят ровно, то ярко вспыхивают от порывов ветра, в то время как владельцы пылающего дома с противоположной стороны улицы безмолвно наблюдают за тем, как уносятся в небеса плоды их многолетнего тяжелого труда. По разрушенному кварталу крадучись проходят темные фигуры, украдкой озираясь, как гиены в поисках добычи. Берлин — сердце рейха — перевернут вверх дном.

Чем дальше мы углубляемся в разрушенный горящий квартал, тем тягостнее становится атмосфера. Женщины, сдерживая слезы, с тревогой спрашивают прохожих, много ли убитых на таких-то и таких-то улицах. Им тихо отвечают. Никто больше не увидит на этих лицах героического подъема, о котором так часто говорил Геббельс в первые годы войны[3]. Напротив, все чувствуют лишь мрачное нескрываемое отчаяние.

Нам приходится вылезти из грузовика как раз перед ратушей, где тот быстро сворачивает в переулок. Мы берем наши картонные коробки и спрашиваем, как пройти к казармам Секта[4]. Проходя мимо ратуши Шпандау, видим, как люди из гражданской обороны и пожарные стараются потушить огонь в той части здания, которое горит, как факел. Улицы усыпаны осколками стекла и щебнем, а спешащие по ним люди в полном безразличии вытаптывают первые признаки пробивающейся на земле растительности.

Разрушения простираются до линии железной дороги, а затем резко прекращаются, будто прочерченные строго по линейке. На дальней стороне путей единственные напоминания о войне — баррикады и казармы. В караульном помещении добротных, на века возведенных казарм у призывников берут

призывные документы и возвращают с печатью и указанием даты и времени прибытия. Теперь я солдат, пути назад для меня больше нет.

Иду по гладко асфальтированной улице. Из больших зданий слева раздаются приглушенные голоса. Справа по плацу строем идет на кухню взвод солдат. В далеком конце гигантского комплекса казарм строительные леса по-прежнему скрывают возводящиеся здания. В то время как дым и огонь уничтожает гражданские здания, здесь продолжают строить новые «дворцы» для новобранцев.

В штабе роты несколько писарей сидят, небрежно развалившись на стульях. Они не обращают на меня внимания до тех пор, пока в комнату не входит лейтенант. В этот момент все они вдруг умудряются изобразить бурную деятельность. Один из младших по званию начинает внимательно изучать мои призывные документы, затем резко спрашивает меня, почему я опоздал на два часа. Когда мои данные записаны, мне приказывают явиться в 309-й[5] учебный резервный мотопехотный батальон в казармах Александра[6] в Рулебене. Когда я подхожу к двери, один из писарей сообщает, что в столовой меня ждет мать. Я, словно громом пораженный, на мгновение застываю на месте. Охваченный восторгом, выскакиваю вон, едва не забыв попрощаться.

Слишком много всего сразу за один день. Много месяцев у меня не было от матери никаких известий, и неожиданно появляется шанс снова ее увидеть. Я быстро иду в столовую, где за столом сидит мать и завтракает. Она не видит, как я вхожу. Медленно подхожу к ней, и она, подняв голову, замечает меня.

— Мама! — единственное, что я могу произнести. Мы нежно обнимаемся.

Затем вместе возвращаемся в штаб батальона, где садимся в коридоре. Раздается свисток, и мимо нас пробегают призывники. Мы продолжаем разговаривать, забыв обо всем. На стенах изображены батальные сцены: кавалеристы с яркими, развевающимися на ветру флагами и пехота на марше. Насколько безмятежной кажется на них война!

Мы потеряли ощущение времени, к действительности нас возвращает офицер. Медленно идем по разрушенному городу, стараясь максимально использовать каждую минуту пути до ворот казарм. На мостах через Хафель сооружают баррикады. Из воды торчит затонувшая баржа, с которой мужчины и женщины вытаскивают ящики с банками джема и ветчины, пополняя свой скудный рацион. Рядом в воде плавает покойник. Волны поворачивают тело, его остекленевшие глаза обращены в

бесконечность, но никто не обращает на него внимания, так как еда намного важнее.

В казармах Александра, которые построены гораздо раньше, чем казармы Шпандау, начинается процесс хождения по различным кабинетам. Каждый мелкий служащий мнит себя Господом Богом, демонстрируя свою власть криком. Чем ниже звание, тем громче крик. Через два часа, которые мать прождала, стоя в коридоре, все формальности улажены. Я сдал свой паспорт, получив взамен личный жетон и расчетную книжку. Прочие новоприбывшие, и молодые, и старые, толкаются в коридоре. Неужели это все, что осталось у Германии?

Вместе с матерью поднимаюсь по лестнице на чердак. Чем выше мы оказываемся, тем мрачнее кажутся коридоры. На чердаке, где мне предстоит провести ночь, ужасно холодно. Всякий раз, когда открывается дверь, в оконных проемах дребезжат стекла. В комнате с наклонным потолком в беспорядке стоят несколько двухъярусных коек, шкафчиков без дверей, столов и шатких табуреток. Пожилые работяги сидят за столом и рассуждают о войне. Мы с матерью садимся на кровать и осматриваемся в полумраке. Позади нас раздаются голоса солдат, которые зажгли свечи. Никто из них больше не верит в победу. Они говорят, что сбегут, как только представится такая возможность.

Мать расстроена убожеством казарменной обстановки, разговорами старых работяг, унылой атмосферой. Она печально обращается ко мне: «Мой мальчик, тебе будет нелегко, но я желаю тебе всего самого хорошего». Ей пора уезжать, и мы медленно спускаемся по лестнице и выходим в звездную ночь. Из ярко освещенных окон казарм раздается звук голосов и трель флейты. Встревоженная мать говорит, чтобы я берег себя. Мы снова смотрим друг другу в глаза и в последний раз пожимаем руки. Очертания любимой фигуры медленно исчезают в темноте.

Пятница, 30 марта 1945 года

В семь часов меня будит пронзительный свисток дежурного унтер-офицера. Утренний свет пробивается сквозь маленькие окошки. Наконец нам, новобранцам, выдают котелки и форму, которые были так нужны еще накануне вечером, но вчера у неприступных и могущественных интендантов не нашлось для нас ни минуты времени.

Нам выдают немного горячего кофе и приказывают построиться. Я вспоминаю, что сегодня Страстная пятница.

Погода соответствующая, небо унылое и пасмурное.

Мы, новички в гражданской одежде, должны построиться на плацу, на правом фланге роты. Толстый обер-фельдфебель разделяет нас, стоящих вместе, 16-летних рядом с 60-летними: мы — последняя надежда Германии!

Нашей группой командует совсем молодой унтер-офицер, который строем ведет нас в санчасть на прививки. Мы раздеваемся в приемной, где разит потом и кожаными сапогами, и, чувствуя, что замерзаем, ждем начала прививок. Наконец нас тройками запускают в процедурную, где нас быстро осматривает пожилой фельдшер и характерным резким тоном кадрового военного объявляет: «Годен!» В соседнем кабинете каждому из нас делают три прививки: от холеры, сыпного тифа и малярии, по одной в каждую руку и одну в левый сосок. Врач и санитары работают как заведенные.

— Годен! — Прививки, штамп в расчетной книжке. — Следующий! Поторапливайтесь!

В нас они не видят людей, для них мы лишь цифры и пушечное мясо.

Прививки на меня не повлияли, и в полдень я с отменным аппетитом уплетаю вкусный гороховый суп, но многие солдаты есть не могут. Таких среди нас большинство. У них болят руки, они болезненно бледны, их тела чересчур истощены, чтобы выдержать подобные процедуры.

Днем получаем форму с интендантских складов. Нам швыряют одежду, смерив фигуру на глазок.

— Подходит? Свободен! Следующий!

Лишь вернувшись в казарму, мы можем толком примерить вещи. Китель слишком велик и болтается на мне, как на вешалке, рукава доходят до кончиков пальцев. Брюки, наоборот, до смешного коротки и едва достигают края сапог.

— Подходит? Свободен!

И я не один такой. Большинство моих товарищей похожи на огородные пугала или лопоухих первоклашек. Лишь обменявшись вещами, нам мало-помалу удается более или менее сносно одеться. Теперь мне подходит все, кроме сапог, но двум парням все же приходится скрепя сердце возвращаться на интендантские склады, чтобы поменять вещи.

Ближе к вечеру нам выдают по десятку сигарет и немного шнапса, чтобы отметить начало службы. Самые младшие из нас вместе с сухим пайком дополнительно получают хлеб и сало. Вечером иду в празднично украшенную столовую выпить пива. Украдкой рассматриваю сидящего за моим столом пожилого служивого, его светлые волосы и почти квадратную голову, синие

глаза цвета моря. По всей видимости, он бывший моряк. Мне удается с ним заговорить. Ему 58 лет, он приехал из Гамбурга. Зовут его Герман Виндхорст, в его имени звучит гул штормов и рокот морских волн.

Звучит сигнал «Отбой!». Нам нужно покинуть столовую и идти спать. Мы с ним оказываемся в одной казарме, даже в одном и том же углу. Странно, что я не видел его прежде.

Среди ночи меня будят проклятия. Словно аккомпанемент к сиренам воздушной тревоги в казарме и на плацу звучит резкий, пронзительный свист. Одуревший ото сна, натягиваю сапоги и ощупью пробираюсь сквозь темную комнату и спускаюсь по лестнице. Во тьме уже слышан звук двигателей истребителей-бомбардировщиков «москито»[7]. В центре города взрываются несколько бомб, небеса пронзают лучи прожекторов. Через два часа, измотанные и промерзшие, мы возвращаемся в кровати.

Суббота, 31 марта 1945 года

На завтрак для разнообразия подают сладкий молочный суп, который мы, усталые и голодные, поглощаем с нескрываемым удовольствием. Утром должны дополнительно выдать недостающее обмундирование, предполагается, что уже на обед мы должны прибыть в полевой форме.

Вернувшись в казарму, упаковываю остатки своей гражданской одежды, с тяжелым чувством закрывая коробку. Прощай, гражданская жизнь! Теперь я солдат. Пути назад нет.

Незадолго до полудня нам вновь неожиданно приказывают построиться. Наш взвод должен отправиться в Шпандау, будем сдавать анализ крови. Поскольку каждый день поступают новые призывники, естественно, в нашем взводе не все в форме. Поэтому впереди, отдельно, маршируем мы, а гражданские идут сзади, каждый в сопровождении унтер-офицера. Наш командир взвода — старший ефрейтор Бекер. Стоит прекрасный солнечный день, погода по-настоящему весенняя. Люди на улице останавливаются и смотрят на нашу разношерстную колонну, кое-кто провожает молодых призывников в серой форме печальным взглядом.

В Шпандау вовсю кипит работа. На мостах[8] через Хафель возводятся противотанковые заграждения, проходы в которые вот-вот закроют. Инженеры устанавливают мины. Приготовления к обороне идут в центре города, а нам ежедневно продолжают говорить, что мы побеждаем. Разве это не странно?

Несколько групп стоят у казарм Секта и, как и мы, ждут своей

очереди, в то время как новички проверяются в деле на плацу фельдфебелями. Нескольких из них я знаю по лагерям имперской трудовой повинности[9].

Наступает наша очередь. По одному проходим мимо санитара, который колет нас в указательный палец и выжимает капельку крови. Затем окунаем пальцы в банку, наполненную светлой жидкостью. Впоследствии санитар называет каждому его группу крови. У меня — вторая.

Строем идем в казармы, где в арсенале на наши жетоны наносят группу крови. Наступает время обеда. Мы стоим в длинной очереди на кухню вместе с солдатами, стекающимися со всех сторон. Живущие в казармах венгры образуют отдельную группу. Несколько солдат позади нас затевают с ними ссору, вызывая жаркий отпор сыновей Балкан. В результате мадьяры вынуждены ждать, пока не обслужат всех немцев. Они сердито отходят в сторону, сверкая голодными глазами, остатки некогда гордой венгерской армии, теперь щеголяющие в рваной коричневой форме. В их темных глазах отражается тоска по бескрайним просторам родины. Они абсолютно бесправны — немцы бьют их и демонстративно не общаются с ними, держат в постоянном страхе[10].

Днем новобранцев вызывают из разных казарм. Мы вместе идем в санчасть, где собираем солому из других казарм, набивая ею наши тюфяки. Я выбрал лучшую койку, с трех сторон защищенную узким проходом. Это должно обезопасить меня от того, что дежурный унтер на побудке сорвет с меня одеяло. На верхней койке располагается знакомый мне парень по имени Гейнц. Он из одной со мной школы, у нас с ним общий запирающийся на ключ шкафчик. Первое, что мы делаем, — раскладываем свои вещи.

Покончив с этим, мы вместе идем в столовую, где встречаем еще нескольких его школьных друзей. Подняв стаканы, пьем за братство. Мы — это я, Гейнц, мой сосед по шкафчику, а также Фриц Штрошн и Гюнтер Гремм. К вечеру столовая заполняется до отказа, накурено так, что хоть топор вешай. Мы выходим на улицу и гуляем до ужина. В нашей казарме новобранцы в возрасте от 17 до 35 лет. Раздача пайков происходит на удивление спокойно. Мы садимся и поглощаем ужин при мерцающем свете свечи. Сзади нас за столом играют в карты, в двадцать одно. Славный малый из Тодта[11], на гражданке корабельный кок, по-прежнему в коричневой форме, со смехом проигрывает взятку за взяткой. Крупье, Альфонс, остроумный железнодорожник, с улыбкой забирает выигрыш. Но фортуна переменчива, и когда за стол садится Штрошн, он сразу же

выигрывает у него 30 рейхсмарок. Идиллия рушится, когда кто-то врывается комнату с криком:

— Дежурный унтер! — Деньги и карты исчезают с быстротой молнии.

Мягко горит свеча. Я лежу в кровати и слышу разговор товарищей, неясным гулом звучащий в моем подсознании. Едва дневальный казармы вышел для доклада дежурному унтеру, как завыли сирены, и нам пришлось быстро одеться и спуститься в убежище.

Там один солдат рассказывает, как он был членом трибунала после событий 20 июля 1944 года и приговорил к смерти сто восемь солдат.

— Все умоляли о штрафбате, — говорит он, — возможно, надеясь таким образом сохранить себе жизнь, но, скорее всего, их все-таки расстреляли[12].

Бомбы разрываются совсем близко. Когда звучит отбой, ночное небо освещается золотисто-красным светом горящих на востоке зданий. Слышны отдаленные звуки сирены. Столица с облегчением переводит дух и вновь выбирается из подвалов.

Воскресенье, 1 апреля 1945 года

Сегодня первый день Пасхи. Густой туман. Вот-вот пойдет дождь. На завтрак дают особый праздничный сладкий суп. Еды мало, и нам постоянно хочется есть. Суп очень вкусный, но порция скудная.

После службы мы со Штрошном наводим порядок в нашем шкафчике, стараясь в честь праздника разложить все понаряднее, спрятав с глаз долой разную мелочь.

Затем обер-фельдфебель собирает нас внизу, чтобы провести по казармам. Он показывает нам стрельбища, расположенные рядом со зданиями, где стоят орудия зенитной артиллерии имперской службы трудовой повинности и мальчишки-зенитчики[13] расхаживают перед нами в ярко-синих шинелях с белыми шарфами. Сзади стоит разбитый танк, который используют в качестве мишени при отработке умений пользоваться панцерфаустом[14].

Под крутым откосом насыпи Рейхсшпортфельда расположен ряд аккуратных домов. Их оконные стекла горят в лучах прорывающегося сквозь облака солнечного света. Там гуляют празднично одетые люди, до нас доносится их смех, но между нами лежит непреодолимая пропасть.

Мы останавливаемся у зарослей кустарника и нескольких

высохших сосен, у основания которых вбиты три столба. Это берлинская расстрельная площадка номер пять, место, где казнят дезертиров, предателей и саботажников. Поверхность столбов изрыта пулями, и темные потеки засохшей крови похожи на следы пожара. Земля здесь темно-красная. Это человеческая кровь!

Обратно мы шагаем задумавшись. В лесу, ржавея около стрельбищ, стоят пушки. Почему их не используют? Похоже, это никому не известно.

На обед вареный картофель, мясо с соусом и десерт. Затем унтер выдает сухой паек на ужин. В честь праздника мы получаем целых двадцать сигарет, четвертинку шнапса и полбутылки вина каждому. Теперь нам действительно есть чем отпраздновать Пасху.

Днем лежу на кровати и читаю. К Гейнцу пришли. Мы со Штрошном едим принесенный ему пасхальный кекс. Уходя, его мать просит, чтобы мы позаботились о ее сыне, что мы с удовольствием ей обещаем.

Гейнц смущен. Вечером вместе с Германом мы идем в столовую и обсуждаем наше туманное будущее.

Незадолго до отбоя унтеры возвращаются из города в казармы пьяными. Трезв лишь Чучело, на котором, как на вешалке, болтается форма. Днем к нему приходила подруга, и он был занят другим.

Понедельник, 2 апреля 1945 года

Светлый понедельник, день мира и весны утратил свое значение в этом жестоком мире.

Утром мы несем картонные коробки с гражданской одеждой в штаб роты, откуда их почтой перешлют нашим родственникам. Я снова иду на интендантские склады и сую в руки подобревшего обер-фельдфебеля сигареты. Теперь я могу спокойно выбрать новую шинель и добротные штаны. Удивительно, насколько праздник и несколько сигарет способны изменить поведение некоторых людей!

Возвращаясь в казарму, вижу марширующую по плацу серо-коричневую колонну солдат, заунывно тянущих какую-то тоскливую песню. Поющие одеты в новенькую форму с расшитым золотом, как у эсэсовцев, воротом, на головах белые меховые шапки. И голоса, и песня не немецкие. Это русские — власовцы[15]. В их тоскливой песне, которую начинает запевала и мощно подхватывают все остальные, слышно дыхание просторов

бескрайних русских равнин. Эти русские — будущие офицеры армии Власова, армии, которой уже не существует. Их обучали обращению с немецким оружием и точно так же, как венгров, использовали как пушечное мясо.

На обед подали то же, что и вчера. Унтеры снова отправляются в город, а к Чучелу вновь приходит подруга. Зайдя за сухим пайком, мы застаем его в не совсем подобающем для приема посторонних виде и осторожно ретируемся.

Позже я дремлю на кровати. Затем мы с Гейнцем и Штрошном, прежде чем вернуться в казарму и попытать удачи в картах, заходим в столовую, чтобы написать открытки матерям. Осмотрительно делая ставки, выигрываю 30 рейхсмарок. Сегодня алкоголь способствует благожелательной атмосфере, все идет мирно. Мы втроем играем в скат, позже к нам присоединяется обер-ефрейтор Бекер. Мы с Гейнцем — дежурные по казарме и незадолго до десяти загоняем всех в постель и подметаем пол. Обер-ефрейтор осматривает комнату. Наконец мы свободны. Выключаем свет и вскоре крепко засыпаем.

Вторник, 3 апреля 1945 года

Сегодня должно начаться наше обучение. День начинается неважно, потому что у Ритна тяжелое похмелье и он в плохом настроении. После того как мы выпиваем утренний кофе, он заставляет нас строем десять раз пройти вокруг казармы, держа котелки с едой и по много раз распевая одну и ту же песню.

Другие роты уже строятся перед казармами, и поэтому нас распирает от гнева. Мы полностью во власти этого выскочки, нашего ровесника, только потому, что он носит унтер-офицерские нашивки. Хочется выть от возмущения.

У нас уже нет времени на завтрак. Проглатываем холодный кофе и снова строимся. Теперь нам нужно взять с оружейного склада патронные сумки с десятью зарядами, противогазы и плащи-накидки с капюшоном противохимической защиты. В момент выдачи обмундирования завывают сирены воздушной тревоги, и мы отправляемся в убежище. Мы можем видеть, как по небу, словно мухи, летят на восток первые «москито». Когда звучит отбой воздушной тревоги, ярко светит солнце, а над центром города поднимаются несколько гигантских столбов дыма.

Штабс-фельдфебель Бекер строит молодых призывников. Остальные со своими ефрейторами возвращаются в казармы. Кажется, для нас припасено нечто особенное.

Когда мы маршируем по полигону, штабс-фельдфебель Бекер объясняет нам, что сегодня должна производиться казнь и мы обязаны на ней присутствовать. Он добавляет с улыбкой, что такой приказ отдал командир нашей роты лейтенант Штихпер, чтобы укрепить наш боевой дух.

Маленький серый фургон с зарешеченными окнами стоит под деревьями рядом со стрельбищем. Мы стоим на краю леса и держимся скованно и тихо. Дверь фургона открывается. Трое мужчин в зеленых хлопчатобумажных робах сидят с одной стороны. Гражданский, седой священник, и обершарфюрер СС сидят с другой стороны. Когда один из военнопленных выходит, мы видим, что он в наручниках. Позади него — обершарфюрер СС с пистолетом. Приговоренный что-то с улыбкой говорит ему и медленно забирается обратно в фургон.

Ожидание начинает нас раздражать, разговоры стихают. Появляются двое эсэсовцев, бывшие товарищи обреченных на казнь. Они еще раз жмут руки бывшим сослуживцам. Затем они исчезают между деревьями. Все это кажется мне нереальным — лес, пение птиц, солнце в кобальтово-синем небе. И мы, находящиеся здесь для того, чтобы посмотреть, как казнят этих бедолаг. Зрелище неприятное и ничтожное, словно ярмарочный балаган.

Наш старший ефрейтор говорит с эсэсовским конвоем. Он сообщает нам, что утром один из приговоренных пробовал убежать во время медосмотра, и его задержали в приемной врача. Всем приговоренным к смерти сначала надо пройти медосмотр, который должен засвидетельствовать, что они здоровы, прежде чем их застрелят. Какая насмешка над гуманизмом! Для того чтобы быть застреленным, следует оказаться физически пригодным!

Наспех собранная из всех рот расстрельная команда строем выходит из казарм. Таких вещей не любят, и каждый старается подобного избежать. Только один высокий веснушчатый солдат вызвался добровольцем.

Мы ждем появления военного прокурора. Подъезжает открытый грузовик, в нем три гроба. Их черный лак ярко блестит на солнце. Мы смотрим на приговоренных, которые безразличны ко всему, кроме слов, слетающих с губ священника, словно они уже в другом, лучшем из миров.

Наконец подъезжает машина с врачом, офицером военной прокуратуры и писарем. Офицер слегка подпрыгивает, солнце играет в лакированной коже его неуставных сапог выше колена. Он небрежно касается пальцем фуражки и бросает быстрый взгляд на фургон. Затем подзывает писаря и идет к месту казни.

Сидящие в фургоне вылезают наружу. В сопровождении молящегося священника они медленно идут к расстрельной команде. Все в наручниках. Над площадкой раздаются громкие приказания. Расстрельная команда занимает позицию, двое перекрывают три открытые стороны площадки, чтобы не дать осужденным бежать. Тихо, будто стараясь никому не мешать, штабс-фельдфебель приказывает нам подойти ближе к месту казни. Мы встаем справа от расстрельной команды. Впереди те, кто пониже ростом, чтобы всем было видно. Рядом стоят жены некоторых офицеров и разговаривают между собой:

— Не правда ли, увлекательное зрелище?

Приговоренные в последний раз обмениваются рукопожатием со священником. Он воздевает руки вверх, благословляя их, и отходит. Военный прокурор, сопровождаемый писарем, подходит к столбам со стоящими перед ними приговоренными и перелистывает свои бумаги. Через несколько секунд решатся три человеческие судьбы. Даже здесь, на месте казни, их все еще могут помиловать.

Устанавливается жуткая тишина. Все, затаив дыхание, смотрят на обреченных на смерть людей. Замолчали даже женщины, они вслушиваются в слова военного прокурора. Тот откашливается и в полной тишине трижды произносит:

— Приговорен к смерти через расстрел. Прошение о помиловании отклонено.

На несколько секунд слова повисают в воздухе. Приговоренные опускают головы. Самому молодому восемнадцать, другие немногим старше. Офицер отходит, писарь растворяется в толпе. Вперед выходят три солдата и освобождают осужденных от наручников. Затем они снимают хлопчатобумажные робы с будущих жертв и ставят их перед столбами. Два белокожих, голубоглазых, хорошо сложенных юноши.

Третий парень поменьше ростом, более хилый. Несчастных привязывают к столбам кожаными ремнями, их тела дрожат под тонкими рубашками. Они еще раз смотрят на яркий солнечный день. Их детские глаза, уходя в иной мир, берут с собой на память красоту утра.

Расстрельная команда прицеливается. Раздается пронзительный крик.

— Прощайте, товарищи! — раздаются голоса осужденных. Вслед за ними я замечаю блеск резко опущенного вниз офицерского кинжала. — Огонь!

Внезапно все столбы пустеют, в крови лишь их древесина, как будто стреляли специально в нее. Доктор осматривает

расстрелянных. Парень поменьше поднимает голову, и у него изо рта идет кровь. Доктор прикладывает пистолет к его виску и нажимает на курок. Звучит приглушенный выстрел.

Отрывистые приказы, и расстрельная команда уходит. У меня горько во рту, на обратном пути все мы неестественно бледны.

Грузовик с тремя гробами нагоняет нас у ворот казармы.

Мы молча входим в казарму. Старшие засыпают нас с вопросами, но мы молчим и днем ничего не можем есть. Военный прокурор сидит в столовой, балагурит и уплетает за обе щеки.

После обеда приходит лейтенант. Необходимо привести кого-то из новобранцев к присяге, и завтра они отправятся на фронт, но все они не из нашей казармы, они старше. Стену столовой украшает военный флаг рейха, а перед ним два пулемета. Перед приведением к присяге люди подвергаются серьезной проверке.

Я иду в столовую с Гейнцем и покупаю два фунта селедки. Затем мы выпиваем литр пива, чтобы утолить жажду. Нам хочется непременно напиться, чтобы поскорее забыть произошедшее. Когда мы возвращаемся, церемония приведения к присяге уже закончена, идет обмен адресами. Завязалась дружба, но теперь нам снова приходится расстаться. Такова судьба солдата!

Ночью я лежу в кровати без сна. Луна висит в небе желтым диском. Я вижу перед собой ребят у столбов. Вижу, как вздымается и опускается их грудь, как взгляды их глаз устремляются в синеву небес. Перед моим мысленным взором проходят последние минуты их жизни. Неужели так будет и со мной? Если мне суждено лишиться жизни, то я предпочел бы более достойную смерть.

Начинает светать, и я задремываю. Затем меня будит свист унтеров, и я встаю, разбитый и невыспавшийся.

Среда, 4 апреля 1945 года

Этим утром все делается в спешке. Унтер-офицеры обходят казармы и поторапливают нас. На завтрак нам дают суп, и мы торопливо его проглатываем. Затем ровно в восемь часов перед зданием строятся старшие. Мы еще раз проходим вдоль их шеренг и пожимаем им руки. У многих из них в руках картонные коробки с гражданской одеждой. Неужели они берут их на фронт? За нами приходит штабс-фельдфебель и уводит с собой. Затем по шеренгам проходят унтер-офицеры, проверяя обмундирование и снаряжение. После этого появляется лейтенант Штихлер. Штабс-фельдфебель Бекер докладывает ему. Командир роты прощается и объявляет им место назначения: Франкфурт-на-Одере.

Призывников согласно приказу фюрера посылают для обучения на линию фронта.

Приказы отданы. Мы отходим в сторону и провожаем товарищей до ворот казармы. Когда мимо нас с песней строем проходят русские, сквозь тучи прорывается солнце. Жизнь продолжается.

Мы возвращаемся в казармы, но по дороге молодой шарфюрер СС в надетой набок не по уставу фуражке заставляет нас несколько раз пройти строем вокруг казарм. Затем мы без дела сидим в казармах приблизительно до десяти часов. Группа товарищей собирается вокруг стола в нашей комнате и начинает играть в карты. Играют до тех пор, пока наш покой не нарушает штабс-фельдфебель Бекер. Нам приказано постричься, но Штрошн и Гейнц решают уклониться от этого приказа. У меня волосы не отросли еще после лагерей имперской трудовой повинности, но кто знает, когда еще мне представится возможность привести себя в порядок.

Надеваю пилотку и иду в штаб батальона, где в уцелевшей части разбомбленного здания располагается парикмахерская. Я уже сижу перед зеркалом с накинутой на плечи простыней, когда являются два интенданта, и мне приходится встать и уступить их светлостям, которым парикмахер тут же с величайшим почтением предлагает занять мое место. Новобранцы находятся в самом низу иерархии и вынуждены ждать своей очереди. Когда я наконец пострижен, на голове у меня — настоящий прусский ежик.

Перед обедом нам приказывают убрать казарму в восточном блоке. Ее обитателей несколько дней назад отправили на передовую. Они оставили после себя порванные тюфяки, сломанные шкафчики и беспорядочно разбросанное постельное белье. Комнаты очень грязные, и мы стараемся побыстрее навести в них чистоту. Время от времени в дверь заглядывает унтер и отдает приказы. Мы его игнорируем, пока ему на помощь не приходят два его коллеги, которые заходят в комнату и начинают орать на нас. Мы стоим и спокойно слушаем, думая про себя: «Пошли вы к черту!», но, пока не вышел пар, изображаем внимание и даже капельку сочувствия. Затем троица исчезает, оставив в углу несколько набитых соломой тюфяков, которые они разорвали, чтобы досадить нам. По комнате медленно плывет густое облако пыли.

Подобные «незаменимые» филонщики везде одинаковы. Чем громче они орут, тем круче кажутся в казарме, но все отлично знают им цену. В казармах полно «незаменимых»: писари, санитары, всевозможные инструкторы и кладовщики. Все они обычные солдаты, но отчаянно цепляются за свои теплые

местечки, как утопающий за соломинку, в страхе перед отправкой на фронт. Иногда мне ужасно хочется врезать им по морде.

Пообедав одними овощами, мы вынуждены мыть грязную столовую, где на полу уже много дней валяются картофельные очистки. В это время на кухне толстый повар смачно жует жирные фрикадельки. Жир течет по его толстым щекам. У нас от голода текут слюнки.

К тому времени, когда мы заканчиваем, происходит смена караула.

В столовую на обед входят венгры. Они робко уступают нам дорогу, но глаза горят гневом, офицеры с трудом их сдерживают. Бедные парни. Но когда взорвется вулкан их негодования, то все-таки лучше держаться от них подальше!

Затем наш взвод выстраивается для учений с противогазами и плащами. Нас около ста человек. Восемьдесят выбыло, но все время прибывают новые. Сегодня прибыл 58-летний призывник, у которого одна нога короче другой, однако и он признан «годным к прохождению военной службы».

На оружейном складе нам выданы новые фильтры для противогазов. Мы уже получили новые стекла для глаз. Все артикулы занесены в расчетные книжки, и теперь нам недостает лишь оружия.

Мы идем в газовую камеру, которая расположена за казармами под сенью деревьев. Штабс-фельдфебель Бекер пускает немного учебного газа, чтобы проверить наши новые фильтры. Заходим в камеру группами. Через окно в заполненную дымом комнату проникает свет. Товарищи ходят кругами, как доисторические животные или как цирковые пони. Нам нужно сгибать колени, прыгать, поворачиваться и скакать на месте. Под масками скоро заканчивается воздух, и глаза застилает туман. Кажется, будто в голове бухает барабан. Тут мы замедляем движение и прямо в противогазах делаем дыхательные упражнения. Отвинтите фильтр, затем снова прикрутите. Наконец мы поем, звуки песни доносятся, как из могилы.

Мы снова задыхаемся и срываем противогазы. Гейнцу приходится сдать свой на склад, поскольку он ему не подходит. Постепенно мы восстанавливаем дыхание, сидя на пеньках и слушая звуки природы. Где-то поет птица, издалека доносится гул огромного города.

Наконец выходят последние. Приняли участие даже Чучело и Ритн. Когда Ритн снимает маску и ветер треплет его светлые волосы, он на мгновение становится похож на большого ребенка, но скоро на лице вновь появляется привычное выражение. Насколько нас, немцев, меняет звание и чин, тогда мы чувствуем,

что все остальные — марионетки и должны танцевать под твою дудку.

Вечером я сломал ложку, и интендант выдает мне новую в обмен на мою порцию сигарет. Затем перед отбоем мы с Гейнцем, Штрошном, Виндхорстом садимся в столовой играть в рамс.

Ночью нас снова будит воздушный налет. Окно в штабе батальона сияет ярко ночью. Прожекторы буравят небо, гулко гудят «москито», землю сотрясают разноцветные, как огоньки рождественской елки, разрывы. С тяжелыми глухими звуками бьет зенитная артиллерия, отправляя снаряды высоко в ночное небо. Когда мы возвращаемся в кровати, небо над центром города освещают мерцающие красные огни.

Четверг, 5 апреля 1945 года

После подъема в нашу комнату врывается штабс-фельдфебель. Десять человек отправляют разбирать завалы после бомбежки. Меня этот приказ миновал. Утром остальные строем идут в офицерскую столовую на лекцию. Свежеиспеченный лейтенант, только что из училища, говорит о воинском долге и дисциплине. Я представляю его нагишом. Из угла раздается храп, это заснул Альфонс. Всем явно надоело. Говнюк в лейтенантских погонах приказывает встать и заставляет слушать себя стоя. Он стоит прямо передо мной, над верхней губой едва пробивается первый пушок, ему явно не больше девятнадцати. Через час он отпускает нас и удаляется на офицерскую кухню, откуда до нас доносятся нежные ароматы. Нашим начальничкам, очевидно, жарят мясо, а мы едим одни овощи.

Затем мы, развалившись, сидим в казарме. Нужно поменять все неподходящие предметы одежды. Радуемся возможности поскорее избавиться от них. Мы с Гейнцем смотрим в окно и видим двух молодых зенитчиков, идущих прямо за гражданским, хромым стариком, по-видимому, раненным в боях Первой мировой войны. Юные дурачки передразнивают его, смеются и шутят. Выходим на плац и вразумляем их, а когда они начинают наглеть, то получают по морде и ретируются, как нашкодившие щенки.

Из штаба батальона выходит группа оживленно щебечущих женщин в косынках с хозяйственными сумками. У некоторых за поясом под передником торчит пистолет. Рядом с ними идут офицеры СС. Это берлинские домохозяйки, которые в ответ на обращение Геббельса пять часов в неделю берут уроки стрельбы. После обеда нам выдают каски. Сегодня нас должны привести к

присяге, поэтому трое наших товарищей уходят, чтобы украсить зал. Чистим обмундирование и полируем пуговицы. В пять часов построение. Штабс-фельдфебель проходит вдоль строя. В касках все мы выглядим одинаково. Таково единое лицо молодежи 1945 года.

Мы стоим в столовой. На облицованных панелями стенах висят военный и партийный флаги рейха со свастикой. Видимо, это символы единения армии и партии. На стене напротив невыразительно написанный маслом портрет Гитлера. На полу два пулемета, обращенные дулом на нас. Входит офицер, и штабс-фельдфебель докладывает ему. Молодой лейтенант говорит о флаге, фюрере и битве до последней капли крови. Я отключаюсь; для меня все происходящее — театр, а сам я ощущаю себя статистом в этой печальной пьесе. Лейтенант унылым голосом зачитывает вслух текст присяги. Мы медленно повторяем и после слов: «С помощью Господа!» снова вытягиваем руки по швам. Меня распирает от гнева, хочется съездить ему по физиономии. Теперь нам нужно написать свои имена и фамилии в большой книге, чтобы тем самым засвидетельствовать, что мы приняли присягу.

Пятница, 6 апреля 1945 года

Утром лейтенант сообщает нам, что мы отправимся на фронт завтра рано утром. С момента церемонии принятия присяги нас называют «гренадерами».

В казарме мы начинаем неторопливо укладывать вещи. Наша мирная жизнь в казармах закончилась. Штабс-фельдфебель выражает сожаление, что завтра мы так рано уезжаем, потому что предстоит казнь еще пятнадцати человек. Десять из них участвовали в заговоре 20 июля.

Все утро занимаемся обмундированием, доводя все до блеска, поскольку смотр будет производить командир батальона. После завтрака сдаем столовые приборы интенданту, затем в казарме садимся играть в карты с бывшим железнодорожником Альфонсом и корабельным коком Эрихом, теперь «гренадерами Мюллером и Шульце». Это фамилии, символизирующие наше будущее.

Затем мы строимся возле казармы перед военным мемориалом. Мы стоим, а наша амуниция разложена перед нами на плацу. Командир батальона принимает построение. «Вольно!» — отрывисто командует он. Затем штабс-фельдфебель Бекер зачитывает список выданной амуниции из расчетной книжки. Мы

должны поднять каждую вещь, когда майор проходит по шеренгам. Если ему что-то не нравится, мы должны показать все сначала. Наконец, он захотел посмотреть, носим ли мы первый комплект нижнего белья. Вегнер и Эбель были вынуждены переодеться на плацу десять раз после начала смотра и теперь стоят во втором комплекте. Спустя почти два часа майор испытывает голод и решает перекусить. В своей претенциозной речи он говорит нам о том, что для таких молодых, как мы, это великая честь умереть за Гитлера. Затем он разглагольствует о людоедах-большевиках, а перед тем, как скрыться в офицерской столовой, заставляет нас прокричать: «Зиг Хайль!»

Вечером жирный кассир, еще один «незаменимый», чьи привилегии отчетливо читались на его лице, выдает нам жалованье. Каждый из нас получает три новеньких банкноты «Гиммлер» по 10 рейхсмарок[16].

Затем мы все собираемся в столовой. Виндхорст узнал, что утром мы уезжаем, и пришел к нам проститься. Мы говорим о том, что нас ждет. В армейских сводках сообщают о боях на западе возле Нюрнберга и Ганновера. На фронтах затишье, но война продолжает бушевать, ежедневно размалывая в своих жерновах все новые и новые жизни, в то время как вожди без устали твердят об оружии возмездия. Это делается для того, чтобы взвинтить нервы страдающих людей. После нас хоть потоп! Таков лозунг, и молодежь верит в Гитлера, как в мессию. И я тоже!

Раздается вой сирен. В убежище тихо играет губная гармоника, а снаружи гремит зенитная артиллерия и дрожит от взрывов земля. В унисон ревут двигатели бомбардировщиков, несущих смерть и разрушение городу.

Суббота, 7 апреля 1945 года

В казарму входит Ритн и будит нас. Мы в последний раз потягиваемся в кроватях, а затем мчимся в туалет. Походный паек, состоящий из хлеба, колбасы, масла и сигарет, выдают в комнате дежурного унтер-офицера, но для него не хватает места в наших мешках. Мы решаем сразу же что-нибудь съесть, и потому не занимаемся сборами, а торопливо жуем, набив рот.

Стрелка часов неумолимо движется вперед, последние минуты тянутся ужасно медленно. Я заново быстро складываю вещи, нижнее белье, письменные принадлежности и маленький альбом с фотографиями, короче, все, что осталось у меня от гражданской жизни. Странно, что нам позволили взять с собой

все то, что может отвлекать нас от главного. Что вчера говорил майор? «Мысли о доме — недостойны молодого солдата!»

Штабс-фельдфебель Бекер отправляет нас на плац. Берем вещи и медленно спускаемся по лестнице. Унтеры снова проходят вдоль строя. Тут погон неправильно пришит, здесь пояс не так застегнут. Сзади — остающиеся товарищи. Альфонс балагурит: «До встречи в братской могиле!» «Мы займем вам место у окна!» — отвечаем мы. Жаль, что старшие остаются здесь, их опыт мог быть полезен, чтобы сдерживать энтузиазм восторженного молодняка.

На плац выходит лейтенант. «Смирно!» Он спокойно принимает доклад штабс-фельдфебеля, затем прощается с нами. Сопровождающий нас унтер-офицер выходит вперед, мы следуем за ним.

Из восточного блока казарм повзводно выходят солдаты. Плац торопливо пересекают новобранцы, несущие котелки с кофе. Венгры строем и с песней отправляются на стрельбище. Жирный оберфельдфебель поправляет мундир, отряхивается. Виндхорст прощально салютует нам кивком головы. Распахиваются ворота казармы, и мы покидаем наших товарищей. Торжественным маршем мимо проходят заунывно поющие русские. Как только мы оставляем казармы, выглядывает яркое солнце.

Начинается новый этап нашей жизни.

Глава II. На фронт

Мы строем идем к станции метро Рулебен, прямо от ворот казармы, закрывшихся за нами, как мне кажется, навсегда. Я чувствую, будто обрел свободу. Ветви деревьев, растущих вдоль дороги, покрыты зеленым пушком, почки на них вот-вот раскроются. Мы шагаем в неизвестность.

Фольксштурм[17] неторопливо возводит баррикады возле тоннеля. Работающие разобрали тротуар, забили в землю железные балки. Заполненные камнями товарные вагоны рейхсбана[18] уже готовы в случае необходимости перекрыть дорогу.

На станции метро проходим через турникеты к залитым солнцем платформам[19]. Унтер-офицер сопровождения остается внизу, чтобы сделать отметку в наших путевых документах. Приближается время отправления поезда. Звучит команда «По вагонам!». Мы вваливаемся в вагоны совсем как гражданские, которым надо куда-то спешить. Как солдатам, нам положено ждать, но гражданские повадки в нас все еще живы.

Двери закрываются, и поезд приходит в движение. Смотрю в окно и вижу, что унтер-офицер сопровождения бежит за нами, крича что-то вслед отъезжающему поезду. Возникает спор, что нам делать. У него все наши документы, включая расчетные книжки.

Вагон постепенно заполняется, причем главным образом женщинами, которые едут по городским магазинам. Мы выходим на Кайзердамм и устраиваемся на платформе. Поезда подходят, останавливаются и снова отходят, исчезая вдали.

На газетном стенде вывешены журналы и газеты. С первой полосы «Беобахтер Иллюстрирте» улыбается офицер СС в новеньком мундире с дубовыми листьями к Железному кресту[20].

Наконец унтер-офицер сопровождения выходит из одного из поездов. Он сердито подходит к нам, но успокаивается, видя, что мы все на месте и никто не потерялся. Садимся на следующий поезд, едущий до зоопарка, где выходим из метро и поднимаемся вверх на станцию городской железной дороги. Нас подхватывает людской поток. Гуляющие по улицам женщины и девушки сменили зимнюю форму одежды на весеннюю. Руины церкви кайзера Вильгельма[21] тонут в рассветной дымке. Мемориальная церковь, Курфюрстендамм, — славные названия, любимые места Берлина, на которые мы недавно смотрели глазами свободных граждан. Какая бездна отделяет их от нас теперь, когда мы можем лишь мельком бросить на них взгляд. Останавливается трамвай,

стремительно проносятся автомобили. Суматоха, суета — таков ритм большого города!

Мы выходим на платформу как раз в тот момент, когда отходит поезд на Эркнер. Теперь нам еще двадцать минут придется ждать следующего. Мы ставим наши мешки и гуляем по платформе. Неподалеку непринужденно курят офицеры СС, поставив у ног чемоданы из свиной кожи. На них новенькие галифе, кожаные пальто с меховыми воротниками и легкие портупеи с пистолетными кобурами. Партийные бонзы в желтой форме с нарукавными повязками фольксштурма. Толстяк с портфелем и нарукавной повязкой со свастикой на пальто блаженно выдыхает сигарный дым. Вокруг нас снуют девушки в легких прозрачных весенних платьях, куда-то торопятся измученные заботами женщины, изможденные рабочие, голодные дети — таков многоликий Берлин.

Наконец подходит поезд на Эркнер, он уже переполнен. Мы с трудом протискиваемся внутрь. Станции мелькают как в кино — лежащая в руинах Фридрихштрассе, Винтергартен со сгоревшим куполом, Шиффбауэрдамм, Адмиральспаласт, Апександерплац со статуей Беролины. Универмаги «Герти» и «Аваг».

Море зданий большого города вскоре отступает, и начинается сельская местность — Карлхорст, Руммельсберг. Жители пригородов копошатся в своих садах, крестьяне вспахивают поля. Деревья и кустарники только что покрылись листвой, и ликующие птицы порхают в голубом весеннем небе.

Городская железная дорога заканчивается в Эркнере, оттуда нам нужно ехать пригородным поездом, который отправляется только через три часа.

Платформы полны офицеров и солдат всех родов войск, даже моряков, сражающихся на Одере[22]. Все они ждут поезда. Повсюду развешены плакаты, предупреждающие военных о том, что дезертирство карается трибуналом. Здесь же женщины, приехавшие в деревню, чтобы выменять на что-то продукты для голодных детей, и беженцы из Франкфурта-на-Одере, которые хотят вернуться, чтобы попробовать спасти еще что-то из вещей. Они сидят на корзинах и мешках, в то время как СС[23] и военная полиция проверяют паспорта.

Нам выдают расчетные книжки и разрешают уйти со станции. Оставляю мешок и ранец на платформе.

Перед станцией несколько разрушенных зданий и руины разбомбленной фабрики. Эркнер, некогда прелестный цветущий пригород, буквально сметен морем огня из-за завода шарикоподшипников «Кугельфишер», принесшего ему смерть и разрушение.

В Эркнере закрыты все пивные. В них поселили беженцев и местных жителей из разрушенных бомбежкой домов, влачащих жалкое существование на скудных остатках своего имущества.

Медленно бреду мимо сожженных загородных домов и маленьких семейных коттеджей, обвиняюще глядящих на мир из зелени садов. Меня часто спрашивают, сколько мне лет, и одна молодая девушка даже предлагает мне гражданскую одежду брата и обещает спрятать. Однако мне не хватает храбрости, и я отвечаю отказом.

Расстилаю шинель на маленькой лужайке перед станцией и растягиваюсь на ней. Тепло дня успокаивает. Я лежу, дремлю и думаю о будущем. Меня будит товарищ. Пора возвращаться!

На платформе не пройти. Из берлинских поездов на станции вышло много народа, в основном гражданские. Поезд подходит, и его тут же штурмуют гражданские. К счастью, мне удается добраться до моего мешка, который все еще лежит там, где я его оставил. Большинство товарищей из нашей группы — здесь. СС очищает головную часть поезда от гражданских, чтобы мы могли влезть. Сажусь у окна и кладу мешок на багажную полку. Как только солдаты усаживаются, в вагон разрешают войти гражданским. Они с благодарностью стоят в коридорах, набившись, как сардины в банке. Сопровождающий унтер-офицер нервничает, поскольку Вегнера все еще нет, но наконец тот протискивается внутрь в последнюю минуту перед отправлением поезда.

Паровоз медленно, выпуская пары, двигается вперед по сельской местности. По обе стороны железнодорожного пути тянутся пустоши. Напоминанием о нешуточных временах в этих безмятежных местах служат траншеи и колючая проволока. Люди стеной стоят на небольших станциях, пробуя влезть в поезд, гирляндами висят на крышах вагонов, на подножках и буферах, набиваются в купе кондукторов. Некоторые даже цепляются за трубы водных резервуаров паровоза.

Поезд время от времени останавливается. Воздушная тревога! Солдаты из охраны поезда наблюдают за небом с крыши паровоза и последнего вагона. Внезапно кто-то трубит в горн. Над самой землей летит самолет! Люди в панике бросаются из вагонов. Те, кто на крыше, спрыгивают прямо на тех, кто находится ниже. Когда рев мотора усиливается, первые успевают скрыться под сенью леса. Я лежу между рельсами, слышу частые пулеметные очереди. Снова становится тихо, и я встаю. Люди, лежащие в лесу и траншеях, робко поднимают головы и медленно начинают приходить в себя, но тут вновь раздается звук авиационных двигателей. Все снова молниеносно прячутся. К счастью, это

немецкий самолет, и люди постепенно возвращаются, на лицах женщин и детей неподдельный страх.

Вижу пулевые отверстия в вагоне, сильно разбита деревянная обшивка купе. Невероятно, но паровоз не поврежден и никто не убит. Ранения получили лишь несколько женщин, двенадцатилетней девочке в суматохе сломали ребра.

Вагон заполняется снова, и поезд медленно катит вперед, над ним пролетают немецкие самолеты. Я встаю и выглядываю в окно. Приближается встречный поезд, его паровоз изрешечен пулями, солдаты перевязывают раненых. Какие-то женщины останавливают наш поезд и помещают раненых в наш багажный вагон. Другие по рельсам пешком идут к следующей станции.

Наконец мы подъезжаем к Фюрстенвальде. Здесь кипит бурная деятельность. Большинство людей на платформах — солдаты в серой полевой форме. Плакаты и написанные красным предупреждения предостерегают о низколетящих самолетах. Мы строимся и переходим на станцию Зеелов железной дороги Одербрух[24]. Следующий поезд отходит в двадцать ноль ноль.

Мы оставляем наши вещи и идем в город. Обедаю вместе со Штрошном и Гейнцем в привокзальной гостинице, в изящной обстановке которой наша форма выглядит потрепанной. Затем мы идем на прогулку. На каждом дереве указатели различных частей и родов войск. По некогда тихим улицам проносятся автомобили и мотоциклы, грохочут танки. Фюрстенвальде, находящийся всего в тридцати километрах от фронта и тридцати — от Берлина[25], превратился в военно-транспортный узел. Мы медленно бредем по городу, отоварив последние пайковые карточки в разных магазинах, где нас вежливо обслужили. В каждом из них нам дали что-нибудь сверх пайка. Домохозяйки охотно уступают нам очередь и, качая головами, спрашивают, сколько нам лет. Покупаю немного хлеба, масло, овсянку и сахар.

Рассматриваем витрины на главной улице. В книжном магазине продается специальный выпуск издания СС «Счастливая молодежь» — название набрано крупными буквами над изображением члена гитлерюгенда, несущего огромный барабан. Меня эта картина злит. Да, воистину и я совсем недавно был частью той самой «счастливой молодежи», которая маршировала вслед за таким вот барабанщиком. Наши детство и юность с момента, как мы пошли в школу, и до сего дня были унылы, как глухой барабанный бой. Будет ли так дальше?

Мы стоим на рыночной площади перед симпатичным зданием ратуши, близ которой, как цыплята вокруг наседки, теснятся небольшие здания. Режет глаз претенциозное каменное здание со свастикой на флаге — комитет нацистской партии.

Поблизости знак — «автомагистраль — 4,5 километра». Мчащиеся машины, колоны на марше, солдаты и офицеры всех родов войск, а также часовые и патрули лишили небольшой городок нормальной мирной жизни.

Мы медленно идем на вокзал. Вокруг нас непрестанное движение, внезапно вторгшееся в этот город. Я расстилаю на платформе шинель, кладу под голову мешок и засыпаю. Проснувшись, вижу, что наступил день. Мимо с грохотом проезжает поезд с платформами, на которых установлены зенитные артиллерии, следующими во Франкфурт-на-Одере. Перекусив, прогуливаюсь вместе со Штрошном по платформе. У колючей проволоки стоят две симпатичных девушки. Мы понимаем друг друга с первого взгляда. Две сестры, блондинки с голубыми глазами, подзывают нас. Скоро мы, прогуливаясь рядом с ними, самозабвенно болтаем. До отправления поезда остается три часа.

Девушки живут возле вокзала. Одной — семнадцать лет, второй — восемнадцать. Их зовут Илона и Гизела.

Мы останавливаемся возле их дома, и девушки предлагают нам зайти и выпить стакан вина. В столовой висят фотографии их родителей. Отец — полковник военно-воздушных сил, в гражданской жизни — профессор философии. Мать отправилась в Берлин и вернется лишь поздно вечером.

Мы протягиваем вино. Илона идет в соседнюю комнату, и Штрошн следует за ней, плотно закрыв за собой дверь.

Я остаюсь с Гизелой наедине. Полосы солнечного света ложатся на стол. Я смотрю на нее, она смотрит на меня. Ее глаза сияют прозрачной синевой горного озера. Беру Гизелу за руку, и она не отдергивает ее. Грудь ее вздымается, она доверчиво прижимается лицом к моему плечу и закрывает глаза.

Когда мы пробуждаемся от эйфории, уже почти семь часов. Гизела лежит подле меня и улыбается. На ее щеках играют ямочки, взгляд становится лукавым.

В семь в комнату тихо стучат, и этот звук возвращает нас к выполнению долга. Мы еще раз глядим в глаза друг другу. Я пытаюсь запечатлеть в памяти ее образ — синие глаза, золотистые волосы, изящные крылья носа и красивый изгиб губ. Хочу вспоминать ее в самые мрачные мгновения и снова пережить эти счастливые воспоминания.

Мы вместе выходим из дома и возвращаемся на вокзал. Унтер-офицер сопровождения приказывает нам больше не уходить со станции, поэтому мы прощаемся с девушками у забора. Медленно подходит наш поезд. Мы оставляем в вагоне свои вещи и снова выходим. Нам кажется, что время идет

слишком быстро.

На соседнюю платформу прибывает поезд из Франкфурта. Из вагонов выходят мужчины и женщины с рюкзаками и тележками, набитыми картофелем. В результате загородной поездки матери раздобыли еду для голодных детей, а домохозяйки — для трудолюбивых, измученных работой мужей. Внезапно подходят железнодорожные полицейские и конфискуют картофель у нескольких женщин, шумно выражающих свое недовольство. Те, у кого есть картофель, тут же бросаются врассыпную. Солдаты в форме войск СС перекрывают выходы, не давая людям сбежать и сдерживая толпу. Это совсем еще мальчишки, которые вполне могут быть сыновьями этих матерей; дети, действующие, как марионетки, готовые по приказу убить даже собственных родителей.

Гизела крепко прижимается ко мне, ее глаза наполняются слезами.

— Подобное происходит каждый день, — говорит она. — На прошлой неделе застрелили женщину, которая посмела не отдать им картофель. Теперь ее двоих детей передадут полиции.

Глядя на все это, мы в бессильном гневе сжимаем кулаки.

Внезапно происходит нечто невероятное. Мучимые позором происходящего мужчины, отцы семейств, прорываются через заградительный кордон. Внезапно вмешиваются сидящие в нашем поезде солдаты, ждущие отправки на фронт. Они встают стеной между гражданскими и эсэсовцами. Конфискованные вещи солдаты спокойно изымают у парней из СС и возвращают людям. Оружие они держат наготове и не прочь его применить. Мы провожаем людей на поезд и ждем, когда он исчезнет за горизонтом. Только после этого медленно идем назад к нашему поезду, думая о людях, которые возвращаются в столицу с едой для детей и мужей.

Время до отправления еще есть. Мы стоим у окна, разговаривая с Илоной и Гизелой. Прицепляют паровоз, и мы наконец трогаемся. Начальник станции дает сигнал. Теплое рукопожатие, последний взгляд, и мы медленно покидаем станцию. Два светлых пятна — фигурки девушек — остаются на платформе и вскоре тают вдали.

Краткий романтический сон уносится в прошлое, и в права вступает унылая действительность. В ясном небе над лесами и полями появляются первые звезды. Мы незаметно въезжаем в окрестности Лебуса с его лугами и тучными пастбищами, останавливаясь на каждой небольшой станции, где шумно сходят и заходят солдаты.

В нашем купе тихо. Иногда призрачно вспыхивает огонек

сигареты. Из соседнего купе раздается храп спящих.

Вдали видны посадочные огни аэродрома[26], и время от времени небо на востоке освещается сигнальными ракетами. Мы приближаемся к линии фронта.

Внезапно поезд останавливается в открытом поле.

Охрана поезда проходит по вагонам, предупреждая об опасности бомбежки. Паровоз спускает пары, и дальше поезд идет очень медленно. Все спят. Вдалеке грохочет фронт.

Мы просыпаемся от толчка. Все на выход! Хмельные ото сна, мы, спотыкаясь, выходим в холодную ночь. Мне холодно. Небеса прозрачны, ночь темная и звездная. Унтер-офицер сопровождения где-то рядом производит перекличку. Наконец, все еще полусонный, нахожу свою группу. В свете факела на указателе видно название станции — «Фалькенхаген».

Строем отправляемся в путь. К счастью, мы в полном составе. Пока на перекрестке мы ждем сопровождающего унтер-офицера, который пошел доложить о нашем прибытии коменданту деревни, по деревенским улицам грохочут колеса прицепов с пушками и колонны поддержки. Нас сгоняют с дороги мотоциклисты связи с затуманенными фарами. Сквозь защитную оболочку облаков прорывается луна, и в ее слабом свете мы видим спящую деревню.

Возвращается унтер-офицер. Комендант деревни приказал, чтобы мы прибыли на позиции под покровом темноты. Мы снова отправляемся в путь. В полночь начинается наш марш на фронт.

Глава III. Рекрут на фронте

Воскресенье, 8 апреля 1945 года

Мы покидаем деревню и отправляемся на север. Кое-где за окнами мелькает свет — здесь размещены на постой солдаты. Изредка в окне показывается чье-то заспанное лицо, и проснувшийся усталым взглядом провожает нашу колонну.

Мои плечи оттягивает тяжелый ранец, холодный ветер неприятно сечет лицо. Дорога, ведущая к линии фронта, запружена гужевым транспортом. Из темноты появляются неосвещенные повозки и катят дальше, грохоча колесами. Возницы небрежно нахлестывают изможденных лошадей[27]. Время от времени где-то впереди появляется затемненный призрачный свет автомобильных фар.

Мы проходим мимо лугов, деревянных ограждений пастбищ, столь любимых коровами в дневное время. Сейчас это все освещено слабым лунным светом. Приближаемся к лесу. Становится еще темнее. Идущего впереди не видно, о его присутствии можно лишь догадываться.

Иногда плывущие по небу облака открывают луну, и на землю падает ее жидкий свет. Установленные на перекрестках дорожные указатели показывают расположение военных частей. Мы сходим с главной дороги и сворачиваем направо на узкую тропинку, петляющую по лесу. Наш сопровождающий унтер-офицер дает команду остановиться для отдыха.

Сбрасываю с плеч ранец и прислоняюсь спиной к стволу дерева. Примерно в двадцати километрах от нас видны взлетающие к небу языки пламени, освещающие линию фронта. Как только гаснет один далекий пожар, его сменяет новый. Изредка глухой винтовочный выстрел или пулеметная очередь нарушают ночную тишину. Пора двигаться дальше. Мы медленно двигаемся вперед, часто останавливаемся и ждем, когда к нам подтянется отставшая часть колонны. Справа видна водная гладь пруда, мерцающая в свете луны и звезд, прорывающемся из-за туч. Осталось идти уже совсем немного. Сильный ветер рвет облака в клочья, и окружающее пространство на какое-то мгновение освещается бледным лунным светом.

Неожиданно мы выходим на покрытую гудроном дорогу. Откуда-то из темноты перед нами возникает свет, позволяющий увидеть ворота. Мелькает огонек от фонарика часового. Мы добрались до места назначения — завода, на котором собирают

«оружие фау»[28].

Мы строем проходим мимо внушительных размеров мастерских, возникающих из темноты подобно жутким сказочным великанам. Перед одной из них мы останавливаемся. Здесь находится командный пункт командира нашего полка[29]. Сопровождающий нас унтер-офицер отправляется доложить о нашем прибытии и получить новый приказ. Я ложусь, откинувшись спиной на ранец, и смотрю на восток. До фронта всего каких-то десять километров. Далеко на юге и севере он уже прорван, и бои кипят в таких стратегически важных точках, как Кюстрин и Франкфурт[30].

Возвращается унтер-офицер и при свете фонарика зачитывает наши имена. Два человека отсутствуют. Наконец мы гуськом следуем дальше, в мастерскую. Движемся в темноте на ощупь, проходим через несколько коридоров, позвякивая касками и котелками. Пропускаю поворот и, не попав на ступеньки, ведущие в какой-то подвал, налетаю на стену, впрочем, не очень больно. Чувствую, что ужасно устал. Откуда-то возникает слабый свет. Мы находимся в подвале. Унтер-офицер показывает нам наши спальные места в длинном коридоре, по обе стороны которого тянутся ряды нар. Все это почему-то напоминает конюшню. Спотыкаюсь о какие-то доски и бросаю ранец на солому. Рядом на пол кучей навалены ручные и винтовочные гранаты. Медленно стягиваю сапоги с гудящих от усталости, опухших и натертых ног. Сапоги мне жмут, хотя квартирмейстер уверял, что они будут мне впору.

Под лестницей обнаруживаю водопроводный кран. При свете фонарика смываю с себя дневную пыль. Вода очень холодная и на какой-то миг взбадривает меня. Уже час ночи. Мои товарищи укладываются спать или едят. Я тоже достаю еду и торопливо жую, чувствуя, что сильно проголодался. На нарах на противоположной стороне коридора лежат солдаты, вернувшиеся с линии фронта, та жалкая горстка, которой посчастливилось живыми вернуться сюда. Из восьмисот человек осталось всего семьдесят три. Они рады тому, что им посчастливилось уцелеть в боях.

В восемь утра нас будит унтер-офицер, по виду типичный тыловик. Оказалось, что так оно и есть. Солдаты постарше не обращают на него внимания, и поэтому он обрушивает свою неутоленную жажду власти на нас. Нам не разрешается отправиться на завтрак, сначала мы должны подмести пол стометрового коридора, заваленного соломой и песком. Каждый угол следует побрызгать водой. Вода попадает на нары, от нее намокает солома. Наконец нам приходится насухо вытереть пол

тряпками. Тупоголовый пруссак заставляет меня заняться уголками, которые остались нечищеными.

Тайком выскальзываю наружу. Погода стоит прекрасная. Солнце прогревает холодный ночной воздух, и его сияние постепенно рассеивает утренний туман. Главная дорога проходит мимо мастерских. Мотоциклисты связи или порученцы на конях поднимают клубы пыли, которая медленно оседает на землю. Мимо проезжают обозы с продовольствием и боеприпасами.

В дверях появляется унтер-офицер, и поэтому я возвращаюсь обратно, после чего отправляюсь на полковую кухню с охапкой дров. Гейнц со Штрошном тоже находятся там. Затем мы сливаемся с окружающим ландшафтом и бродим по заброшенным цехам. Замаскированные входы уводят нас в подземные мастерские, открытые двери которых как будто приглашают нас познакомиться с их тайнами. Здесь больше не занимаются сборкой «оружия фау», потому что рабочих призвали в армию. Мы видим панцерфаусты, лежащие рядом с гладкими боками бомб. На верстаках, затянутых паутиной, лежит внушительный, толщиной в палец, слой пыли.

Мы возвращаемся в подвал, где мирно поглощаем завтрак. На соседних нарах солдаты готовятся к бессонным ночам, пытаясь забыть ужасные подробности боевых действий на передовой. Перед мастерской унтер-офицер демонстрирует свою власть над нашими товарищами, главным образом теми, кто значительно старше нас. Им приходится подметать огромными метлами главную дорогу. Это совершенно бессмысленное занятие, потому что каждое проезжающее транспортное средство поднимает клубы пыли, покрывая уже расчищенные участки дороги. Однако приказ есть приказ, каким бы глупым он ни был.

Солнце неторопливо поднимается на небосклоне. Скоро полдень. Как я уже сказал, сегодня воскресенье. Мы сидим на траве под деревьями на бугорке позади мастерских и предаемся своим мыслям. Появляется унтер-офицер и гонит нас работать.

Нам приходится грузить повозки, прибывающие с фронта за боеприпасами. Нагружаем панцерфаусты, с которыми, по словам Геббельса, способен справиться даже новорожденный ребенок. Лошади увозят свою тяжелую поклажу, и к нам без перерыва подкатывают все новые и новые повозки. Мы уже давно успели съесть походные пайки и с урчащими от голода желудками грузим на телеги ящики с продовольствием.

В полдень появляется наш унтер. Нам приходится отправиться к восточным воротам со всем нашим снаряжением. Быстро свертываем шинели и одеяла и выбегаем из подвала. Обер-ефрейтор устраивает перекличку. Присутствуют все, потому

что двое наших потерявшихся товарищей нашлись.

Унтер-офицер уходит и возвращается с полковым командиром и двумя штабными офицерами. Затем докладывает старшим по званию, и полковой командир дает команду «вольно». Он спрашивает имя у каждого из нас, а также задает вопросы о местожительстве и происхождении. Когда он узнает, что среди нас нет никого, кому больше семнадцати, то с воодушевлением произносит:

— 1928-й год рождения — последняя надежда Германии. Ваш фюрер верит в вас!

Затем он добавляет еще несколько слов о том, что фюрер послал свою молодежь в окопы для того, чтобы она знала о жертвах, приносимых фронту.

При этом под горлом у него покачивается Рыцарский крест. На солнце ярко сияют дубовые листья у него на петлицах.

Из строя выходят самые старшие по возрасту солдаты. Офицеры уходят в офицерскую столовую. Сержант командует:

— Направо!

Мы строем отправляемся на фронт.

Покидаем фабричный комплекс через восточные ворота. Дорожное покрытие заканчивается, и начинается грунтовка, сильно разбитая колесами повозок и гусеницами бронемашин. Вижу огромные танки, съехавшие с обеих сторон дороги в лес. Поражаюсь их количеству, их больше, чем я мог предполагать. Внешний вид боевых машин обманчив. Они замерли в неподвижности, поскольку у них нет бензина. Танкистов, одетых в черную форму, теперь разместили в окопы как простых пехотинцев.

Среди деревьев стоят грубо сколоченные хижины — это казармы, занятые солдатами войск СС. Любой солдат, покинувший передовую, может добраться только до этого места, если его, разумеется, не успеет схватить военная полиция, потому что для фронтовиков это граница тыла. Здесь царствует военная полиция, сковавшая кольцом страха сердца воюющих на фронте солдат.

У них специально натасканные на людей собаки, которые по ночам охотятся за теми беглецами, у кого от ужаса боев не выдержали нервы. Солдаты войск СС лениво развалились на стульях, безмятежно подставив лица солнечным лучам. Выражение этих лиц обманчиво миролюбиво.

Проходим мимо домиков немецкого Красного креста, где разместились полевые госпитали. Чувствуем отвратительный запах карболки и крови. Раненые солдаты греются на солнышке. Их товарищи, которым ампутировали конечности, заново учатся

ходить. Сворачиваем с главной дороги направо и идем по полям и лугам, чувствуя, как с каждой минутой солнце начинает припекать все сильнее. С каждым шагом ранец кажется мне все более тяжелым. Горло горит от жажды, желудок своим урчанием постоянно напоминает о том, что я уже давно не ел. Вдалеке вижу красную макушку какой-то церкви.

В деревне мы спрашиваем, где находится командный пункт батальона, и тащим свои усталые кости еще два километра до тех пор, пока не оказываемся в последнем доме на дальнем краю деревни. Она расположена возле дороги, которая ведет в Фюрстенвальд. Мимо нас проезжает обоз. Усталые лошади, понурив голову, с трудом тянут тяжелую поклажу. У нас есть немного времени, чтобы отдохнуть на командном пункте. Мы ложимся в кювет и закрываем глаза.

Проходит добрый час, прежде чем нас отправляют на командный пункт роты, к которой мы приписаны. Нам приходится тащиться обратно, на противоположный край деревни, откуда мы недавно пришли. Там находятся части самых разных родов войск. Взвод выстраивается в очередь за пайком. Слышен звон церковного колокола, созывающего местных жителей к молитве.

Поворачиваем налево и направляемся к железнодорожной станции. Поезда здесь не ходят уже давно, и между рельсами выросла высокая трава. Через узкоколейку проезжает грузовик, громко сигналя нам.

Командный пункт нашей роты находится на ферме неподалеку от станции. Сопровождающий унтер-офицер докладывает о нашем прибытии и направляется обратно в полк. Молодой лейтенант, командир роты, выстраивает нас в одну шеренгу, затем делит на отделения соответственно возрасту и росту. В наше отделение попадают практически все те, кто ночевал вместе в казарме. Нам представляют нашего унтер-офицера, переведенного в пехоту из парашютной части[31]. Это невысокого роста пруссак с приятным лицом.

До нас доносится запах варящегося горохового супа. Оказывается, что на нас не рассчитывали, решив, что пайков нам хватит до сегодняшнего вечера. Тем не менее мы получаем по миске горячего дымящегося супа.

После еды расходимся по своим отделениям. Некоторым из наших солдат придется спать в сарае рядом с командным пунктом, потому что мест для ночлега всем не хватает. Мы отправляемся дальше. В нашем отделении 17 человек, включая унтер-офицера.

Идем строем вдоль железнодорожных путей, затем

сворачиваем на тропинку, петляющую через пыльное поле. Вижу первые побеги молодой травы.

Скоро перед нашими взглядами предстает развороченная взрывами земля и кучи песка в тех местах, где вырыты траншеи и блиндажи. Мы находимся на позиции № 16, где нам предстоит ночевать. Один за другим спускаемся по земляным ступенькам вниз. Проход настолько низкий, что нам приходится нагибать голову. Помещение крошечное, как кукольный домик. У входа стол, под ним две шаткие скамьи. Два ряда лежаков с охапками соломы возле задней стены. Мы заходим поочередно, бросаем вещи на лежаки и выходим наружу. В блиндаже так тесно, что мы постоянно толкаем друг друга локтями. Когда мы все оказываемся внутри, то напоминаем сардинок в банке, нам приходится укладываться едва ли не друг на друга. Поесть всем одновременно в блиндаже невозможно, кому-то приходится оставаться на своих лежаках.

Пока остальные устраиваются на ночлег, я вместе с Гейнцем и Штрошном выхожу в траншеи. Местными фортификационными сооружениями занимались жители деревни и члены гитлерюгенда, и поэтому вся система траншей прорыта хаотично, без какого-либо единого плана. Рядом с готовыми траншеями есть такие, что лишь намечены и имеют глубину не больше одного штыка лопаты.

Перед окопами, обращенными на восток, земля плавно обрывается вниз от железной дороги к заливным лугам. На дальней стороне она снова вздыбливается невысокими холмами. Справа от нас находится деревня Литцен, окруженная полями. Она заканчивается холмом с ветряной мельницей. Вдали слева возвышаются крыши литценского комтура[32], орденского подворья. Позади нас местность ровная, плоская. Дальних лесов нам не видно.

Наша позиция является местом для отражения атаки вражеских танков. Этому также способствует всхолмленная местность и заливные луга. Я задумываюсь над тем, рискнут ли русские танки свернуть с дороги и двинуться прямо на нас. Мы находимся на третьей линии обороны, и наша позиция носит имя последнего немецкого президента. Рельеф, как я уже сказал, здесь неровный, и поэтому передний край, до которого всего пара километров, виден плохо[33]. Старая мельница — единственный ориентир. Слева от деревни и мельницы видно расположенное на склоне холма старое военное кладбище. Его кресты похожи на лишенные листьев деревья.

Вегнер и Блачек отыскали картофелехранилище и вернулись с полным мешком картошки. Набираем дров и приносим

несколько кирпичей. У нашего унтер-офицера оказался большой котел, под которым скоро весело пылает огонь.

Постепенно темнеет. В соседнем блиндаже также разжигают костер, в свете которого мы видим силуэты наших соседей-солдат. Откуда-то издалека доносится шум моторов. Вскоре над нами с ревом пролетают несколько «Мессершмиттов»-109[34], направляющихся к линии фронта. Через несколько секунд раздается грохот русских зенитных орудий[35]. Затем в дело вступают орудия более крупного калибра. Самолеты возвращаются обратно, летя низко над деревьями. Вскоре снова становится тихо. Мы снимаем котел и тушим огонь. В блиндаже раздаем еду, каждому достается по котелку картошки. Несколько солдат вкушают пищу, сидя и лежа на топчанах. На перемычке над входом стоит зажженная свеча. Унтер-офицер назначает время ночного караула. Мы с Гейнцем будем стоять на посту с десяти вечера до полуночи. Унтер рассказывает о фронте, говорит, что со слов пленных известно о том, что русские готовят мощное наступление. Получается, что мы угодили в самое пекло.

Неторопливо готовлюсь к вахте. Бой может остаться в постели, потому что одного часового вполне достаточно. Я беру у нашего унтер-офицера винтовку «42», обращаться с которой толком не умею. Я никогда не держал в руках оружия, и поэтому, если что и случится, от винтовки не будет никакой пользы. Выхожу на открытый воздух, навстречу звездной ночи, медленно поднимаясь по ступенькам. С полей доносится свежий ветер, и мне становится зябко. Прохаживаюсь от траншей до блиндажа и обратно. Время тянется очень медленно. В нашем блиндаже гаснет свет, и вскоре оттуда доносится дружный храп.

Прямо передо мной совсем рядом вспыхивают сигнальные ракеты Вери. Становится так светло, что я хочу броситься на землю, однако мне нельзя покидать пост. Когда сигнальные ракеты наконец гаснут, все вокруг снова погружается во мрак, и вскоре глаза привыкают к темноте.

На фронте тихо. Тишину ночи не нарушает ни один выстрел. Время тянется мучительно медленно. Минуты кажутся мне часами. Время от времени из блиндажа кто-нибудь выглядывает, спрашивает у меня время и снова ныряет обратно в тепло.

Со стороны русских позиций летит самолет, двигатели которого издают звук, похожий на стрекот швейной машинки[36].

Полночь. Медленно спускаюсь по ступенькам вниз и передаю пост другому солдату. Тот неохотно поднимается со своего лежака. Снимаю шинель и ложусь, оттолкнув в сторону соседа, чтобы нормально лечь. Чувствую, что устал, как собака. Глаза мои закрываются, и погружаюсь в сон.

Глава IV. Обучение в окопах

Понедельник, 9 апреля 1945 года

Нас будят в шесть утра. Достаю сумку с туалетными принадлежностями и вместе с Гейнцем спускаюсь к заливным лугам. Раздеваемся и, сделав несколько шагов, в одних трусах заходим в ледяную воду. Над лугами стелется легкий туман. Прозрачная холодная вода смывает усталость с наших тел. Мы быстро возвращаемся обратно в блиндаж, где воздух буквально можно резать ножом. Большинство наших товарищей уже оделись и стоят, дрожа, неумытые и непричесанные. Немного позже блиндаж приводят в порядок. Вместе с Позембой отправляюсь на командный пункт за горячим кофе, который нам наливают прямо в котелки. После этого садимся завтракать на открытом воздухе. Штрошн, Гейнц и я садимся на кучу песка. Едим, наслаждаясь редкими лучами солнца, светящего с той стороны, где находится мельница.

В нашем блиндаже нет электрического света, отсутствует и печка. Придется где-то искать провод и патрон для лампочки, потому что свечей у нас осталось всего несколько штук. Я вызываюсь найти провод.

Между тем время идет, и нам нужно отправляться на командный пункт, где наконец собирается вся наша рота. Лейтенант пересчитывает нас, затем делит на восемь отделений по десять человек в каждом. Идем на луга, где начинается боевая подготовка.

Теории уделяется очень мало внимания, нам нужно знать лишь то, как необходимо обращаться с оружием. Начинаем с винтовки № 42, нам показывают, как она разбирается. Каждому из нас нужно собрать и снова разобрать ее. Через час отделения меняются, и мы отправляемся к унтер-офицеру, который разбирает пулемет № 42 и объясняет нам его устройство. Через час мы приступаем к изучению панцерфауста.

Затем нам устраивают короткий перерыв, после которого штабс-фельдфебель приступает к своему любимому занятию — проводит с нами занятие строевой подготовки. Разделяемся на взводы и начинаем маршировать, зачерпывая в сапоги воду. Отрабатываем повороты в сторону и кругом. Одно задание тут же сменяется другим. При этом мы поднимаем фонтан брызг. Штабс-фельдфебель нами недоволен и заставляет пройти еще дальше на луга, где вода еще глубже. Неожиданно он командует: «Лечь!» Мы

испытываем короткое замешательство, затем неохотно ложимся в холодную воду. «Встать! Бегом!» Мы вскакиваем и начинаем бежать. «Лечь!» У нас нет времени на раздумья, мы снова падаем в воду, поднимая брызги. «Ползком!» Мы подчиняемся приказу. Штабс-фельдфебель доволен. Он закуривает сигарету и улыбается, стоя рядом с нашим унтером. Мы измучены упражнениями и тяжело дышим.

Встать! Лечь! Бегом! Ползком! Мы больше не можем думать о чем-то другом, кроме этих команд. Мы превратились в машины, автоматически отвечающие на малейшее прикосновение рычага управления. Мы — безропотные марионетки. Но приказ есть приказ, и ослушаться его мы не смеем. Тем временем к нам незаметно приближается командир роты, который обрушивает поток брани на нашего штабс-фельдфебеля. Тот, ошарашенный появлением старшего по званию, забывает приказать нам встать, и мы продолжаем лежать лицом в воде.

После этого мы бегом возвращаемся в блиндаж. Развешиваем на ветвях деревьев мокрую одежду и стараемся согреться при помощи физических упражнений. Неужели мы действительно ждали, что всему, кроме строевой подготовки, нас будут учить на фронте? Программа подготовки по-прежнему следует расписанию, соответствующему мирному времени, но старший нашего отделения против такой практики и говорит, что штабс-фельдфебель, который направлен сюда из частей военной полиции, всегда ведет себя подобным образом.

Направляемся строем на кухню, расположенную на командном пункте, и получаем в котелки по половнику горячей бобовой похлебки, которая немного восстанавливает наш моральный дух, но плохо утоляет терзающий нас голод.

В обеденный перерыв вместе с Блачеком отправляюсь на орденское подворье на поиски электрического провода. В деревне, в которой все еще остались местные жители, расположилась рота связи. Обмениваем на сигареты небольшой моток провода и отрываем большой кусок провода от автомобильной радиостанции. То-то связисты поломают голову, думая, куда он делся! Затем медленно бредем по территории замка, где какие-то гражданские подзывают нас и угощают хлебом, намазанным жиром. Удивившись, благодарим их. Несмотря на близость фронта, эти люди все еще живут в своих домах, обрабатывают принадлежащие им участки земли. Старики греются на солнышке, а дети шумно играют на дороге и быстро убегают прочь, завидев приближающуюся автомашину. Крестьяне неторопливо занимаются своими делами, обрабатывая поля. Лишь изредка кто-нибудь из них смотрит на восток, чтобы

убедиться, какое расстояние до линии фронта.

Обратно мы возвращаемся через старое кладбище, посредине которого выкопана траншея. На куче песка валяются осколки костей, видны холмики свежевыкопанных могил.

В три часа наше отделение назначают в караул. Мне, к счастью, поручается проложить электрический провод. Соединив два куска, подвожу провод от источника питания до нашего блиндажа. Закрепляю один конец при помощи изоляционной ленты. Остается найти патрон и электрическую лампочку.

В блиндаж заглядывает лейтенант. Спрашивает, что я думаю о войне. Я отвечаю, что Гитлер снова восстановит порядок. Затем сажусь на крышу нашего жилища и наблюдаю за тем, что происходит на полях. Время от времени до моего слуха доносятся громкие команды. Где-то далеко слышен звук авиационных моторов. Сижу и мечтаю.

В шесть часов возвращается наше отделение. Следующий час посвящаем хозяйственным делам взвода и чистке оружия. Впрочем, для чистки у нас имеется всего две винтовки. Привожу в порядок свою все еще сырую форму и, ежась от холода, натягиваю штаны. Мои товарищи приносят кирпичи и раствор и начинают складывать печь.

Одеваюсь и, получив разрешение унтер-офицера, отправляюсь в деревню за лампочкой. Иду по полям, чтобы немного срезать путь. Шагаю по узкой тропинке, посыпанной гравием и песком, по обе стороны которой протянулось залитое водой пространство. Под моими ногами эта жалкая насыпь местами проваливается, и приходится идти по воде. Несмотря на это, радуюсь, что сэкономил полчаса пути и существенно сократил расстояние.

На деревенской улице оживленно — крестьяне возвращаются с полей, ведя за собой волов. В деревне разместились наши артиллеристы. Их окружают любопытные ребятишки. На стенах домов видны лозунги геббельсовской пропаганды, намалеванные белой краской. Рядом — реклама небьющегося армированного стекла.

В деревенской лавке приобретаю моток изоляционной ленты. На двери соседнего дома вывеска — «Командный пункт окружного руководителя». Два партийных функционера сидят за столом. Перед ними бутылка. Во дворе двое солдат заигрывают с местными девушками. Завожу разговор с какой-то деревенской красоткой. Она находит для меня электрическую лампочку и сует в руку несколько сигарет.

Вспоминаю о Гизеле. Сожалею о том, что соблазнил ее, однако прихожу к мысли, что война уничтожила все запреты, а я

еще так молод!

Возвращаюсь, проходя мимо задних дворов крестьянских хозяйств. Быки мычат, позвякивая цепями. Звонит церковный колокол и напоминает мне о том, что наступил вечер.

В блиндаже мои товарищи уже приступили к ужину. Гейнц сохранил для меня мой паек, состоящий из полбуханки хлеба, масла, колбасы и пятнадцати сигарет. Кроме того, каждому выдали по полбутылки вина. Это — фронтовой паек № 1. Меняю сигареты на вино, чтобы приготовить глинтвейн на уже сложенной печке.

В блиндаже стало уютно. Горит печь, товарищи лежат на койках, о чем-то переговариваясь. Подсоединяю патрон к проводу, и в помещении становится светло.

С командного пункта возвращается наш унтер-офицер. Он приносит несколько панцерфаустов, а также коробки с боеприпасами. Завтра он с нашими предшественниками возвращается во Франкфурт. Он сообщает, что русские уже заняли Вену, а американцы — Ганновер и Геттинген, что бои идут в Тюрингском лесу.

Мои товарищи начинают говорить о войне. Байер жалуется, что у него ревматизм и плохо действует правая нога. Он не сможет пройти триумфальным маршем через Бранденбургские ворота, поскольку не в состоянии идти гусиным шагом. В печке горит огонь. На столе лежит принесенное унтер-офицером оружие. Уточнен график караула. В блиндаже гасят свет, и наружу выходит караульный.

Вторник, 10 апреля 1945 года

С утра снова боевая подготовка, начинаем с пулемета. Бывший командир моего отделения отправляется в роту, которая до этого занимала наши позиции. К сожалению, лейтенант, который показался нам разумным малым, также покидает нас, на этот раз вместе со штабс-фельдфебелем. Из батальона нам присылают лейтенанта Фрике, он будет командиром нашей роты. На глазу у него черная повязка, на груди Железный крест 1 — го класса. Мы снова поделены на отделения по десять человек в каждом. Наконец мы сможем поудобнее устроиться в блиндаже. Нашего унтер-офицера зовут Гельмут фон Ленцке. С виду он кажется приличным человеком.

Мои товарищи, приданные другому отделению, забирают свои вещи и уходят. После этого мы залезаем в траншею и учимся заряжать пулемет. Над нашими головами на большой высоте

пролетают бомбардировщики люфтваффе, взявшие курс на восток. У нас все еще есть самолеты. Это дает нам надежду на лучшее будущее. Мне в голову приходит мысль: они бомбят немецкие города, при этом уничтожая немцев. Но эта мысль посещает меня ненадолго, больше думаю о надежде. Тем временем русские неуверенно начинают обстрел из зенитных орудий.

Постепенно приходит навык обращения с оружием, практика гораздо интереснее скучной теории. Нам раздают по две гранаты, которые мы цепляем к поясным ремням. Запалов у гранат нет. Вместе с новым унтер-офицером, в котором нет ничего военного, отправляемся на обед. У него красивая голова, аристократические черты лица. Он похож не на солдата, а на ученого.

Забираемся в траншеи и учимся распознавать цель. У меня получается плохо. Хотелось бы не учиться военному делу, а наслаждаться солнечным светом. Но ведь мы солдаты и должны воевать за наш народ и нашу страну. За какую страну? Сегодня от нее осталась лишь полоска земли между Одером и Эльбой.

Когда вечером мы возвращаемся на командный пункт, наши старые товарищи по казарме сидят на железнодорожной насыпи в ожидании нового назначения. Мы рады снова встретить друг друга. Альфонс и Эрих заключают нас в железные объятия. Унтер-офицер Эккерт прибыл из Рулебена вместе с ними, он назначен на продовольственный склад. Садимся рядом с товарищами и слушаем их рассказы. Они покинули казармы в понедельник, а в воскресенье стали свидетелями казни еще пятнадцати дезертиров. Несчастных расстреливали группами по трое. Следующей тройке приходилось укладывать расстрелянных в гробы. Тела последней тройки хоронили обычные солдаты. «Это делается для того, чтобы приучить вас к смерти!» — пояснил офицер. На грузовике в тот раз отвезли пятнадцать гробов.

Позднее нам раздают пайки. Я получаю двадцать сигарет, бритвенные лезвия и писчую бумагу. Отдаю лезвия товарищам, так как мне самому они не нужны. Некоторым нашим солдатам приходится спать в сене на командном пункте. Нам добавляют еще четырех человек, чтобы нас было не меньше, чем раньше.

Оказавшись в блиндаже, они рассказывают нам, что недавно был большой воздушный налет на Берлин и что казармы сейчас практически пусты. В бой бросили всех, даже венгров и русских. Теперь даже школьники, начиная с 12-летнего возраста, ежедневно обучаются обращению с оружием. Сформированы отряды юнгфолька[37] для борьбы с вражескими танками, они вооружены старыми французскими и бельгийскими винтовками. Многие немецкие девушки добровольно отправились на фронт,

даже те, кому всего четырнадцать лет.

Сегодня ночью мне выходить в караул. Унтер-офицер приказывает потушить свет. Надеваю шинель и выключаю лампочку. Медленно выхожу наружу, навстречу холодной ясной ночи. В полдвенадцатого возвращаюсь в блиндаж и закрываю дверь. Слышу мирное дыхание спящих. Кто-то храпит. Сажусь возле печки и впадаю в дрему. Просыпаюсь от толчка. Это один из товарищей выходит наружу, чтобы оправиться. Полвторого ночи. Я быстро включаю свет и бужу солдата, который должен заступить в караул после меня.

Среда, 11 апреля 1945 года

Просыпаемся от разрывов артиллерийских снарядов. За замком в воздух вздымаются клубы дыма. Мне становится тревожно.

После обеда появляется вестовой. Мы должны явиться на командный пункт в полной боевой выкладке. Ворча, собираем имущество. Нам так и не удается обжиться на новом месте. Забираю электрическую лампочку, Вегнер сматывает и уносит провод. Теперь можно идти.

На командном пункте выстраиваемся по росту. Численность нашей роты выросла до 150 человек. Среди нас ходит слух о том, что мы возвращаемся в Берлин. Когда появляется лейтенант, мы с нетерпением ожидаем его приказаний. Его слова вызывают у нас разочарование. Вместо того чтобы вернуться обратно, мы выдвигаемся вперед, на фронт. Нас переводят на новые позиции. Мы займем позицию № 22. Унтер-офицер фон Летцке остается с нами, но отделение наших старых товарищей занимает нашу позицию.

Идем вдоль железнодорожной насыпи к новому месту. Мимо проезжает вагонетка с несколькими офицерами. Ее приводят в движение два солдата. В комтуре загружается мука. Неподалеку находится полевая кухня.

Наша новая позиция находится в восточной части замка. На косогоре ниже кузницы вырыты траншеи и блиндажи. Окопы протянулись между дорогой и внешней стеной цитадели. Глинистое дно окопов полно воды. Около стены расположена уборная. Наш блиндаж находится прямо посередине траншей. Его крыша тщательно замаскирована. Внутри довольно просторно для двадцати пяти человек. Обстановка состоит из стола и печки без трубы. Я быстро занимаю койку возле двери, заполучив, таким образом, неплохое местечко. Каски и противогазы висят снаружи,

чтобы не загромождать жилище.

Вместе с Гейнцем отправляюсь осматривать замок. Нам нужно где-нибудь найти трубу для печки. В доме прямо за нашей позицией располагается полевой госпиталь. Впереди находится кузница, откуда доносится лязганье металла. Есть здесь и колонка, где можно набирать воду. На орденском подворье имеются внушительных размеров сараи и коровник. Строение, напоминающее фольварк с широкой подъездной дорожкой, служит резиденцией командира дивизии. В подвале устроена новая кухня. Неподалеку бродят несколько облезлых котов.

Мимо нас проезжает кабриолет, запряженный четверкой лошадей. Вытягиваемся по стойке «смирно» и отдаем воинское приветствие. Генерал с моноклем в глазу небрежно кивает нам. Затем подзывает нас и спускается на землю. Неприятным голосом генерал спрашивает, почему плохо приветствуем его. Мы объясняем, что еще не научились правильно делать это. Когда он узнает, что мы — призывники 1928 года рождения, то называет нас последней надеждой Германии. Мы должны своими телами закрыть дорогу ордам наступающих большевистских варваров.

«Так точно!» — отвечаем мы. После этого генерал удаляется. Мы же медленно идем дальше. В стойлах мычат коровы в ожидании дойки. В свинарнике резвятся свиньи и поросята. Мы видим побитое временем древнее строение. Это амбар. Читаем дату — 1530 год. Когда-то здесь была церковь, но службы в ней не проводятся с 1920-х годов[38].

Полный картошки котел стоит перед входом в наш блиндаж. При помощи нескольких товарищей затаскиваем его внутрь. За время нашего отсутствия новое жилище расчистили и привели в полный порядок.

Унтер-офицер проходит вместе с нами по траншеям и указывает нам наши отдельные позиции, которые мы должны занять, если дело примет серьезный оборот. Мне указано место возле дороги. У нас по-прежнему нет оружия, лишь по две гранаты без запалов.

Пора идти на командный пункт за обедом. На этот раз расстояние больше, чем на прежнем месте. Пожалуй, у нас не будет возможности вернуться в блиндаж во время обеденного перерыва. Штрошн вместе с Вегнером остаются варить картошку.

На командном пункте дует сильный ветер. Эрих, бывший корабельный кок, занялся кухней и приготовил для нас прекрасный обед. Он говорит, что сварил суп из целого поросенка. Об этом свидетельствуют крупные капли жира и куски мяса, плавающие на поверхности супа.

Днем мы снова на полях, учимся обращаться с винтовкой и

пулеметом. Чувствую, что кое-какие навыки уже приобрел. Около пяти часов возвращаемся в блиндаж и целый час посвящаем чистке мундиров и оружия. Вычищаю оружие нашего унтер-офицера, затем принимаюсь стирать свои носки. Один из них штопаю, потому что в нем образовалась дырка размером с кулак. Поскольку на мне сапоги, этого никто не видит. Кипячу воду на печке. Затем мы с Штрошном моемся. Это жизненно необходимо, потому что мы спим одетыми.

Наш ужин состоит преимущественно из вареной картошки. Я толку в котелке свою порцию и посыпаю ее солью. Было бы неплохо добавить к этому жареной гусятины. Зульфатерн, захвативший с собой свою гражданскую одежду, часть ее выменял на продукты. Он делится с нами салом и жиром. Затем уходит и снова возвращается с полным ведром еще теплого молока. Он советует мне сменять крестьянам мои часы, за них я многое смогу получить.

Немного позже сажусь писать письма Гизеле и матери. Оба письма я отправлю утром. Затем мы с товарищами разговариваем о наступлении, которое должно переломить ход боевых действий в нашу пользу. Унтер-офицер молчит, затем неожиданно взрывается: «Неужели вы на самом деле верите, что мы еще можем победить?». Мы верим в это. Даже я верю. Штрошн делает скептическую гримасу и улыбается.

Засыпаем поздно. Когда гасим свет, в печке еще остаются угли, все еще освещающие наше жилище. В блиндаже устанавливается приятное тепло. Перешептываюсь о чем-то с Гейнцем и вскоре засыпаю. Снаружи доносится приглушенный рокот авиационных двигателей.

Четверг, 12 апреля 1945 года

Просыпаюсь в пять утра, потому что мы с Гейнцем заступаем в караул. Натягиваю сапоги и шинель и выскальзываю на свежий утренний воздух. Вешаю на себя сумку с противогазом и надеваю каску. Беру также и винтовку, которая едва ли не больше моего роста. Медленно обходим вверенную нам территорию. На небе гаснут последние звезды. Проходим вдоль ограды и оказываемся на дороге. Мост охраняет фольксштурмовец с итальянской винтовкой. У него всего три патрона. На обочине видим несколько деревьев, стоящих в воде. Их ветви опалены артиллерийским обстрелом и скорбно вскинуты в небо. Из утреннего тумана появляются несколько повозок. Лошадьми управляет 15-летний паренек в эсэсовской форме. Он из Литцена.

Его вместе с 60-летним отцом заставили надеть эту форму. Отца вчера убили выстрелом в голову, но мать парня еще не знает об этом.

Время тянется медленно. В шесть часов будим унтер-офицера, который поднимает наших спящих товарищей. Мы быстро умываемся под колонкой, готовимся к наступающему дню. Отправляюсь вместе с Гейнцем за кофе на кухню в штаб дивизии, чтобы не тащиться до командного пункта роты.

На кухне видим армейскую листовку со сводкой последних событий. «Генерал Лаш сдал Кенигсберскую крепость русским. Несмотря на это, верные фюреру части гарнизона продолжили сопротивление. За сдачу в плен врагу генерал Лаш приговорен к казни через повешение. Его семья арестована. Бои на Западном фронте ведутся под Нюрнбергом».

В восемь часов отправляемся на командный пункт роты. По графику нас ожидает часовая лекция. Лейтенант рассказывает нам о новом чудо-оружии, которое скоро тысячами прибудет на фронт. Винтовки, которые стреляют из-за угла! Сначала мы смеемся, затем становимся серьезными. Разве это не может быть первым из чудес? После лекции лейтенант сообщает, что высшим военным руководством одобрена новая награда за сбитый с земли вражеский самолет.

Позиции № 23 и № 24 часто подвергаются вражескому артобстрелу, однако большую часть времени здесь спокойно. Нам даже удается удить рыбу в соседних прудах. Между прудами и передовой расположена небольшая роща. По слухам, оттуда по ночам уже доносятся голоса русских. На этой позиции у нас имеется всего две винтовки.

Некоторое время спустя начинаются занятия по стрелковой подготовке. На другом краю заливного луга установлены картонные мишени для стрельбы боевыми патронами. Стреляю слишком торопливо и попадаю мимо. Возможно, виной промаха является и винтовка. Наш повар прилагает все усилия, чтобы обрадовать нас своими кулинарными изысками. Одновременно с этим нам удалось подкопить пайки, так что у нас возникают некоторые излишки — сигареты, вино, крем для бритья, писчая бумага и брючные пуговицы. Последние мне особенно пригодились, потому что я ухитрился где-то потерять целых шесть пуговиц. Они очень практичны, потому что их не надо пришивать.

Днем мы с нашим унтер-офицером учимся занимать места в окопе. Он говорит, что мы должны хорошенько изучить систему траншей и отведенные нам стрелковые ячейки. Это нужно уметь сделать при любых обстоятельствах.

Мы освобождаемся довольно рано и отправляемся варить нашу вечную картошку. Вечером унтер-офицер сообщает нам о смерти Рузвельта. Мы обсуждаем возможные последствия его смерти и вероятность немедленного выхода Америки из войны. Итак, глава враждебной нам страны мертв. Неужели это доброе предзнаменование? Мы продолжаем разговор. Ганс, как обычно, жалуется на ревматизм и неспособность принять участие в победоносном марше через Бранденбургские ворота. Гадаем, когда начнется большое наступление, которое переломит ход войны. Когда нам удастся прорвать линию фронта, то мы быстро начнем наступать, поскольку русские также исчерпали почти все свои силы.

Сегодня нам с Гейнцем предстоит нести караул с десяти до двенадцати. Мы заранее готовимся к нему. После приказа погасить свет наши товарищи ложатся спать. Гасим свет, берем винтовки и выходим в темноту.

Медленно обходим орденское подворье. Видим свет, горящий там, где расположен полевой госпиталь. На западе небо освещают лучи прожекторов. В небе повисают зеленые и красные огни сигнальных ракет. Берлин снова бомбят.

Какое-то время стоим на дороге. Проходят долгие минуты. Или, может быть, часы? Услышав рокот танкового мотора и лязг гусениц, мы испуганно вздрагиваем. Неужели русские? Быстро прижимаемся к стене и вслушиваемся в темноту. Мимо нас проезжает бронированная громадина танка. По гигантской пушке узнаем родной, немецкий танк «Тигр»[39]. Медленно выходим на дорогу, все так же, не теряя бдительности. Танк останавливается, из него показывается танкист и направляет бронемашину ближе к стене.

Вступаем в разговор с танкистами, которые сообщают нам, что русские, судя по всему, готовятся к наступлению. Сотни немецких танков спрятаны в лесу и готовы к контратаке. На нашем участке фронта, кроме русских, находятся и войска Зейдлица, одетые в немецкую форму с наградами и красными повязками на рукаве. Это же надо — немцы против немцев![40]

На часах почти полночь. Возвращаемся к блиндажу и садимся на скамью у входа. Затем захожу внутрь и бужу солдата, который должен сменить нас. Ждем снаружи.

С позиций русских к нам летит самолет. Он напоминает огромную хищную птицу, готовую в любую секунду наброситься на жертву. Звук двигателей похож на стрекот швейной машинки. Нарушая ночную тишину, он слышен на большом расстоянии. Это старые русские бипланы, летающие на малой высоте и уничтожающие любую вспышку света внизу точным броском

бомб. Эти самолеты также используются для подавления артиллерийских расчетов и получили в наших войсках прозвище «птицы смерти»[41].

Наружу, наконец, выходит наша смена. Мы передаем винтовки и ныряем в теплый блиндаж, предварительно повесив каски и противогазы у входа. Быстро скидываем шинели, сапоги и падаем на койки.

Пятница, 13 апреля 1945 года

День начинается как обычно. Умываемся холодной водой из колонки, смывая вчерашнюю усталость. В половине восьмого отделение уходит, а я остаюсь вместе с Гейнцем в карауле. Я присматриваю за картошкой, тогда как его задача — набрать дров. Крестьянки доят кров — сытых и красивых домашних животных. Набираюсь смелости и прошу у женщин немного молока. Те, с шутками и прибаутками, наливают мне полный котелок.

Мы убираем наше жилище и устанавливаем на печку трубу, которую Вегнер благоразумно захватил с собой. Выхожу из блиндажа, сажусь и, греясь на солнце, пишу письмо Гизеле. Утренние часы тянутся удивительно медленно. Варим на печи несколько порций картофеля, потому что к вечеру мы всерьез проголодаемся.

В полдень возвращаются наши товарищи, прихватив с собой обед. Днем мы снова будем проходить боевую подготовку в траншеях.

В два часа дня появляется вестовой. Мы должны в полной выкладке немедленно выдвигаться на командный пункт. Наша передышка получилась очень короткой. Набиваем карманы картофелем. Я вывинчиваю лампочку, Вегнер забирает печную трубу, и мы отправляемся в путь.

На командном пункте собирается вся наша рота. Наши позиции займут другие подразделения. Нам придется подождать нового назначения. Оказывается, что наше новое жилище — сеновал, на который ведет шаткая трухлявая лестница. Мы с Гейнцем и Штрошном занимаем лучшие места. Сена здесь в избытке, так что новое место обитания представляется вполне сносным. Расстилаю шинель, сажусь на нее и приступаю к трапезе. Когда раздают пайки, нельзя быть уверенным в том, что их делят справедливо, как это делал раньше унтер-офицер. Наконец инициативу берет на себя Поземба и раздает нам пайки. Во избежание споров раздающий берет поочередно паек и

спрашивает, кому он достанется. Я получаю, как мне кажется, маленькую порцию, но ничего не поделаешь, такова судьба. В пять часов возвращается Вегнер и сообщает, что вечером, в восемь, в деревне показывают кино. Все, кто желает посмотреть фильм, должны выйти в семь. Желающих набирается человек двадцать. Перед церковью мы разбредаемся в разные стороны. Штрошн, Гейнц и я гуляем по деревенской улице. Девушки хихикают нам вслед, и я заливаюсь краской смущения.

В половине восьмого церковный колокол возвещает вечернюю молитву. Мы отправляемся в пивную, где состоится показ фильма. Войти может тот, у кого есть билет, а билеты имеются только у артиллеристов. Я подхожу к стоящему у входа унтер-офицеру и нахально заявляю, что уже был внутри и отдал свой билет. Прежде чем тот успевает как-то отреагировать на мои слова, я быстро захожу внутрь помещения. На моей шинели все еще остаются артиллерийские погоны, и я радуюсь, что не успел снять их.

Зал забит почти до отказа. Сажусь за стол, чтобы никто не вызнал меня. Штрошну также удается проникнуть в зал. Он замечает меня и садится рядом. В дверях видим удрученные лица наших товарищей. Унтер проходит по рядам и смотрит на солдатские погоны. Штрошн поспешно ныряет под стол. Незадолго до начала сеанса разрешают войти остальным и занять свободные места. На противоположную стену натягивают простыню. Сейчас начнется фильм, но прежде по кругу передают тарелку, на которую присутствующие кладут деньги — плату за показ. Мы передаем ее дальше, ничего не заплатив. С какой стати мы будем платить за артиллеристов?

Атмосфера в зале напоминает рождественскую. Какой фильм нам покажут? Сможем ли мы просмотреть его полностью, без перерывов? Наконец свет гаснет, и тьму пронзает луч кинопроектора. Показывают «Венскую кровь», и фильм, несмотря на сложную окружающую обстановку, захватывает нас. Присутствующие в благоговейном молчании смотрят старую киноленту с бессмертной музыкой Штрауса.

Когда в зале снова зажигается свет, иллюзия мирной жизни, навеянная фильмом, куда-то исчезает. Мы выходим на улицу и отправляемся обратно. Над нашими головами простирается огромное звездное небо.

Осторожно забираемся по ветхой лестнице на сеновал и, расталкивая спящих, занимаем свои места. Ложусь на солому и накрываюсь шинелью. Перед моим мысленным взглядом снова проходят эпизоды чудесного фильма. В прорехах крыши видно звездное небо. Закрываю глаза и засыпаю.

Суббота, 14 апреля 1945 года

Проснувшись, чувствую, что что-то не так. Хочу вскочить с койки и только сейчас понимаю, где нахожусь. Утренний свет проникает в полуоткрытую дверь. Медленно встаю и осторожно пробираюсь между спящими товарищами к шаткой лестнице, по которой спускаюсь вниз. При этом стараюсь не уронить туалетные принадлежности. Во дворе возле водонапорной колонки стоит большая деревянная бочка. Медленно наполняю ее водой. Быстро раздеваюсь и прыгаю в нее прежде, чем успеваю пожалеть о таком решении. Вода оказывается очень холодной, почти ледяной. Быстро вытираюсь насухо, делаю несколько дыхательных упражнений и натягиваю на себя форму.

Снова забираюсь на сеновал и опускаюсь на шинель. Неторопливо жую оставшийся со вчерашнего дня хлеб. Слышу, как на командном пункте повар начинает греметь кастрюлями и сковородками. В шесть часов приходит унтер-офицер и поднимает нас.

В восемь часов мы все на командном пункте, где постепенно собирается вся наша рота. После этого мы отправляемся на поля заниматься стрелковой подготовкой.

В самом начале долгожданного перерыва появляется лейтенант в обществе какого-то капитана с нашивками за уничтожение танков. Капитан становится на насыпь, о чем-то переговаривается с лейтенантом, после чего обращается к нам: «Гитлер отдал приказ о создании противотанковой дивизии, состоящей исключительно из призывников самого последнего набора. Добровольцы получат специальную нашивку». Пышными пафосными фразами он описывает то, как солдаты его дивизии заезжали на мотоциклах в тыл к русским и при помощи панцерфаустов уничтожали десятки вражеских танков. За каждый уничтоженный танк полагается награда — специальная нашивка истребителя танков. За четыре танка — Рыцарский крест. Капитан долго, как мне кажется, бесконечно, рассказывает нам об этом[42].

Затем он наконец замолкает и вызывает добровольцев. Рядом с ним на насыпь забираются все, кроме Штрошна и еще восьми человек, которые остаются внизу. Когда капитан начинает записывать фамилии, добровольцев на несколько человек становится меньше, они тоже спускаются вниз.

Я уже начинаю сомневаться в своем решении, но мне кажется трусостью идти на попятную. Впрочем, это неважно. Стоит лейтенанту строго посмотреть на меня, как я тут же теряю мужество.

Капитан уходит, и занятия стрелковой подготовкой

возобновляются. Спустя какое-то время мы возвращаемся к нашему жилищу.

Мы с Гейнцем и Штрошном идем на станцию, где два локомотива перемещают 305-мм орудие на железнодорожной платформе. Ствол гигантской пушки опущен и затянут камуфляжной сеткой. На соседнем пути стоят два вагона, предназначенные для обслуги и боеприпасов[43].

Днем нам придется перейти на другие позиции. Наше отделение расформировывают, и вместе с Вегнером я попадаю в отделение пожилых солдат. К счастью, мы попадаем под начало унтер-офицера фон Летцке. Нам достается позиция № 10. Она находится справа на дороге между деревней и станцией. Нам не удается найти соломы, и поэтому мы вынуждены спать на голых досках. В блиндажах нет ни дверей, ни окон. Они выкопаны прямо в насыпи, и поэтому мы находим широкую доску, которую временно используем в качестве двери. Кладем вещи на пол и возвращаемся на командный пункт. Решив, что все нужное у нас есть, отправляемся обратно. Хочется надеяться, что со стариками мы пробудем недолго, потому что с ними будет трудно находить общий язык.

Вечером возникает серьезная ссора по поводу распределения пайков. Мы, молодые, получаем самые маленькие порции. Кроме того, нас назначают первыми в караул. Пока мы собираемся в караул в тесном пространстве блиндажа, надеваем шинели, ремни и каски, мои гранаты падают на пол, вызвав нешуточный переполох. Засовываю гранаты в карманы шинели и выхожу наружу.

Траншеи еще не готовы. Отправляемся на станцию. Там, в вагоне рядом с орудием, горит свет и работает радио. Воздух очень холодный. Достаем сигареты и осторожно закуриваем. Спрашиваем у часовых время. Уже наступила полночь.

Возвращаемся обратно к блиндажу и прислоняем винтовки к стене. Внутри нашего жилища стоит тяжелый запах, как в конюшне. Пахнет потом, кожей и пищей.

Безуспешно пытаемся разбудить тех, кто должен сменить нас в карауле. Ладно, пусть спят. Мы осоловело заваливаемся на наши лежаки. Мое место занято, и мне приходится втискиваться между двумя спящими. Подкладываю под голову ранец и засыпаю.

Воскресенье, 15 апреля 1945 года

Когда мы просыпаемся, то слышим над головой раскаты

грома. Погода облачная. На полях все еще лежит туман. Сегодня воскресенье.

Воды у нас нет, и мы пробуждаемся неумытыми и плохо выспавшимися. Горячий кофе нас немного взбадривает. Садимся у обочины и смотрим в сторону деревни. Сквозь тучи пробивается солнце и освещает черепичные крыши домов. Вскоре начинается дождь. Со стороны коровников слышен звон ведер и обрывки разговоров. На деревенской улице под звон колокола появляются первые верующие, направляющиеся в церковь. Мирную жизнь от войны, точнее, от линии фронта, отделяет всего четыре километра. В любое мгновение над деревней может вспыхнуть огонь войны, однако крестьяне продолжают неспешно заниматься своими привычными делами. Они пашут землю, их жены убирают дворы, по вечерам болтают с соседками на деревенской улице. Вижу, как они спокойно и с чувством собственного достоинства направляются в церковь. Война и мир, жизнь и смерть — все это находится так близко!

Утром нам приходится чистить картошку на дворе командного пункта. Затем я занимаюсь колкой дров. Тессманн ловит в свинарнике поросенка, исчезает с ним в саду и вскоре возвращается на кухню с его безжизненной тушкой.

Из деревни доносится звук колокола, возвещающий об окончании вечерней службы. К нам подходит лейтенант и помогает чистить картофель. Он сообщает о том, что через несколько дней начнется наше наступление, приуроченное ко дню рождения Гитлера[44]. По телефону якобы звонил генерал и сказал, что получил телеграмму от фюрера. В ней говорится о скором прибытии пятисот танков и одной тысячи длинноствольных пушек[45]. Должны быть подготовлены траншеи для специальных дивизий с новым оружием, которые прибудут к нам в качестве подкрепления. Мы переглядываемся. В наши сердца снова вселяется надежда. Лейтенант продолжает рассказ и повествует нам о том, что англичане предложили Германии мир. Пушки на западе замолчат, и мы вместе с англичанами вступим в бой против большевиков.

В одиннадцать часов отправляемся на поля. На кухне на подсобных работах остаются лишь несколько человек. Ложимся на краю поля и учимся стрелять из панцерфаустов. Объявляется перерыв. Лежим, греемся на солнце.

За замком в воздух взвиваются клубы дыма. Это русские ведут заградительный огонь. Стариков с позиции № 24 с нами нет. Вестовой уходит и вскоре возвращается с поклажей. Приносят солдата, которого убили, когда начался обстрел. Он сидел возле блиндажа, и его изрешетило осколками. Наша первая

потеря! Убитому было шестьдесят лет. Дома у него осталась жена и двое дочерей. Бедняга вот уже никогда не узнает о переломе войны в нашу пользу.

Расходимся и садимся на железнодорожной насыпи. Лейтенант приказывает отделению, в котором служил убитый, отнести мертвеца на кладбище. Погружаемся в тягостное молчание.

Обед, каким бы хорошим он ни был, кажется невкусным. Эрих предлагает добавку, но только Зоргац, который готов есть все что угодно и в любое время суток, съедает вторую и третью порции. У него, похоже, резиновый желудок — чем больше он ест, тем крупнее становится. Покончив с едой, он берет еще полный котелок еды, про запас.

Обед заканчивается, когда из батальона приходит вестовой. Нам нужно приступать к рытью траншей, потому что сегодня вечером прибудет подкрепление. Строем идем по деревне. Проходим мимо кладбища. Затем сворачиваем налево. Опасаясь летающих на низкой высоте самолетов противника, идем через поле цепью. Приближаемся к траншеям, где уже лежат кирки и лопаты. Нас разделяют на группы, и я попадаю в ту, которая углубляет траншеи. Другие роют блиндажи. Над нами практически постоянно пролетают самолеты, и поэтому мы часто бросаемся на землю, зарывая нос в песок.

Спустя какое-то время вместе с Гейнцем, Штрошном и унтер-офицером Веертсом идем через поля и зеленые луга к далекому сараю, где набираем соломы. Там резвятся маленькие, двух недель от роду поросята. Когда я пытаюсь схватить одного из них, он издает пронзительный визг. Крестьянин в воскресном костюме, вернувшийся с прогулки по полям, дает нам соломы, и мы возвращаемся с тяжелой поклажей. Над нашими головами пролетает самолет. Его двигатели монотонно гудят, серебристые крылья сверкают на солнце.

Стены блиндажа уже завершены, и сейчас их посыпают песком. Заносим внутрь солому и выходим. Снова принимаемся за работу.

В шесть часов собираем лопаты и возвращаемся на командный пункт. Здесь мы закидываем за спину ранцы и строимся. Заведующий оружейным складом раздает нам запалы к гранатам, и мы строем уходим.

Все так же строем идем по деревне к мельнице, где нам предстоит пробыть до утра, когда мы вернемся на передовую. Складываем вещи в большой сарай и снова делимся на отделения. Я попадаю в третье отделение вместе с Гейнцем и Штрошном. Наш командир — унтер-офицер Веертс.

Берем у крестьянина солому и устраиваем место ночлега в сарае.

На мельнице расположился взвод зенитчиков. Поднимаюсь по лестнице на самый верх мельницы и смотрю на восток. Земля по ту сторону холма вся изборождена воронками. Именно здесь проходит фронт. Посреди воронок протянулись траншеи, русские и немецкие. Штабс-фельдфебель дает нам свой бинокль и сообщает, что это позиции русских. Там же расположились и части Зейдлица, немцы в военной форме, воюющие против нас. В подавленном настроении спускаемся вниз.

Прибывает повозка с ужином, точнее — сухим пайком. С жадностью поглощаю свою порцию. Вскоре темнеет, и я забираюсь в солому. Сегодня ночью мы с Гейнцем снова заступаем в караул. Наша очередь — с полуночи до часа ночи.

Ночью меня будят. Быстро натягиваю сапоги и шинель. Выхожу из сарая. На улице очень холодно, и нам приходится поднять воротники. Небо над нашими головами чистое, ясное. Луна нежным серебристым светом освещает окружающий мир. Ходим вокруг мельницы, ускоряя шаг, чтобы согреться. Где-то неподалеку скрипнула дверь. На фронте тихо. В небе на этот раз никаких сигнальных огней. В час ночи Гейнц будит нашу смену. Быстро ныряем в сарай. Стаскиваю с ног сапоги и ставлю их рядом. В соломе тепло и уютно.

Глава V. Начало бури

Понедельник, 16 апреля 1945 года

Посреди ночи нас будит грохот. Мы под сильнейшим обстрелом. Хватаем вещи. Быстро надеваю сапоги, беру шинель и вещмешок и ныряю прямо в ночь. Земля дрожит, ночь исполнена молний и рева. В нас летят тяжелые снаряды, и всякий раз при краткой вспышке разрыва мы видим в ночи усталые лица друг друга.

Унтер-офицеры взбудоражены. Наконец приходит штабс-фельдфебель и ведет нас к траншеям, расположенным за ветряной мельницей. Я смотрю на часы — четыре утра. Наступление русских началось[46].

Гром пушек сливается в единый рев, в воздухе все завывает, свистит, дрожит и гудит. Мощные разрывы чередуются с взрывами потише, словно сталкиваются железнодорожные вагоны. Широкая красная стена вздымается в небо прямо перед нами, облака над нею — клубы дыма. Появляются бомбардировщики, похожие на гигантских птиц в черных тучах. Вздымаются фонтаны земли и металлических осколков. Мы залегаем на самое дно траншей. За нашими спинами раздается шум и свист. Бомбят Литцен. В своей ужасающей красоте вверх вздымаются столбы огня вместе с деревьями и крышами зданий.

Мы в огромном котле. Ад перед нами, вокруг нас и позади нас — русские колотят по нашим траншеям, как в барабан. Беспрестанно гремят взрывы. Мы давно оглохли и молчим. Лишь когда вблизи вздымаются фонтаны земли и обломков железа, губы беззвучно кривятся словами злобы и ужаса.

Вдали, словно факелы в ночи, пылают сараи и деревенские дома. Перепуганные беженцы тащат пожитки в детских колясках и ручных тележках или на спине. Спотыкаясь, бредет растрепанная женщина в развевающемся на ветру халате, вперившись в пустоту невидящим взглядом. В руке у нее кофемолка, которую она крутит как заведенная. Ее рот открыт, но из него не вылетает ни звука.

Лошади, запряженные в подводы с боеприпасами и продовольствием, испуганные разрывами, кидаются назад, возницы изо всех сил хлещут их. Снаряды с визгом разрезают воздух и взрываются. Поднятые на ноги беженцы похожи на привидения — женщины, дети и старики, непроснувшиеся, полуодетые. На их лицах — отчаяние и смертельный,

неописуемый страх. Вцепившись в матерей и с ужасом глядя на хаос разрушения, отчаянно кричат дети.

Артобстрел неожиданно прекращается. Мы оглушены, и нашим барабанным перепонкам приходится привыкать к тишине. Мало-помалу начинаем различать яркие вспышки автоматных очередей. Ночь разрывает нескончаемый треск выстрелов, а у нас по-прежнему нет никакого оружия.

Под покровом забрезжившего рассвета старший сержант ведет роту на командный пункт, чтобы выдать оружие. Я остаюсь с Байером, чтобы присмотреть за вещами. Стены окопов полуразрушены, и вещмешки засыпаны песком. Над развороченной землей медленно поднимается спасительная завеса ночи. Перед нами стоит черная стена. Клубы густого дыма летят по небу. Возвращаются первые раненые.

Все мое тело дрожит. В течение часа, пока продолжался весь этот ужас, мое сознание отключилось, я был подобен животному в западне. Тело инстинктивно вжималось в землю, я не мог отдавать себе отчет в происходящем. Но теперь все стихло, и ужас безвозвратно миновал. Никто не осмеливается о нем вспоминать.

Рота возвращается длинной шеренгой, все с винтовками. Они поспешно идут мимо ветряной мельницы. Теперь через деревню на командный пункт идем мы с Байером.

Литцен не узнать. Разрушения пронеслись по деревне, как ураган, и по обе стороны улицы горят дома. Крестьяне выгоняют из сараев коров и собирают их в стадо, со страхом оглядываясь по сторонам. Возле деревенского пруда догорают деревья, по его поверхности беспокойно плавают утки. Слышен рев быстро прогоняемых по деревне коров, беженцы спешат. Иностранный рабочий несет на спине мешок сахара. Дети испуганно кричат и бегают, ища родителей. Маленькая девочка плачет над куклой. Горит деревенская церковь.

На командном пункте оружия больше нет, нам приходится возвращаться в окопы линии Гинденбурга. Здесь Рейнике, Бергер, Биттрих, Григат, Гелиос и сводный брат Байера. Оружия на всех не хватает. Позже к нам присоединяется Паулат, Зольга, Штауб и Штайнзойфцер, теперь двенадцати из нас по 17 лет, как в казарме в Рулебене.

Мы бледны, но спокойны. Смерть дышит нам в лицо.

Солнце прогоняет последние ночные тени и освещает все своими сияющими лучами. Над окопами, не давая ни минуты покоя, на бреющем полете проносятся самолеты, поливая землю пулеметным огнем.

По траншее проходит лейтенант, спрашивая, не страшно ли нам. Не страшно, но сосет под ложечкой. Затем мы Байером снова

идем на командный пункт. На сей раз у сержанта есть итальянские автоматы. Никогда не держал их в руках, но я говорю, что знаю, как с ними обращаться. Мне выдают два автомата с запасными магазинами и патроны. Байер получает автомат и штурмовую винтовку. На обратном пути пытаюсь выяснить, как из этого оружия стрелять. Сначала ничего не получается, выстрелов нет, затем внезапно автомат начинает стрелять, и теперь я с ним предельно осторожен.

Подходя к небольшой группе старых деревьев, внезапно слышу поблизости рев, как будто пролетела бадья с углем. Это открыло огонь железнодорожное орудие. Оно бухает, как барабан, обрушивая на противника снаряды каждые шесть минут.

Над полями повисло солнце. Иду по тропе, затем перехожу через бегущий в песке ручеек. Внезапно из-за холма появляется самолет на бреющем полете. Я замираю, не в силах двинуться с места, смирившись с судьбой, но он улетает, и я медленно поднимаюсь вверх к деревне. Песок мокрый и липнет к сапогам. Захожу в отхожее место и удобно устраиваюсь на толчке. Гейнц и Байер догоняют и ждут меня, теперь мы снова вместе.

Огонь превратил здания в развалины. В руинах то здесь, то там горит огонь. В уцелевших стойлах ревет рогатый скот. Крестьянин гонит перед собой жеребенка.

— Меня не проведешь, изыди, сатана! — Животное удивленно смотрит на нас, а затем ржет и скачет прочь.

По мере приближения к окопам пытаюсь разобраться с оружием, но пока оно не стреляет. Но время у меня все еще есть.

Постепенно стрельба на фронте стихает. Затем пушки вновь начинают обстрел, снова и снова посылая в нас снаряды. Несмотря на это, продолжаем идти вперед. Навстречу нам везут раненых. Солнце освещает ветряную мельницу слева от нас. Грузовик мельника с мешками муки едет в тыл. Справа возвышается песчаный склон кладбища. Кресты горят на свету, как черное дерево. Там еще много свободных мест.

Траншеи проходят прямо за кладбищем[47]. Это второй оборонительный рубеж, где, как ожидается, нам удастся остановить неприятеля. Именно здесь развернут взвод ветеранов обер-ефрейтора Кестера. В противотанковых заграждениях оставляют лишь узкое пространство для прохода. Вся земля здесь разворочена. Гейнц и Штрошн лежат в траве рядом с заграждением с несколькими панцерфаустами. Вижу белый плакат с красной надписью: «Панцерфауст и немецкие солдаты сильнее красных танков!»

Байер дает свой автомат обер-фельдфебелю, а я даю автомат унтер-офицеру Веертсу, командиру отделения. Он встает во весь

рост и, важничая, прохаживается с напыщенным видом.

Устраиваюсь в траншее между Вегнером, Позем-бой и Фольке. Вынимаю носовой платок и чищу автомат, укладывая очищенные детали на платок, а затем смазываю их. Теперь я вижу, как он устроен. Заряжаю автомат, устанавливаю его на брустверe и маскирую травой. Утомленный, ложусь на дно окопа, на белый теплый песок.

Внезапно над окопами на бреющем полете пролетают самолеты, и снова, прежде чем кто-то успевает их услышать, на дорогу падают бомбы. Мы смотрим, как они падают, словно притянутые к земле магнитом, а затем взрываются. Самолеты летят со всех сторон. Гейнц и Штрошн мечутся у заграждения. Теперь самолеты атакуют со стороны солнца, с их хвостов и крыльев срывается огонь. Лишь затем слышен звук падающих бомб и жужжание пуль. Все бросаются в траншеи и приседают в углах. Я лежу на спине, безучастный ко всему происходящему. Наконец самолеты улетают, лишь ветер доносит издалека стрекот их пулеметов. На заднем плане горит Добберин.

Всякий раз, когда становится жарко, Веертс, оставив автомат, бросается в тыл, якобы на командный пункт. Клабунде тоже боится. В углах рта появляется пена, он пытается выпрыгнуть из траншеи. Нам приходится повалить его и, связав, запереть в блиндаже.

Позже, когда все вокруг стихает, я возвращаюсь в деревню. Около первого дома справа стоят спаренные турели зенитки, расчет молча курит. Пью из колонки и беру две коробки пистолетных патронов. Когда я собираюсь уходить, с высоты на нас неожиданно пикируют самолеты. На всех парах мчусь в подвал. Бомбы со свистом падают на деревню. На улице остается неразорвавшаяся бомба.

В полдень забираю довольствие для отделения. Пушка на железнодорожной платформе безмолвствует. Бомбы разрушили станцию и рельсы. Сильно поврежден командный пункт. Сорваны двери, в стенах дыры, разбиты окна. Нам выдают паек. Каждый получает по сто сигарет, два пакета табака, два фронтовых продовольственных пайка, пуговицы, лезвия для бритья и писчую бумагу. Нам достаются даже гребенки и курительные трубки. Я беру трубку и кладу в карман.

Фольксштурмовцы лежат в траншеях у мельницы. Два крестьянина уже зарезали овцу, из раны течет яркая кровь.

Когда солнце начинает садиться, снова отправляюсь в тыл вместе со Штрошном, Цандером и Шомбургом. Мы взяли котелки из пакетов и ищем, что поесть. Вдоль фронта ревут самолеты. Неужели это американские бомбардировщики? Открываются их

бомбовые отсеки, и на землю падают серебристые бомбы. Я лежу в траншее, как в качающейся колыбели, и хочу умереть. Земля на лугах перепахана открытыми воронками, заполняющимися грязной водой, на шоссе тоже появились огромные ямы и трещины.

Медленно опускается темнота. Мы съедаем целый котелок горохового супа, сало течет по щекам. В котел пошла целая свинья. На зубах скрипит песок, но мы довольны. Затем я грызу шоколад и печенье, взятые из фронтовых пайков, и впервые набиваю трубку. Дым щекочет мне горло и вызывает слезы.

Подходит штабс-фельдфебель, и отделение собирается. Старшие понесли первые потери из-за прямого попадания в стрелковую ячейку. Трое убиты на месте, и их тела хоронят на кладбище. Старший сержант зачитывает приказ фюрера: «Берлин остается немецким. Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не станет русской. Сплотитесь воедино! В этот час на вас, мои герои Восточного фронта, смотрит весь немецкий народ, надеясь, что ваша решимость, ваша преданность, ваше оружие и ваши командиры потопят большевистское наступление в крови. Судьба войны зависит от вас!»[48]

Мы расходимся, погруженные каждый в свои мысли. Забираем мешки из траншей у мельницы и спускаемся в блиндаж на новой позиции. Товарищи ложатся спать, а мы с Гейнцем отправляемся в караул.

Прохладно. Мы стоим и глядим в темную ночь. Я чувствую себя ослабевшим, усталым и душевно опустошенным. Трудно верить в высокие слова после того, что мы пережили![49]

Вторник, 17 апреля 1945 года

Едва заснув, мы снова просыпаемся. Замерзая, хватаем оружие и выскакиваем в утренние сумерки. Входим в окопы и осматриваемся по сторонам.

Темнота медленно рассеивается, восходит невероятно красивое солнце и освещает все вокруг. Над траншеями на бреющем полете ревут самолеты, видны вспышки от выстрелов из стрелкового оружия. Время от времени раздаются звуки тяжелого и приглушенного артиллерийского заградительного обстрела. Мы лежим в траншеях и с тоской смотрим на солнце. Я снова закуриваю трубку. Табачный дым щекочет горло, но я хочу привыкнуть, ведь это выглядит так мужественно.

В небе появляется авиация. Из облаков выныривают немецкие самолеты, внезапно меняя направление. Они, как ястребы,

пикируют на мельницу. Раздается грохот и рев, мельницу охватывает огонь, она горит с громким треском, и находящиеся там солдаты выпрыгивают из огня. Ревущие двигатели уносят самолеты высоко в небо, но вскоре они снова летят вниз и начинают обстреливать наши траншеи. Мы мечемся туда-сюда, хоронясь в мертвой зоне, в зависимости от направления полета. Они и впрямь сошли с ума? Это же немецкие самолеты!

Старший сержант посылает вестового. Поступает следующее приказание: высматривайте самолет, захваченный русскими. Мы высматриваем. Да, это немецкий самолет, «Мессершмитт»-109, но без белых крестов или свастик.

Самолеты пролетают над траншеями и разбрасывают листовки, которые медленно планируют вниз и падают на землю. Затем они разворачиваются и исчезают в глубоком тылу. Мы переводим дух. Не торопясь, выбираемся из траншей и бежим собрать листовки, белеющие на черной земле. Это листы большого формата с черно-бело-красной полосой прямо по заголовку. Мы притворяемся, что собираем их, чтобы сдать, но на самом деле каждый из нас прячет по экземпляру, чтобы тайком прочитать его. Они похожи на слабый отсвет непостижимого чужого мира.

Громко стонут раненые. В полдень иду со Штрошном на мельницу. Она продолжает гореть. Само здание превратилось в руины. Фольксштурмовцев нет. Мы спускаемся в подвал и берем с полок консервы и огромные ломти бекона. Вскоре подвал пуст, а наши ранцы забиты до отказа. На вершине холма бегают куры.

Мы с Гейнцем идем в деревню. В кладовых много провизии. Набиваем желудки и берем все, что можем унести с собой. В стойлах мычит скот, в вымени бедных страдалиц горит молоко. Мы слышим мычание, но никак не реагируем на него. Зачерствели душами? Берем двух кроликов, и я сворачиваю трепещущую шею гуся. По улице несется маленький поросенок, его мы также прихватываем с собой. То тут то там среди крестьянских дворов появляются солдаты, несущие тяжелые мешки. Гогочут и быстро замолкают гуси. Иногда скрипнет дверь. По разоренным подворьям разносится запах жареного мяса.

Разжигаем костер у блиндажа. Поземба притащил стокилограммовый мешок манной крупы. Довольные, мы варим кашу, набрав воды из пруда. Затем умываемся и вечером едим манную кашу с вареньем. Унтер-офицер Веертс закалывает поросенка, а двое солдат ощипывают гуся. Над кострами поднимается аромат жареного мяса. К огню подкрадывается бездомная собака. Веертс прицеливается и стреляет в нее, но промахивается, потом снова стреляет ей вслед. Собака убегает, но

он убивает ее, уносит в поле и бросает в свежую воронку.

Вечером лежим на койках с полными желудками. Сон не идет. Часовые подходят и отходят. Наконец я засыпаю[50].

Среда, 18 апреля 1945 года

Скоро нас снова будят:

— Подъем! В караул!

Я переворачиваюсь на другой бок и ворчу, что только из караула. Мне повезло, меня оставляют в покое. Снаружи раздаются усталые голоса солдат. Они собирают траву и ветки, чтобы замаскировать окопы. Медленно пробуждаюсь. Сквозь полудрему доносятся голоса часовых.

С шумом входят уставшие товарищи, которые всю ночь занимались земляными работами. Встаю, чувствуя себя немного виновным. Мы вместе приканчиваем остатки гуся.

Затем возвращаемся в траншеи. Как обычно, вокруг ревут на бреющем полете самолеты и стонут раненые. Противник прорвался на правом фланге. Оставлены Губен, Форет, Котбус и Гарлиц[51]. На севере он захватил Мюнхеберг и Зеелов. Мы — последние остающиеся на фронте между Штеттинер Хаффом и Судетами.

Говорят, что генерал Зейдлиц со своими танками находится в Зеелове[52]. Какой-то гражданский якобы подстрелил его танк из панцерфауста. Неужели Зейдлиц действительно мертв?

На фронте тихо. Мы покидаем траншеи, чтобы принести травы и замаскировать блиндаж и окопы. Мы с Гейнцем берем кусок брезента, чтобы притащить торфа[53]. Издалека слышен гул артиллерийского обстрела.

Внезапно на нас обрушивается настоящий ад. Мы лежим в преисподней огня и ужаса. С небес обрушивается огонь и лижет стонущую землю. Я лежу полумертвый от страха, царапая землю ногтями, зарываясь носом в торф. Лишь бы поглубже вжаться в землю! Повсюду сплошной огонь и черный дым. Перепахан почти каждый метр земли. Еще сильнее обрушивают на нас свою мощь «сталинские органы»[54]. Боже, помилуй нас!

Сколько я пролежал здесь? Минуты, часы, дни? Огонь стих. Никак не могу в это поверить. Ощупываю все свое тело. Я цел, лишь засыпан землей и почти оглушен, но все-таки жив.

Теперь царит жуткая тишина. То здесь, то там кто-то с трудом поднимается с земли. Человек? Одна из божьих тварей? Призрак? Мы встаем, не в силах осознать, что остались живы. Возможно, смерть была бы для нас спасением.

Бредем к блиндажу. Слышим крики: «Воды, воды!» К нам понемногу возвращается жизнь. Окрестные поля теперь похожи на лунный ландшафт, голый и изрытый кратерами.

Откуда-то появляется штабс-фельдфебель с пепельно-серым лицом.

— Живее! Русские! — кричит он.

Хватаемся за оружие. Видим бегущих с фронта солдат, большинство бросает на бегу винтовки. Среди них и фигуры с черно-бело-красными нарукавными повязками, а также русские. По всем позициям разносится крик:

— Войска Зейдлица!

Мы целимся, как нас учили, в туловище, и стреляем. С тыла подходят танки и подкрепление. Мы наступаем, все время стреляя. Русские и войска Зейдлица отступают, сначала медленно, затем быстрее и, наконец, бегут. Мы уже почти не целимся. Расстреливаю магазин за магазином, и скоро казенная часть раскаляется от стрельбы докрасна.

Раненый поднимает руку:

— Товарищ, помоги!

У него черно-бело-красная нарукавная повязка. Мы бежим дальше.

Приближаемся к первому ряду траншей и останавливаемся, не желая идти дальше. Траншеи занимает подкрепление. Раздается случайный выстрел. Появляется командир роты и ведет нас с собой. Возвращаемся.

Мертвые лежат между воронками, многие из них в серой полевой форме. Почти все немцы, некоторые со свастиками на груди, некоторые с черно-белокрасными нарукавными повязками. Поблескивают медали. Теперь они лежат друг подле друга, успокоившись и примирившись в смерти.

Мы подавлены и измучены. Внутри пустота. Все надежды утрачены.

Ночью возобновляется рытье окопов, и обвалившиеся траншеи восстановлены. Я оказываюсь в траншее со стариками и Штрошном, оставшихся ветеранов присоединили к нашему отделению. Вчера еще было 140 человек, сегодня нас лишь 110. Несмотря на безнадежность борьбы, мы остаемся в эпицентре сражения.

Вглядываемся в ночь над автоматами, казенная часть которых холодна как лед. Я установил автомат прямо перед собой. Ночь прохладна, и я хожу по траншее, чтобы согреться, ладонью прикрывая огонек сигареты.

Вспыхивает где-то совсем рядом. Поле освещается мертвенно-белым светом, воронки смотрят в небо, словно огромные пустые

глазницы. Свет гаснет, и снова опускается темнота, еще чернее, чем прежде.

Со всех сторон слышен стук лопат. Где-то иногда гремит выстрел, затем снова все стихает. Фронт прорван на севере и на юге, и мы — последний островок сопротивления врагу. Наши фланги смяты и на севере, и на юге, противник уже далеко проник в наш тыл.

Полночь. Время тянется очень медленно. Еще шесть часов караула. На сей раз караул длится всю ночь. В траншеи отделения приходит Гейнц. Мы садимся на ящики от боеприпасов и разговариваем, думая о том, как неторопливо идет время. На наших лицах пролегли новые морщины. Внезапно из детей мы стали взрослыми, едва ли не стариками. Мы поняли, что научились убивать, но разучились плакать.

Четверг, 19 апреля 1945 года

Ночь никак не кончается. Штабс-фельдфебель проходит по траншее и проверяет нас. Я вовремя бужу заснувшего Штрошна. Затем мы снова встаем и по очереди ходим по траншее, чтобы не заснуть. Я вхожу в соседний блиндаж, чтобы чиркнуть спичкой. Затем мы по очереди ложимся спать. Луна в небе похожа на призрак. Слышится звон котелков, и я снова бужу Штрошна. Мы снова занимаем позицию возле пулемета. Наши лица осунулись и измождены. Гейнц приносит котелки с горячей едой, которую мы жадно пожираем.

Наши убитые похоронены на кладбище. Веселый белокурый Биттрих, которому недавно исполнилось семнадцать лет. Он родом из Восточный Пруссии, его отец — государственный служащий. Тихий, плотный и широколицый Григат из Померании. Общий любимец Родер, который даже в самых трудных обстоятельствах умел пошутить и всегда мог раздобыть какую-нибудь еду. Теперь они лежат здесь, словно спят, тихие и спокойные, воссоединившиеся в смерти с детьми и отцами семейств. Их аккуратно опускают в братскую могилу. Бросаем горсть песка на усопших как последнее «прости». Скоро над могилой образуется невысокий холмик.

Ухожу, оставляя двадцать три человека — двадцать три товарища, спящих последним сном. Им повезло больше, чем нам, тем, кто вынужден и дальше убивать и ждать смерти. От семи других наших товарищей не осталось и следа. Они разорваны на куски залпами сталинских органов.

Стоим и вглядываемся в ночь. Медленно занимается рассвет.

Вновь резко обрушивается орудийный огонь, вражеские пушки бьют прямо по нашим траншеям. Все взрывается и оглушительно свистит. Осколки летят вокруг нас, жужжа словно пчелы, смертоносные пчелы. Заградительный огонь идет в тыл. Поднимаем головы.

По полю бегут человеческие фигуры. Неужели русские? Вставляем в пулемет патронную ленту и открываем огонь. Грохочут залпы. Мы спокойны, совершенно спокойны. Слева в траншею подходит подкрепление. Перед нами бегут солдаты, преследуемые русскими. Мы берем автоматы и отступаем в старые траншеи нашего отделения, где все готово к бою, сжимаем оружие до боли в руках.

Солдаты убегают по дороге, она полностью запружена. Неужели все кончено? Русские зашли в ближние тылы. Впереди продолжается сильный обстрел из автоматического оружия. Понемногу светает, и медленно восходит солнце. Войска по-прежнему бегут.

По дороге мчатся танки, с них спрыгивают и занимают боевые порядки солдаты войск СС. Бегущих солдат останавливают и окружают.

— Вперед марш!

Их делят на группы и безоружными гонят вперед, подгоняя танками. Сзади и справа от нас в поле стоит танк и стреляет, посылая смерть врагу.

Наш унтер в большой стальной каске и с автоматом в руках выбегает на дорогу. Широко расставив ноги, он останавливает бегущих солдат, которые продолжают отступать. Отходят раненые, но даже их снова гонят вперед. Молодой унтерштурмфюрер СС загнал танк в кювет и бегает с пистолетом, сгоняя солдат в кучу.

Нам нужно забраться на танк, который мчится вперед, в то время как другой танк идет сзади, чтобы не дать никому спрыгнуть.

Постепенно все утихает. Огонь из стрелкового оружия свидетельствует о яростной схватке, он то вспыхивает, то снова затихает. Я спускаюсь к воде и утоляю жажду.

К одиннадцати часам ситуация стабилизируется, атака отбита. В траншее остается часовой. Я остаюсь в карауле и ложусь в траншею, глядя на небо. Надо мной, жужжа, пролетает жук, ветер колышет траву.

Русские открывают заградительный огонь. Низко пролетающий самолет сбрасывает бомбы на шоссе. Снаряды тяжелой артиллерии рвутся в орденском замке, где над деревьями вспыхивает огонь.

Когда я подхожу к блиндажу, гремит разрыв, и я стремительно влетаю внутрь. У входа образуется свежая воронка.

В нашу траншею приходит командир батальона и обращается к нам:

— Продержитесь еще двадцать четыре часа, товарищи! — говорит он проникновенным голосом. — Гитлер издал приказ: «Продержаться еще двадцать четыре часа, и в войне настанут большие перемены!

Подкрепление готово. Скоро прибудет чудо-оружие. Пушки и танки разгружаются тысячами. Товарищи, продержитесь еще двадцать четыре часа! Мир с британцами. Мир с американцами. На Западном фронте пушки молчат. Армия Запада идет вам на помощь. Она поддержит вас, героев, мужественно сражающихся на Восточном фронте. Тысячи британцев и американцев предлагают присоединяться к нам, чтобы уничтожить большевиков. Сотни британских и американских самолетов готовы принять участие в сражении за Европу. Товарищи, продержитесь еще двадцать четыре часа! Черчилль уже в Берлине, он ведет со мной переговоры».

Мы победим!

Слушаем, затаив дыхание. Нашим войскам нужна передышка, потому что они предельно измотаны. Мы, юноши, еле тянущие свои вещмешки, умеем сотнями, тысячами умирать на фронтах, на севере и на юге. Мы уже не верим, что это может когда-нибудь закончиться.

По нам отовсюду стреляет русская пехота. Неприятель метр за метром вытесняет нас из окопов, и позиции несколько раз переходят из рук в руки. Мы поднимаемся в атаку, крича «Ура!», мы умираем, крича «Ура!», с надеждой во взоре. Все шесть лет войны мы по-прежнему идем в атаку с криком «Ура!». Завтра грядут большие перемены.

Но это больше не действует. Постепенно нас вытесняют из окопов, потому что противник сражается с отчаянной храбростью.

К вечеру наступает затишье. Войска Зейдлица, кажется, разбиты. Из траншей противника слышатся громкие крики и высокие, почти женские голоса[55].

Штабс-фельдфебель из какого-то разбитого полка, который занимал позиции перед нами, подходит ко мне. Он говорит, что у русских шлюхи прямо в окопах. Я смотрю на него. Он носит на кителе Железный крест 1-го класса и золотой орден германского креста, рядом — маленький золотой значок гитлерюгенда. У него грубое, варварское, даже зверское лицо хулигана, верховодящего в казарме. Судя по его выговору, он, скорее всего, из Восточной Пруссии. Вероятно, он рос на каком-нибудь небольшом

крестьянском подворье и ходил за стадом.

У русских в траншеях все стихло. Пристально всматриваемся в ночь. Теперь я понимаю, что старший сержант выпил, поскольку от него сильно разит шнапсом.

В блиндаже молодой майор, командир полка, в котором теперь осталось всего-навсего семьдесят восемь человек. Его штаб состоит из штабс-фельдфебеля и трех унтер-офицеров. Он строит планы, словно прошли не шесть лет войны, а начинается новая военная кампания.

Мы слушаем и не можем уснуть. Его слова опьяняют нас и воскрешают остатки надежды. Штабс-фельдфебель напился и плачет. Майор говорит про него, что он ночью прокрадывается в русские окопы с одним ножом и толстой деревянной палкой и душит врагов одного за другим. У него руки, словно кувалды. Его лучший результат — пять человек за одну ночь, за эту ночную вылазку он получил Железный крест и золотой орден германского креста. Его давно наградили бы и Рыцарским крестом, если бы он не был вечно пьян. Его награды не за воинский героизм, а за убийства!

Незадолго до полуночи лейтенант, майор и штабс-фельдфебель уходят в разведку в направлении орденского замка. Вскоре мы слышим крик, стрельбу и разрывы гранат. Затем все трое радостно возвращаются, ведя с собой пленного.

Взятый в плен испуганный русский стоит у входа в блиндаж, в то время как изнутри доносится смех и крики. Завешивающее вход одеяло колышется на ветру, приоткрывая вход, и в окопы льется свет. Я смотрю на военнопленного. Он такой же человек, как и я, с добрым, теплым взглядом. Я не могу его ненавидеть.

Иду по траншее. Зольга заснул у пулемета. Хлопаю его по плечу, и он, вздрогнув, просыпается. Вокруг очень тихо, неестественно тихо.

Затем возвращаюсь к блиндажу, наступает моя очередь дежурить у пулемета. Штрошн стоит у входа. Он говорит мне, что допрашивают русского. Позембa немного говорит по-русски и пробует допросить военнопленного, но тот молчит. Это злит Позембу, и он бьет его. Приходится вмешаться майору. Наконец они оставляют все попытки. Я медленно вхожу в блиндаж, где все, кажется, обращаются ко мне: и стены, и люди вокруг мерцающей свечи.

Обессиленный, валюсь на койку, но заснуть не могу. В помещении мягко журчит беседа, мерцает свеча, отбрасывая на стены призрачные тени.

Штабс-фельдфебель выводит военнопленного наружу. Тишину ночи нарушает звук пистолетного выстрела. Я по-

прежнему вижу перед собой теплый взгляд пленного, обращенный на меня.

Свечи догорели, разговоры затихают[56].

Глава VI. Отступление

Пятница, 20 апреля 1945 года

В блиндаже слышно шумное дыхание спящих. Лунный свет проникает внутрь сквозь тонкое одеяло, которым завешена дверь. То здесь, то там в ночи раздается винтовочный выстрел.

Я погружаюсь в сон, но тут же просыпаюсь. Снаружи строчат пулеметы, рвутся гранаты, звучат выстрелы, рикошетят пули. Кто-то врывается в блиндаж.

— Наружу с вещами! Русские! — Фигура тут же исчезает в ночи словно призрак, лишь слова повисают в воздухе.

Зажигается спичка. Быстро, дрожащими руками надеваю ранец, хватаю в темноте все, что попадается под руку, и выскакиваю наружу. Мы стоим перед блиндажом, потрясенные и заспанные. По холмам бегут фигуры, вдоль шоссе слышны автоматные очереди и разрывы гранат, вспышками загорающиеся в темноте.

Мы покидаем наши позиции. На дороге угрожающе высится противотанковое заграждение. Отбрасывая красноватые отблески, догорает мельница. У нас лишь одна мысль — нужно поскорее выбраться из этого кровавого месива.

Деревня под сильным артиллерийским огнем, снаряды летят у нас над головой и с ревом взрываются. У нас нет выбора, приходится отступать. Мы бежим по улице, и здания осыпают нас фонтанами песка и камня. В воздухе кружатся осветительные ракеты. Повсюду непрерывно воют и рвутся снаряды.

Я спокоен, неестественно спокоен. Бегу сквозь ад. Прыгаю, падаю и снова встаю. Этому нет конца. Несемся вперед, словно преследуемые чертями, как будто бежим наперегонки с самой смертью.

Наконец прорываемся через огневой вал противника. Мы тяжело дышим, наши тела мокры от пота, легкие жадно хватают свежий воздух. К счастью, нам удалось спастись.

С железнодорожной насыпи несется унылый, глухой звук танковых пушек.

Позади нас, как кошмар, осталась деревня, с огнями разрывов, взметающимися в ночи. Мы идем на запад. Повозки, мчащиеся мимо в темноте в неизвестность, искры, летящие из-под копыт лошадей, вынуждают нас сходить в кювет, а затем мы снова идем. Страх постепенно отступает, и мы идем медленнее. Мы снова можем поднять головы.

Останавливаемся на командном пункте батальона. Сержанты заходят на подворье, а мы лежим в траншеях и ждем. Ночь прохладна и темна. Два часа. Тихо осматриваемся. Сноп искр летит по истерзанной земле. Мне кажется, будто мы только что вырвались из челюстей смерти.

Штаб батальона эвакуирован, но лейтенант Фрикке стоит во дворе. Мы выходим из строя и ждем дальнейших указаний. Отделения делят дом. Мы входим в кухню, где пахнет жарящимся мясом, и устраиваемся на ночлег на полу. Иногда раздается стук двери, и над нашими изможденными лицами пролетает сквозняк. До нас доносятся приглушенные звуки фронта. Внезапно мне приходит в голову, что это и есть день великих перемен. Они наступили, правда, не те, которых мы ожидали. Сегодня очередной день рождения Гитлера, и мы дарим ему прекрасный подарок в виде наступающего противника.

Дверь открывается, и в комнату входит унтер-офицер. Он сообщает, что ранен Келер и мы должны помочь ему. Мы со Штрошном идем в сарай, где в соломе стонет раненый. У него осколок в ноге. Он почувствовал лишь небольшой удар, никакой боли, и поспешил за нами. Когда мы замедлили ход, бедняга потерял сознание прямо на дороге. Он самый молодой из нас, ему всего 16 лет. В его глазах боль, но никаких слез. Они и не появятся — парень скорее умрет, чем заплачет в нашем присутствии.

Стягиваем с его ног сапоги и аккуратно снимаем штаны. Его трусы мокры от крови, которая продолжает струиться из раны. Разрезаем трусы ножницами. Келер не издает ни звука. Какую все-таки боль могут вытерпеть люди! Я ищу осколок в свете свечи. Нога повреждена чуть выше колена. Медленно вытаскиваем осколок из раны, накладываем шину и перевязываем ее. Осторожно натягиваем брюки. Сапоги влажные и теплые от крови. Выносим раненого на улицу. Черты его лица обострились, как у покойника. Он самый молодой из нас, но уже научился терпеть боль.

Лейтенант останавливает проходящий мимо танк, и мы погружаем Келера на броню. Ревет двигатель, и танк исчезает в ночи.

Артиллерийский огонь утих, но по-прежнему раздаются выстрелы из стрелкового оружия. Мы ждем вестового из батальона. Лейтенант нервно расхаживает туда-сюда. Он только что приехал оттуда. Русские продвигаются вдоль железнодорожной насыпи со стороны орденского замка. Перед командным пунктом стоит танк и стреляет по деревне. Это должно немного встряхнуть врага! Они идут через сады,

прорываясь с боем. У нас только один раненый, Келер. Вторая наша потеря — Альфонс, он пропал без вести.

Медленно пропадают звезды, и ночь уступает место новому дню. Серые ночные тени все еще лежат на полях и деревьях.

Становится холодно. Обстановка сильно осложнилась, никто не знает, что в данный момент происходит. Танки, повозки и группы людей торопливо бегут по дороге.

Блачек возвращается из батальона с приказами. Мы должны возвратиться на сборный пункт. Мы — это все, что осталось от 150 человек. Полусонные, мы устало бредем по полю. Почва влажная, и идти тяжело, комья земли липнут к сапогам. Мы двигаемся в пелене тумана словно призраки. Утро холодное, вещмешки тяжелые, и мы не чувствуем рук и ног.

Рассредоточиваемся. Перед нами окопы, и мы занимаем новые позиции. Веертс сворачивает направо, сзади Поземба несет мешки с курами и гусями.

Устраиваемся на новых местах. Блиндажи маленькие, тесные. В двери проникает совсем немного света. Кладу вещи на койку и выхожу на воздух. Из окопов слышны голоса товарищей.

Туман рассеялся, и ясно стала видна деревня. Впереди тихо, неестественно тихо. На фронте тоже затишье, и солдаты без остановки идут по полям все дальше и дальше на запад. Фронт прорван, и армия стремительно отступает.

Приходит лейтенант.

— Немедленно марш отсюда!

Бегу в блиндаж и хватаю вещи. Остальные лихорадочно собираются снаружи. Уходим. Вливаемся в настоящее половодье беженцев, которое окружает нас со всех сторон, в том числе и идущего впереди лейтенанта. Смотрим ему в спину, ноги идут автоматически.

Над головами на бреющем полете ревут самолеты, скользя над верхушками деревьев и над полями. Глядим себе под ноги и молча идем, ожидая пулеметных очередей, грома артиллерийских орудий, смерти. К счастью, ничего ужасного пока не происходит. Над нашими головами пролетают беззаботно чирикающие птицы. В моей голове мелькает мысль: мы — разбитая армия.

Половодье беженцев и не думает уменьшаться. Все поля усеяны оружием и амуницией. Повсюду царит одна-единственная мысль: быстрее бежать с фронта в глубокий тыл. Дайте нам покончить с войной, положите конец убийствам!

Мы идем по полям, лугам и пустошам. Отчаянно болят ноги. На нашем пути — на лесной тропинке — заграждение. Мы с трудом перелезаем через колючую проволоку. Добираемся до фабрики по производству оружия «фау». Временно чувствуя себя в

безопасности, мы шагаем с новыми силами.

В долине блестит водоем. За холмом — Фалькенхаген. Мы голодны, сильно устали и бредем, как призраки, по пустошам и песку.

Наконец мы в Фалькенхагене. Жители стоят перед домами, удивленно наблюдая за отступающими войсками. Повозки и танки гремят по асфальту узких улиц, мертвые тела в гражданской одежде лежат у въезда в деревню. У мертвой женщина нет головы, на месте шеи — сплошная кровавая рана.

Мы проходим по полям и лугам, мимо домов, стоящих возле обочины. Из тумана возникают деревни. Проходим мимо безмолвной стены леса. Людская масса упрямо движется на запад. Фронт развалился. Последний форпост пал под ударами Красной армии. Дорога на Берлин открыта.

Мы останавливаемся на привал в лесу. Падаем на землю, как тяжелые мешки с зерном. Чудовищная пустота и разочарование, огромное потрясение. Я хочу просто выжить, надеюсь, что война и убийства остались позади. Оружие и военное снаряжение кучами валяются на дороге. Вещмешки и каски выброшены за ненадобностью. Их можно подобрать, но нам хватает и своего барахла, которое мы продолжаем нести, несмотря на то что оно с каждым шагом кажется нам тяжелее прежнего.

Выходим из леса и натыкаемся на перекресток[57]. Поток беженцев со всех направлений стекается сюда и превращается в настоящее людское море. Слева за холмом — деревня под названием Аренсдорф. В соседних с нею полях рвутся снаряды. У нас нет ни минуты передышки. Неутомимо катят вперед тяжело груженные крестьянские подводы. Мы облепляем их, словно пчелы мед. Перед нами дорожная развилка. До Мюнхеберга 22 километра. Слева дорога, ведущая на Берлин.

Крестьяне стоят у заборов в садах по обе стороны дороги и с трагическим выражением на лице наблюдают за отступлением. Их жены со слезами на глазах раздают нам кофе, который мы жадно поглощаем. Мы продолжаем идти вперед, ни на минуту не останавливаясь на отдых. С каждым километром мы все больше удаляемся от ужаса и смерти. У нас сильно натерты ноги, и мы испытываем жуткую боль при каждом шаге. Лямки вещмешков сильно врезаются в плечи. От усталости мы едва стоим на ногах.

Восходит солнце, прогоняя туман с лугов. Мы останавливаемся у старой церкви в Хассенфельде. Полдень. Звонят колокола. По дороге все так же спешат беженцы, вперед катят телеги и машины. У Гейнца осталось немного шнапса во фляге. Мы втроем по очереди прикладываемся к ней, спиртное неприятно обжигает горло. Медленно идем дальше.

Придорожный указатель показывает: до Литцена 16 километров.

Мимо нас проезжает трактор с дымящимся котлом на прицепе. От упоительного запаха горячей еды у нас текут слюнки. Поток беженцев на дороге немного рассосался, все разбрелись по проселочным дорогам. Нам надо где-нибудь остановиться на ночлег и поесть. Лучше всего для этой цели подойдет какое-нибудь крестьянское подворье, которого мы пока нигде не видим. Мы со Штрошном и Гейнцем несем оружие по очереди. Наконец мы приближаемся к пункту нашего назначения. Останавливаемся у высохших деревьев, я сажусь в подлеске на землю и вытягиваю ноги, которые, как мне кажется, горят от потертостей. Мне хочется остаться здесь навсегда и никогда больше не встать.

Унтер-офицер Веертс снова поднимает нас. Мы понятия не имеем, что ждет нас впереди. Осторожно подходим к крестьянскому подворью и останавливаемся возле сарая. Брошенные машины санитарно-дезинфекционного подразделения стоят на опушке леса. Садимся на землю и смотрим в небо.

Стягиваю сапоги с моих многострадальных ног. Подошвы ног белы, как у покойника, и сплошь покрыты волдырями. Решаем заночевать здесь, но для этого нам нужно устроить спальные места. Мы роем ямы, наподобие могил, и выстилаем их принесенной из сарая соломой. Целое отделение берется чистить картошку, в котле уже варится пол свиньи.

Время тянется ужасно медленно. Собираемся приступать к обеду, когда во дворе останавливается автомобиль командира полка. К нам подходит лейтенант.

— Всем привести себя в порядок!

Аккуратно натягиваю на больные ноги сапоги. Строимся. Сзади — наши ямы и варящаяся в котле свинья. Низколетящие самолеты с грохотом пролетают над верхушками деревьев, обстреливая деревню, пока мы стоим в зарослях папоротника и ждем нового приказа.

Идем по дороге, стараясь держаться ближе к деревьям. К нам прибывает пополнение. Это фольксштурм и пожарные, которых наспех собрали и вооружили. Их взгляды из-под касок исполнены воодушевления. Они входят в огонь, мы же хотим выйти из него. Удастся ли нам это?[58]

Начинается гонка, гонка на время по лесным тропам и открытым полям, через пустоши и песок, гонка наперегонки со страхом. Другие солдаты где-то подготавливают оборонительные рубежи, на новые позиции выдвигается зенитная артиллерия, на бой с врагом мчатся танки. Мы же, напротив, отступаем.

Скоро еще одна деревня, Демнитц. Жители подходят к нам и нерешительно спрашивают нас, стоит ли им сбежать. СС идет из

дома в дом, собирает мужчин, которые должны надеть форму СС на деревенской площади, затем быстро приведены к присяге и посланы вперед.

Сегодня день рождения Гитлера…

Скоро мы выходим на главную дорогу, ведущую на Берлин[59]. Ноги болят меньше, чем на лесных тропах и проселочных дорогах. Мы поневоле превратились в пехотинцев и должны выбраться из западни. Продвигаемся длинными колоннами под деревьями по обеим сторонам дороги. Туго набитые боеприпасами карманы шинелей бьют по коленям при каждом шаге. Я несу автомат сержанта, который идет без вещмешка. Каждые полчаса мы меняемся, по очереди неся то панцерфауст, то автомат. Отстаю, будучи не в силах идти дальше.

Красивая гостиница стоит у поворота дороги. Солдаты занимаются упаковкой архива. Я прошу воды и с радостью утоляю жажду. Чувствую себя немного бодрее. Пару минут отдыхаю и спешу дальше. Товарищи из моей роты отдыхают в лесу. Троих нет.

Вражеские самолеты подожгли лес. Подлесок потрескивает и горит, от дыма начинают слезиться глаза. Мимо мчатся грузовики, поднимая облака пыли. Деревья вспыхивают снова. В горле горит, язык распух и еле двигается. Прекратится ли когда-нибудь эта мука? Из леса доносятся автоматные очереди. Русские. Неужели все было напрасно?

Мы то бежим, то идем, выбиваясь из сил. Легкие сжимает удушье. Мы не осмеливаемся бросить вещмешки и оружие.

У нас последний шанс вырваться из окружения. Мы бежим. Темнеет. Где-то вдали стреляют из автоматического оружия.

Мы наконец прорвались. Позади слышны винтовочные выстрелы. Грузовики остановились. В небе деревьями висят сигнальные ракеты Вери. Брешь закрыта, окружение завершено, у нас больше не осталось сил. Мы можем лишь ползти. Я иду буквально на цыпочках. Хочется упасть замертво. Закончится ли когда-нибудь боль?

Пересекаем железнодорожное полотно. В небе позади нас повисает сигнальная ракета. Мы спасены.

Мы находимся в Беркенбрюке. Звук наших шагов эхом отражается от пустых и унылых зданий. То здесь, то там в домах появляется свет и встревоженные жители подходят к окнам.

Мы отдыхаем на перекрестке, присев на ступени маленького магазина. Лунный свет играет на наших усталых лицах. Лейтенант о чем-то разговаривает с командиром полка. Испытываю сильный голод, поскольку мы не ели с прошлой ночи.

На дорожном указателе надпись: до Литцена 48 километров.

Теперь мы и впрямь пехотинцы.

Нам приказано отправиться в Рауэн на торговую базу. Товарищи берут стоящие возле домов ручные тележки, Гейнц выбирает тачку. С благодарностью сгружаем наши вещи в кучу и идем выполнять приказ. Полусонные, бредем по дороге. В небе висит призрачный лунный диск.

У тачки ломается колесо, и нам снова приходится все нести на себе. Слезы гнева выступают на моих глазах. Неужели все так неудачно получается? Я возвращаю Веертсу его автомат и остаюсь со Штрошном. Остальная часть роты идет дальше, их оружие блестит в лунном свете. Мы остаемся одни. Нам теперь все равно.

С правой стороны от нас располагаются несколько вилл. Проходим в открытые ворота и поднимаемся по ступеням. Двери закрыты, и звонок не работает. Кладем вещи и снимаем сапоги. Чиркаю спичкой. Из сада раздается крик:

— Гасите огонь! — Приближается какая-то фигура. Гитлерюгендовец. Нам отпирают дверь, и мы входим.

Виллы пусты, и их заняла рота истребителей танков гитлерюгенда. Пока мы осматриваем кухню, ребята выносят нам хлеб и стаканы, наполненные солодовым напитком. Выходим наружу и молча едим. Мы никогда не ели с такой жадностью. Мы едим и едим. Наконец, прикончив весь хлеб, успокаиваемся.

В прачечной стоят бадьи с водой. Мы садимся в них и охлаждаем натруженные ноги. Лунный свет серебрит комнату.

Затем мы идем наверх, где в одной из комнат положены тюфяки, набитые соломой. Мы ложимся на них и тут же засыпаем. Ребята входят и уходят, они в сущности такие же дети, как мы сами. Все говорят, что американские самолеты сбросили листовки, в которых просят нас держаться. Они скоро подойдут, чтобы нам помочь. Но я больше ни во что не верю.

Тихий звук голосов доносится до нашего слуха. Крепко сжимаю заряженное оружие, словно это может спасти меня, как тонущего соломинка. Засыпаю окончательно.

Суббота, 21 апреля 1945 года

Дом дрожит и сотрясается. Дребезжат стекла. Мы возвращаемся в суровую действительность. Яркие лучи утреннего солнца светят в окна. Повсюду суетливо бегают парни из гитлерюгенда. Хватаем вещи и пулей выскакиваем на улицу.

Дорога запружена беженцами, подводами и автомобилями. Нам с огромным трудом удается двигаться в этом море хаоса. Над деревней вздымаются ввысь языки пламени и клубы дыма.

Повсюду неописуемая суматоха.

Перед нами блестит серебряно-серая лента автодороги Берлин — Франкфурт-на-Одере. Военная полиция тщетно пытается упорядочить движение колонн, в то время как бойцы фольксштурма и гитлерюгенда наспех сооружают оборонительные позиции с обеих сторон автодороги. Войска заполоняют обочины автодороги, по которой двигаются загруженные сверх меры автомобили. Мы безуспешно пробуем остановить хоть один.

Подъем, спуск, и вновь перед нами расстилается лента автодороги. Мосты разрушены, а туннели замаскированы, но ситуация на дороге неизменна, что делает путешествие по ней очень утомительным.

У моста на дороге стоит штабс-фельдфебель, регулирующий движение. Автодорога взорвана, и транспорт вынужден ехать в объезд. Старший сержант занят, за его спиной на мосту стоит новенький велосипед.

Я вскакиваю на велосипед, и вместе с бегущим за мной Штрошном уезжаю на нем. Подъезжаю на велосипеде к следующему мосту, бросаю ранец на землю и жду. Какой-то солдат ремонтирует командирский мотоцикл. Стоящий рядом с ним гражданский клянет войну. Энергично качу назад. Штрошн встречает меня довольной улыбкой — он где-то нашел большую палку салями. По шоссе разбросаны пустые сигаретные пачки и обертки от шоколада. Приношу ранец с моста и еду на велосипеде к Штрошну. Дальше едем вдвоем. С вещами ехать тяжело, катим практически на ободах, но все равно движемся вперед быстрее, чем прежде. Справа от нас небольшой город. Вижу закрытую заправочную станцию на автодороге[60], а чуть дальше взорванный мост. От взрыва сорваны крыши соседних зданий. Штрошн слезает возле заправочной станции. Я быстро сую кусок колбасы в рот, энергично жую и еду в деревню. Она называется Петерсдорф. Ее жители уже эвакуированы. Мужчины в форме фольксштурма строят перед школой. Крайсляйтер, тоже в форме, проходит вдоль шеренг, пересчитывая людей. Мужчины молчат, поскольку они в строю, и поэтому никто не может подсказать нам, как добраться до Рауэна.

Еду назад. Иногда в окне появляется и так же быстро исчезает чье-то перекошенное от страха лицо. Солдаты отступают по автодороге к Берлину. Грузим вещи и едем дальше. Нам трудно преодолевать на велосипеде крутые насыпи возле разрушенных мостов. Тогда мы меняем тактику. Один из нас проезжает, взяв вещмешок другого, два километра, отмеченные верстовыми столбами по обе стороны автодороги, а затем ждет, когда

подойдет второй. Затем меняемся. Таким образом, мы продвигаемся быстро, оставляя за собой один верстовой столб за другим.

Справа внизу видим несколько зданий, где девочка пасет коров. Мы спрашиваем у нее дорогу. Это — Рауэн. Следуем по лесной тропе, пока не въезжаем в деревню, из которой уходят ее обитатели. Мы спрашиваем их о нашей роте, но никто не видел ее. Прислонив велосипед к забору на перекрестке, заходим на ферму, чтобы найти воду, но колодца нигде нет. Штрошн выходит на улицу. Когда я подхожу к воротам, то вижу там двух лейтенантов. Они обращаются ко мне и приказывают немедленно отправляться в Фюрстенвальде и явиться в казармы Гинденбурга. Один из них берет наш велосипед. Чувствую себя совершенно разбитым. Штрошна нигде не видно. Лейтенант указывает на мой автомат и говорит, что он ему срочно необходим. Мне нужно спешить. Кипя от злости, отправляюсь в путь. Хочется орать от досады. До сих пор нам везло. Мы убежали от русских, но для чего? Два лейтенанта отправляются сначала вперед, затем разворачиваются и возвращаются.

Жителям раздают оружие, а на деревенской площади возводят баррикады. Оба лейтенанта исчезли. Знак у въезда в деревню гласит: «Фюрстенвальде — 12 километров». Я разворачиваюсь и возвращаюсь, чтобы пробовать отыскать транспорт, чтобы добраться до Фюрстенвальде. Возвращаюсь на крестьянский двор и ставлю ранец перед навесом. На улице стоит колонна с соломой для казарм в Фюрстенвальде, сопровождает ее штабс-фельдфебель. Быстро хватаю ранец и вскакиваю в последнюю подводу. Все остальное неважно, главное, что мне не придется идти пешком. Мимо проходят наспех сколоченные роты. Все теснятся на автодороге, солдаты и гражданские, мальчики и старики. Большинство без какого-либо оружия. Эта армия отчаяния идет тихо, серой, утомленной массой. Глухо звучат шаги. Царству смерти не видно конца.

Подвода вот-вот тронется, а я пытаюсь успокоиться, ощущая себя одиноким и покинутым. Не хочется думать о грустном, но от этих мыслей никуда не деться. Со мной нет товарищей, с которыми я успел сродниться, пройдя тяжелейшие испытания, и вот только что потерял своего лучшего друга.

Обоз отправляется в путь. Я оглядываюсь назад. Должно быть, я брежу. Из переулка выходит Штрошн без вещмешка. Я кричу ему, бросаю ранец с повозки и спрыгиваю на землю. Мы снова нашли друг друга.

Когда он увидел, что лейтенанты позвали меня, он быстро скрылся в переулке, чтобы не попасться им на глаза. Позже он

нашел роту и унтера-снабженца. Рота отдыхает в лесу рядом с автодорогой, и ёсли бы мы прошли немного дальше, то непременно нашли бы ее.

Мы возвращаемся к въезду в деревню. Солдаты из рот особого назначения с бледными сосредоточенными лицами проходят по дороге мимо нас. Начинается дождь. Мы идем дальше и вскоре выходим на автодорогу, а затем входим в лес, где находятся наши товарищи. Сбрасываю с плеч ранец и докладываю лейтенанту, который пожимает мою руку. Я вернулся в свою часть, к товарищам.

Дождь усиливается. Мы лежим на мхе, и становится очень мокро. Веертс собирает хворост для костра. Тяжелые подводы громыхают мимо по автодороге. В одной из них на секунду мелькает лицо Клабунде и тут же исчезает.

Подъезжает и останавливается автомобиль командира полка. К нему подходит лейтенант. Затем машина отъезжает, но скоро возвращается. Мы строимся, за исключением унтеров и отделения связистов из числа пожилых солдат, которые к нам присоединились. Нам приказано сдать панцерфаусты и автоматы. Кладу автомат на влажную землю перед собой и отдаю боеприпасы из ранца и карманов шинели штабс-фельдфебелю Кестеру. С нами остаются только лейтенант и штабс-фельдфебель. Командир полка уезжает, и мы строем отправляемся в путь.

Для нас в деревне готова еда, и мы под проливным дождем возвращаемся и с жадностью поглощаем жидкий, но горячий суп. Затем снова отправляемся в путь. Оказывается, что впереди дорога перекрыта русскими, которые находятся в Фюрстенвальде и в Эркнере, пригороде Берлина. Мы в растерянности. Как же нам прорываться?

Будем пробовать пройти через Шторков. Та дорога все еще должна быть свободна. Мы совершаем марш по лесным тропам на юг. Постепенно проясняется, и дождь прекращается. Делаем привал. Отдыхаем. Сидим, дрожа, на влажной земле. Струи дождя текут по лицам. Лагерь вермахта пуст. Нигде ни единого признака жизни. Двери хлопают на ветру. Возле бараков валяются кучи брошенного оружия и амуниции.

Иногда сталкиваемся с теми, кто так же осторожно, как и мы, пробирается через лес. Встречный показывает нам, как срезать дорогу. Нам не нужно идти через Шторков, мы можем пройти левее. Выходим из лесу и шагаем по полю. На развилке лейтенант отправляется на разведку. Мы лежим в траве и ждем. Затем идем дальше, совершая марш по неприметным тропам через лес, по полям и по пустынным дорогам, руководствуясь картой и

компасом. Говорят, что в Шторкове уже русские танки.

Появляется хутор. Хозяева заметили нас издалека и встречают горячим молоком и кофе, когда мы переходим мост, переброшенный через ручей. Эти люди пока не затронуты войной, они выпали из поля зрения остального мира. Крестьяне приглашают нас остаться, и лейтенант беседует с ними. Мы остаемся. Заходим в сарай. Гейнц Штрошн и я поднимаемся по лестнице на чердак. Ложимся на солому, сняв влажные и тяжелые шинели. В полу широкие щели, через которые нам виден пол молотилки. Спускаюсь во двор и мою ноги. Несколько моих товарищей чистят картошку. Из прачечной слышен запах теплой крови, там режут овцу. Девушки возвращаются с фермы, стуча по двору деревянными башмаками и неся полные ведра парного молока. Они угощают нас, и мы с благодарностью пьем его.

Блачек был в Кюммерсдорфе, оттуда сегодня вечером в Берлин отправляется поезд.

Во дворе царит оживление. Подают суп. Медленно темнеет. Из сараев слышится смех, там толстый Райникке упал с чердака на пол. Толстяк удивленно озирается. Он немного ушибся, но кости целы.

Мы выходим во двор и разговариваем с крестьянами. Здесь, в этом медвежьем углу, у них нет никаких новостей. Война их пощадила; они надеются, что им и дальше повезет. Хозяин фермы курит, попыхивая длинной фарфоровой трубкой. Зловонный дым окутывает его голову. Он клянется, что курит табак, выращенный в собственном огороде.

Над миром медленно опускается завеса ночи. Заходим в сарай и тихо карабкаемся по лестнице, чтобы не разбудить спящих. Я зарываюсь в солому. Гейнц беспокойно мечется во сне. Звездный свет проникает сквозь щели в крыше. Луч лунного света играет на лице Гюнтера. Снизу раздается самозабвенный раскатистый храп. Я вспоминаю ужасы и смерть недавних дней и прихожу в отчаяние.

Боже, в чем же смысл жизни?

Воскресенье, 22 апреля 1945 года

Нас будят еще до полуночи. Я так толком и не смог заснуть, поскольку моя форма все еще остается мокрой. Дрожа от холода, надеваю влажную и тяжелую шинель и по шаткой лестнице осторожно спускаюсь вниз. Товарищи ходят вокруг сарая. То здесь, то там мерцает слабый свет.

Полусонные, собираемся во дворе, затем тихо проходим через

деревню. Где-то громко и жалобно лает собака. Идем по узкой лесной тропе. Ветви хлещут по лицу. Трава блестит от вечерней росы. Нам надо быть осторожными. Русские, возможно, уже прорвались и устроили нам новый котел, возможно, даже успели замкнуть его. Прямо на ходу жую кусок хлеба и колбасу. Перед глазами качается вещмешок товарища. Мы тихо шагаем в бесконечность.

По лесу идет узкоколейная железная дорога, и издали слышен свист паровоза. Поднимаем головы. Чувствую, как мое дыхание учащается. Это — наш поезд, наш поезд!

Лес остается позади. Ветер гуляет по полям. Издали виден красный свет семафоров и слабые огни станции. Паровоз выпускает пар и как будто дрожит от нетерпения.

Лейтенант о чем-то говорит с начальником станции. Товарный поезд идет в Берлин и должен отправляться немедленно. Залезаем в холодные вагоны и ждем, прижавшись друг к другу. Пол мокрый и холодный. Вспыхивает спичка, на несколько секунд освещая наши изможденные лица. Время от времени кто-то что-то говорит. Паровоз вздрагивает. Снаружи раздаются голоса железнодорожников. Я засыпаю.

Дверь вагона со скрипом открывается. Слышится завывание ветра. Идет легкий дождь. Неожиданно раздается команда:

— Всем выйти из вагонов!

Оказывается, русские перекрыли железную дорогу.

От отчаяния хочется кричать. Еще одна надежда развеялась. В ночи свистит паровоз, выпускающий пар. Мы идем дальше, потеряв бесценный час. Шагаем по полям длинной, молчаливой колонной, полусонные от усталости, автоматически бредем друг за другом, не имея ни надежды, ни четкой цели.

Скоро выходим на основную магистраль. Иногда проходит машина, на мгновение пронзая ночную тьму светом фар. Справа летное поле[61], слева плотная стена леса. Садимся на мокрую землю и засыпаем. Мимо проезжают велосипедисты, раздаются девичьи голоса. Немного отдохнув, вновь отправляемся в путь.

Впереди деревня. Приближаемся к дорожной развилке. Под мостом тускло блестит водная гладь реки[62]. Проходим через спящую деревню, ни единый звук не нарушает тишину ночи. Читаем надпись на указателе — «Биндов».

Занимается рассвет. Солнце взошло рано и освещает пустынные улицы. Еще одна деревня. Вместе с Гейнцем захожу на крестьянское подворье, чтобы наполнить фляги водой. Рота тем временем уходит вперед, но мы наверстывем отставание.

Возле дороги разбросаны вещмешки, обмундирование и оружие. В глубине садов поблескивают окна небольших

загородных домов. Отдыхаем и снова идем вперед. Слева лес с густым подлеском, зеленая листва ярко контрастирует с песком недавно отрытых траншей. Еще пять километров пути остается до Кенигс-Вустерхаузена. Там мы сможем сесть на поезд пригородной железной дороги.

Воскресенье, еще одно воскресенье. Женщины идут по улице с бидонами молока или стоят в очередях перед магазинами. Дети идут в церковь. На некоторых зданиях висят флаги со свастикой, Фольксштурм строит баррикады, на площади пожарные чистят оружие. Женщины приносят нам горячий кофе. По обе стороны железнодорожного вокзала несколько обнесенных колючей проволокой бараков с французскими военнопленными.

Вокзал выглядит вымершим. Поезда в Берлин больше не идут, русские перекрыли железную дорогу. Мы готовы упасть без чувств. Это была наша последняя надежда. Мы на грани отчаяния.

Многие не в силах пошевелиться. С каждым шагом вещмешки кажутся ужасно тяжелыми. У Гелиоса по щекам текут слезы, он бормочет:

— За что нам такое наказание? Неужели мы это заслужили?

Блачек падает прямо на шоссе. Двое солдат стонут, лежа у забора.

Останавливаемся на обочине. Перед нами перекресток. «До центра города 44 километра». Нужно сделать еще одну попытку. Дорога налево ведет в Дальвитц, до него 12 километров. Всего через два часа мы со Штрошном можем оказаться дома. Но мой товарищ даже не смотрит на дорожный указатель, просто идет дальше.

Женщины приносят нам еду. Мы благодарим их и прямо на ходу начинаем жадно есть. Наша колонна растягивается, и штабс-фельдфебель собирает ее, подгоняя нас. Женщины стоят у шоссе и раздают нам сигареты, многие из них плачут. Я беру влажноватую сигарету «Юно» и жадно затягиваюсь. Штабс-фельдфебель предупреждает нас, что курение утомит нас еще сильнее, но сигареты доставляют нам огромное удовольствие.

Местные жители, мужчины, женщины и дети, выходят на улицу и угощают нас хлебом. Мы, поблагодарив их, едим на ходу.

Останавливаемся. Лейтенант и штабс-фельдфебель проверяют личный состав роты. Русские уже в Берлине. Взята станция городской железной дороги в Кепенике, часть Пренцлауэр Аллее отрезана. Вражеская артиллерия обстреливает центр города с востока. Самолеты продолжают сбрасывать бомбы. Берлин стал линией фронта.

Нам нужно спешить. Русские пытаются замкнуть кольцо окружения между Цойтеном и Глазовом. Говорят, что они уже

близко подошли к дороге.

Рядом с лейтенантом останавливается грузовик.

— Залезайте!

Забрасываем вещмешки в кузов грузовика и забираемся сами. Мчимся по дороге, идущей через деревни, где в полях слева от нас рвутся снаряды, а справа в лесу не переставая строчат автоматы. Мы успеваем как раз вовремя. Благополучно выходим уже из третьего окружения.

Едем на полной скорости, и висящий над дорогой провод срывает фуражку у меня с головы. Наконец мы останавливаемся, слезаем и разгружаем бидоны на деревенской улице. Грузовик разворачивается и возвращается, чтобы забрать остаток нашей роты. Успеют ли вернуться наши товарищи?

Без дела сидим на бидонах и вещмешках. На другой стороне дороги — машины полевой пекарни. До нас доносится запах свежеиспеченного хлеба. Мы с Гейнцем переходим дорогу и возвращаемся, под завязку нагруженные хлебом, еще теплым и мягким. Вонзаем в него зубы и жадно жуем.

Наконец грузовик возвращается. Он пуст, а в бортах отверстия от автоматных пуль. Нам повезло.

Идем дальше. Военная полиция регулирует движение у въезда в деревню, на солнце ярко горят шитые серебром воротники[63]. Людской поток течет по дороге, ведущей из Берлина, здесь и гражданские, и военные. Дорога на Бранденбург сворачивает влево, на запад. Длинные ряды тяжело груженных машин, везущих генералов, партийных функционеров, а также высокопоставленных государственных чиновников, сгрудились у последней оставшейся дороги на Берлин. Той же дорогой следуют гражданские с ручными тележками и велосипедисты. Крысы бегут с тонущего корабля[64].

Серая лента шоссе сворачивает налево. На солнце ярко сияют рельсы узкоколейки. Слева находится аэродром[65], двери его ангара открыты. Над дорогой пролетает «физелер шторх»[66], его плоскости ярко сверкают при приземлении. Откуда-то справа доносится рокот авиационных двигателей и автоматные очереди. Самолеты низко пролетают над деревней и один за другим заходят в пике, похожие на смертоносных черных птиц.

Иногда самолет противника пролетает пугающе близко, и тогда дорога, словно выметенная, блестит в солнечном свете, так как мы прячемся в траншеях, вжимая лица в траву. Эркнер взят, Науэн оставлен нашими войсками, в Ораниенбурге идут тяжелые бои. Русские почти в центре Берлина, а мы так и не достигли черты города.

У дороги несколько симпатичных летних домиков,

утопающих в цветах. Солнце освещает мирный воскресный пейзаж. Стоит весна, но никто, кажется, ее не замечает. Здания пусты, их владельцы сбежали, правда, иногда замечаем людей, сидящих на краю вырытой в саду траншеи.

Мы останавливаемся в Вальтерсдорфе. Нам нужно изменить направление. Русские уже в Кепенике, значит, теперь мы должны попробовать войти в город через Темпельхоф. Вот только зачем? Чтобы там нас наголову разбили?

На перекрестке сомкнуты противотанковые заграждения. Обстановка противоречивая и непонятная. Противник вездесущ и может в любой момент появиться откуда угодно. Никто не знает, где он сейчас, ходят дикие слухи о русских танках. Они якобы повсюду, возникают и исчезают как призраки.

На другой стороне дороги, в саду, фольксштурмовцы моют посуду. Мы садимся у порога дома и ждем, когда хозяйка принесет нам немного горячего кофе. Фольксштурм устроился на постой в придорожную гостиницу. Мы с Гейнцем берем котелки и переходим улицу. Женщины берут наши котелки и наполняют их. Мы счастливы. Садимся и едим суп. Дети играют в желтом песке противотанкового рва. Мужчины с нарукавными повязками деловито снуют по улицам. Где-то поют птицы, лает собака. Издали слышен унылый гул артиллерии, но здесь — настоящий оазис мирной жизни.

Возвращается лейтенант. Он был у коменданта деревни Вальтерсдорф, ходил выяснять обстановку. Нам не остается ничего другого, как попробовать войти в Берлин с юга, обойдя его с запада.

Мы снова строимся и отправляемся в путь. Позем-ба предлагает воспользоваться брошенным грузовиком, но от него не будет никакого толку, потому что повсюду установлены противотанковые заграждения и нам через них не проехать. Проходим через несколько деревень, жители которых энергично перегораживают улицы баррикадами и под руководством партийных деятелей закладывают фугасы. В этом приходится участвовать всем — детям и подросткам, женщинам и старикам.

Некоторое время спустя пересекаем железнодорожную ветку Миттенвальд-Бритц. Обе конечных станции уже находятся в руках русских. Проходим через Кляйн-Циттен, затем сворачиваем направо на большое крестьянское подворье. Его хозяин не хочет принимать нас. Он боится, что русские будут здесь раньше, чем мы успеем уйти. Нас снова нагоняет Блачек. Штабс-фельдфебель спрашивает, где его панцерфауст. Он оставил его в Кенигс-Вустерхаузене. Лейтенант грозит ему трибуналом. Блачеку в наказание приходится нести до самого Берлина еще один

панцерфауст.

Подходим к другому крестьянскому подворью, хозяин которого разрешает нам занять комнату, расположенную над хлевом. С трудом поднимаемся вверх по крутой лестнице. Пол в верхней комнате гнилой, в нем зияют дыры. Помещение просторное, в нем легко мог бы разместиться отряд вдвое больше нашего. Окна выбиты. По комнате гуляет ветер.

Сбрасываю с себя поклажу. Соломы нигде нет, и поэтому я ложусь прямо на голые доски. Мы с Гейнцем и Штрошном тесно прижимаемся друг к другу и накрываемся шинелями. Снимаю сапоги и босиком выхожу во двор. С трудом нажимаю на рычаг водонапорной колонки и подставляю ноги под струю ледяной воды. Ступни ног выглядят жутко — свеженатертые мозоли от долгой ходьбы лопнули.

Оглядываю двор. Повозки, стоящие перед домом, поспешно нагружаются одеждой и мебелью. Здесь же стоят тележки и тачки других беженцев, чьи дети безмятежно играют в сарае.

Поднимаюсь наверх. Гейнц и Гюнтер изучают карту, смотрят, где мы шли по пути на это крестьянское подворье. За три последних дня мы проделали немалый путь, пройдя 160 километров. Две последние ночи мы спали в общей сложности всего семь часов, все остальное время шли. За три дня мы ни разу толком не поели, только кое-что перекусили на ходу и съели немного супа. Нам предстоит пройти еще двадцать пять километров, прежде чем мы доберемся до железнодорожной станции.

Посыпаю тальком измученные ноги и снова натягиваю носки. Накрываемся шинелями. Снаружи шумит ветер, в хлеву мычит скот. Смертельно усталые, мы быстро засыпаем.

Одиннадцать часов. Нужно вставать и в темноте следовать дальше. Осторожно спускаемся вниз по узкой лестнице и собираемся во дворе. Русские совсем близко. Они уже заняли Вальтерсдорф. Под лай собак идем по спящей деревне. В полночь оказываемся на приличном расстоянии от нее.

Понедельник, 23 апреля 1945 года

Тихо идем через спящие деревни. Дороги практически полностью перегорожены противотанковыми заграждениями. На мостовых снята брусчатка, в землю закопаны фугасы, ожидающие своих жертв. Ничто не нарушает ночную тишину. Слышны лишь наши гулкие шаги. Иногда откуда-то из-за баррикады появляется какой-нибудь гражданский и заговаривает с нами. Наше оружие

тускло поблескивает в лунном свете. Мы находимся на главной дороге, ведущей в Берлин[67]. Проходим через Лихтенраде, затем через Мариендорф. Это уже черта города. Высокие жилые дома вздымаются высоко в небо. Время от времени впереди вспыхивает слабый свет. Некоторые жители стоят в дверях домов, встревоженные шумом наших шагов, и успокаиваются лишь тогда, когда понимают, что мы — немецкие солдаты. По небу бегут клочья облаков. Справа от нас аэропорт Темпльхоф. Устало следуем дальше. Дорога кажется бесконечной. Откуда-то из темноты неожиданно выныривают несколько трамваев «BVG»[68].

Останавливаемся и медленно забираемся в них. Сквозь окна светит луна. В трамвае висит плакат, призывающий жителей Берлина умереть, защищая свой родной город — даже женщин, детей и стариков. Ищу в кармане хлеб и жадно доедаю найденные там крошки. Гейнц сидит рядом со мной и молча смотрит в окно на ночной город. Лунный свет падает на наши изможденные лица. Голова склоняется на грудь, но мы слишком устали, чтобы уснуть.

По вагону проходит лейтенант и постукивает по оконным стеклам. «Выходим!» Ночь шаг за шагом поглощает нас. Держимся ближе к стенам домов. За нами снова появляются трамваи. Где-то скрипнула дверь, и заплакал ребенок. На мгновение тьму прорезает луч фонарика. Где-то впереди виден свет двух свечей. Ветер раскачивает потрескивающие ветви деревьев. Останавливаемся и ждем остальных, затем спускаемся вниз в бомбоубежище. Здесь нас встречает приятное тепло. Две лампы скупо освещают помещение. Бомбоубежище забито людьми, мужчинами и женщинами, сидящими на своих жалких пожитках. Тем не менее кажется, будто они уютно чувствуют себя в эту апрельскую ночь, укрывшись под землей от опасностей войны, нависшей над берлинскими улицами.

В их глазах читается удивление. Они смотрят на нас, как на призраков. Неужели они думают, что русские далеко и утром уже не стоит опасаться их наступления на столицу? Глаза некоторых людей сверкают гневом, даже ненавистью. Они ненавидят нас за то, что мы все еще продолжаем борьбу. Ненавидят за то, что мы еще не бросили оружия и не отказались от воинского долга. Они недоверчиво отодвигаются, давая нам место на скамьях или на полу. Ложусь на скамью, положив под голову ранец. Мои ноги гудят от усталости, а голова буквально раскалывается от боли. Скоро мы уходим, оставив этих людей спать, ждать и надеяться. Дрожим от уличного холода. Рассвет чуть брезжит, и улицы все еще погружены в полутьму. Мы находимся в Берлине среди руин, появившихся после ночных бомбежек. Ввысь вздымаются фасады

уцелевших домов. Время от времени кто-то перебегает дорогу и тут же быстро исчезает.

Шагаю рядом с Гейнцем и Штрошном. Впереди нас идет лейтенант. Слышу у себя за спиной чьи-то неуверенные шаги. Мимо нас проходит штабс-фельдфебель и подгоняет нас. Мы по-прежнему идем с полной выкладкой — от второй смены нижнего белья до носового платка. Мир вокруг нас стремительно рушится, война явно проиграна, а мы все так же тащим полное солдатское снаряжение.

Снова делаем остановку. Численно нас стало меньше. Нам нужны последние остатки сил, чтобы заставлять собственные тела двигаться дальше. Пока мы стоим, Гейнц оглядывается в поисках какой-нибудь тачки или тележки, куда можно было бы сложить нашу поклажу. В груде обломков за фасадом сожженного здания находится тачка. Выкатываем ее на улицу и складываем в нее наши вещи. Катим тачку перед собой, пытаясь не выпустить из рук.

Время тянется ужасно медленно. Появляется группа женщин, пришедших с южных окраин города. По улице бежит стайка мужчин. По улицам также катят моторизованные патрули СС. Они то здесь, то там останавливают мужчин, кого-то забирают и увозят с собой. Фольксштурм, одетый главным образом в эсэсовскую форму, закрывает за ними проходы противотанковых заграждений. Мальчишки из гитлерюгенда горделиво расхаживают с панцерфаустами.

Справа находится большая площадь, где высятся фасады разрушенных домов. Двое мужчин в форме СА[69] стоят под фонарным столбом, на котором раскачивается повешенный на красном электрическом проводе гражданский. Провод глубоко врезался в его шею. Лицо синее, глаза выкатились из орбит. На груди повешенного картонная табличка. На ней красными чернилами написано корявым почерком: «Я, Отто Мейер, проявил трусость и побоялся воевать за свою жену и детей. Вот поэтому я вишу здесь. Я — трусливая свинья». Чувствую, что меня сейчас стошнит. Хочу отвернуться в сторону, но не могу отвести глаза от этого жуткого зрелища. Люди из СА смеются, глядя на повешенного, тело которого медленно покачивается на ветру. Проходящий мимо гражданский, понизив голос, рассказывает нам, почему повесили этого солдата. Подобно нам, он вернулся домой смертельно усталый и обожженный боями с врагом, вырвавшись из окружения на окраине Берлина. Он был совсем молод. Жена упросила его остаться с ней. Он послушался, но соседи выдали его. Пришли эсэсовцы и убили солдата в присутствии жены и детей. Перед этим они в насмешку заставили

его написать под их диктовку этот текст, прежде чем повесить. Петля, стягивавшая горло, скоро умертвила его. В это время жена солдата лежала без сознания. Эсэсовцы уехали, а дело доделали люди из СА. Несчастного солдата обрекли на смерть. Обрекли на смерть? Нет, убили!

Рядом с повешенным по-прежнему продолжается жизнь. Выражение лиц прохожих свидетельствует об унынии, вызванном бессмысленностью дальнейшей борьбы, и их страхе перед подручными агонизирующего режима. Потрясенные до глубины души, мы идем дальше.

Перед нами перекресток. Слева мы видим вход в станцию метро Белль-Аллианс-Платц. Оставляем у входа тачку и ждем отставших товарищей. Затем медленно, почти торжественно, спускаемся по лестнице под землю, желая продлить приятное ощущение от возвращения в Берлин.

Люди стеной стоят на платформах. Подъезжает поезд метрополитена. Входим в вагон. Двери закрываются, и начинается путешествие, ритм которого нам хорошо знаком. Вспыхивают огни туннеля, и станции мелькают одна за другой. Люди входят и заходят. Мы тоже выходим из вагона и идем длинным туннелем. Сейчас мы находимся под землей в самом центре города на пересечении Лейпцигер-штрассе и Фридрих-штрассе. Садимся на другой поезд, который проезжает через станцию Потсдамер Платц. Вскоре мы оказываемся на поверхности и едем по надземной ветке метрополитена. Видим руины домов и летящие вдалеке самолеты. В небо вздымаются клубы дыма и столбы пламени. Скоро мы снова ныряем под землю, и опять одна за другой мелькают станции.

В окна снова врывается дневной свет. Поезд останавливается в Рулебене. Тяжело, как старики, спускаемся по лестнице. Строимся перед входом в станцию и строем медленно идем по улице. Железнодорожная насыпь справа от нас, казармы — слева. На деревьях уже зеленая листва. Почки набухли и вот-вот распустятся. Перед входом в казармы стоит часовой. Сворачиваем налево и спустя какое-то время один за другим перешагиваем через порог казармы. Ворота закрываются за нами, дверные петли противно скрипят. Мы вернулись. На этот раз забег наперегонки со смертью мы выиграли.

Две недели миновало с тех пор, как мы прошли через эти же самые ворота. Этот срок кажется нам вечностью. Нас было 150 мальчиков-мужчин, с тревогой вглядывавшихся в будущее. Сегодня в казарму вернулось только пятьдесят восемь человек[70].

Глава VII. Оборона северного Шпандау

Мы проходим через ворота казарм во второй раз. Четыре недели нас это не так радовало, как теперь, но сегодня? Сегодня нам кажется, что это — оазис спокойствия и мирной жизни, пусть даже всего на несколько часов.

Проходим мимо зданий к плацу. Гражданские, бежавшие из тех частей города, где идут бои, стоят перед блоками казарм. Дети играют неподалеку. В это время солдаты отправляются сражаться с врагом. Мы слишком устали, совершенно измотаны тем, что пережили за последние две недели.

Выстраиваемся перед штабом батальона. Наши ряды сильно поредели. Нас осталось немного — пятьдесят восемь изможденных юных лиц. В одинаковых серых касках мы, объединенные общей усталостью, кажемся очень похожими. Таково лицо нашего поколения. Лейтенант возвращается и дает команду: «Разойдись!» Мы проходим мимо вещевых складов, расположенных возле восточного блока. Все здания битком набиты солдатами и беженцами-гражданскими, и поэтому нам приходится спать в конюшне[71].

Стоим перед входом в конюшню. Начинается дождь. Холодный ветер гуляет между корпусами казарм. Заходим внутрь. Нашим временным жилищем становится чердак. Бросаем на пол наши вещи и радуемся тому, что наконец обрели хотя бы какое-то пристанище. В крыше отсутствуют несколько плиток черепицы, и внутрь попадают капли дождя. Снимаем сапоги с натруженных ног, собираемся в кучу и пытаемся заснуть.

Холод не дает уснуть. Дрожа, ходим по комнате. Стараемся ступать осторожно, потому что подошвы ног у нас натерты и покрыты волдырями. Вскоре к нам заходит пара санитаров из лазарета и начинает обрабатывать наши многострадальные ноги. Они пытаются сделать это при помощи ножниц, игл, йода и мазей. Нам быстро срезают мозоли и быстро прижигают их йодом. Я сильно сомневаюсь, что от этого будет какой-то толк.

Разбредаемся и по отдельности ходим по казармам в поисках еды. Мы не ели весь день и хотим найти хотя бы что-нибудь. Из этой затеи ничего не получается. Беженцы, женщины и дети, так же, как и мы, бродят по казармам и просят у солдат еду. Их мужей и отцов одели в военную форму и бросили на защиту города. Зенитные орудия, которые стояли на учебном плацу, отправлены вместе с солдатами-зенитчиками оборонять

городские улицы. Несколько венгров, оставшихся от почти полностью уничтоженных венгерских полков, сиротливо жмутся к стенам помещений. Ищу Виндхорста, надеясь узнать у него, дадут ли нам что-нибудь поесть.

Виндхорст оказывается в своей старой комнате. Он удивленно смотрит на меня. То, что нам посчастливилось вырваться из кольца окружения к югу от Берлина, кажется ему невероятным. По его мнению, нам крупно повезло. Он считает, что мы достаточно хлебнули за последние две недели и что нам больше не стоит участвовать в боях за Берлин. Спрашиваю его о том, какая сейчас сложилась обстановка, и он рисует такую ужасную картину, что я с трудом осознаю сказанное. Мы упорно пробирались сюда, шли днем и ночью, испытали тяготы и ужасы отступления и угодили в еще больший хаос. И при этом мы не знаем, удастся ли нам на этот раз избежать всего этого ужаса.

Снова выхожу на плац. Небо затянуто серыми тучами. Откуда-то издалека слышны глухие раскаты взрывов. Похоже, что сатанинские легионы обрушили всю свою мощь на наш несчастный город, принеся смерть, ужас и разрушения в последний бастион обороны.

Иду в лазарет и останавливаюсь в дверях. Женщина, бежавшая из Берлина, рассказывает о боевых действиях на городских улицах. Оружие взяли даже дети и старики — их зачисляют в части фольксштурма и бросают прямо в бой. Враг все ближе и ближе подбирается к центру города, несмотря на отчаянные усилия солдат и гражданских сдержать их натиск. Женщины и дети, которым посчастливилось избежать участия в «обороне» города, сидят в подвалах и, по всей видимости, заживо похоронены под обломками рушащихся зданий. Света нет вот уже несколько дней, как нет и воды. Женщина говорит, что ей чудом удалось вырваться из этого «ведьминого котла». Многие из тех, кто пытался бежать, были убиты. Сейчас бежать уже слишком поздно, потому что кольцо окружения смыкается все теснее и теснее. Кроме того, она сообщает, что эсэсовцы создали специальный полк, который следит за фольксштурмом и безжалостно бросает в бой стариков и детей. Патрули обшаривают каждый закоулок, каждый чердак и подвал и выгоняют на улицу всех, кто еще способен носить оружие. В Берлине сейчас воюет больше гражданских, чем военных, добавляет женщина. Она бежала из Вайсензее, который, по ее утверждению, без боя сдан врагу. Она говорит, что вот-вот должны подойти подкрепления, но, похоже, она имеет в виду те же самые подкрепления, на подход которых мы так надеялись. По-прежнему не смолкают слухи о том, что англичане и

американцы хотят заключить с нами мир, и тогда русские станут нашими единственными врагами.

Какой-то солдат рассказывает, что враг стремительно захватывает соседние с Берлином города. Русскими уже заняты Ораниенбург, Фельтен, Науэн, Эркнер, Руммельсбург, Фрохнау и Кёпеник. Бои, по всей видимости, вовсю идут в Потсдаме, а Бернау и Рейникендорф уже находятся в руках врага. Берлин — последний оплот обороны, от которого противник отрывает кусок за куском. Город буквально превратился в кровавую бойню. Заканчивается последний акт великой трагедии. Мир рвется на части и падает в бездну крови и страха. Вся наша нация, упрямо цепляющаяся за руины Берлина, неуклонно скатывается в эту пропасть. Возвращаюсь в наше новое жилище. Устало поднимаюсь по лестнице наверх. Лейтенант раздобыл нам немного еды — жидкий, но все-таки горячий суп, в котором плавает несколько капустных листьев. Он не слишком насыщает, но все-таки придает немного сил нашим усталым телам. Поев, отправляюсь на интендантский склад — обменять сапоги и получить новые штаны. Квартирмейстер неохотно выполняет мою просьбу. В его глазах мы все еще жалкие призывники, от которых армии нет никакой пользы и которым сойдет и старое обмундирование. Однако чуть позже он сменяет гнев на милость. Да, мы призывники, но призывники, достойные того, чтобы бросить нас на смерть даже без соответствующей боевой подготовки.

В столовой фольксштурмовцам выдают форму, старую форму довоенных времен с новенькими знаками отличия. Юные девушки расхаживают по казармам в форме войск СС, надев на головы пилотки. Многие из них щеголяют ремнями с кобурой. Они хотят выглядеть воинственными, однако никакого оружия у них нет. Они состоят в так называемых «батальонах смерти» СС, дав клятву умереть, но не попасть в руки врага. Это — естественный результат курсов стрелковой подготовки для женщин. Несколько дней назад они ходили осваивать новый вид «спорта», а теперь вынуждены надеть военную форму. Вряд ли этот «спорт» покажется им таким привлекательным, когда дело примет серьезный оборот. Их бриджи, тесно обтягивающие ноги, явно заставляют солдат воспринимать их не как боевых товарищей, а иначе, гораздо более легкомысленно. Солдаты видят в них удобное средство удовлетворения плотских утех. Девушки это чувствуют и ходят по казармам, горделиво задрав головы.

К зданию вещевого склада подъезжает огромный желтый автобус. Его начинают разгружать. Рядом стоит чиновник, проверяющий каждый выгружаемый предмет. Во двор казарм также въезжают повозки с оружием, в том числе и с пулеметами,

и боеприпасами. Это — старое оружие из самых разных стран всех мыслимых типов. Его уносят в казармы. Оно считается вполне подходящим для войск, независимо от того, умеют солдаты стрелять или нет. Беру из тележки новую пилотку, а свою старую забрасываю в кусты. Чуть позже подходят один за другим мои товарищи и выбирают себе головные уборы. Однако вскоре появляется квартирмейстер и обрушивает на нас поток ругани. Однако уже поздно, все выбрали себе новые пилотки и не собираются расставаться с ними. Мы уже побывали в таких переделках, что нам теперь не страшен никакой квартирмейстер.

Мы заходим в казарму. Узнаем, что штабс-фельдфебеля Бекера, бывшего командира роты призывников (как давно это было!), отправили на фронт. Чучело погиб, остался лишь Ритн.

На стене казарменного здания висит огромный пропагандистский плакат, из которого явствует, что русские непременно убьют нас, если возьмут в плен. Невозможно понять, стоит ли верить всему этому. Другой плакат, на котором еще не успела высохнуть типографская краска, словами Геббельса провозглашает: «Самый жуткий и темный час — предрассветный!»

Карта Берлина, включающая пригороды до самого Одера (все еще показаны позиции на Одере), явно свидетельствует о безнадежности сложившейся ситуации. Сегодня линия фронта проходит по станциям берлинского метро. Эркнер — это Восточный фронт. Ораниенбург и Фрохнау — Северный. Потсдам и Вердер — Южный. Только западный Шпандау все еще в наших руках, вот только неизвестно, как долго он будет оставаться немецким.

Возвращаюсь на чердак. Лейтенант Штихлер подсаживается к нам и разговаривает с нами так, как будто мы инвалиды. Сегодня вечером нам снова придется участвовать в боях. Мы надеялись, что получим день передышки. Однако никакого отдыха не может быть в жизни, над которой нависла грозная тень смерти.

Темнеет. Дождь прекратился. В казармах нет электрического освещения. Воды тоже нет. Ее приходится приносить, набрав под расположенной во дворе колонкой. Кто-то приносит наши пайки. Выясняем, что каждому из нас полагается по пол-литра шнапса. Начальство, должно быть, поняло, что нужно каким-то образом снять наше недовольство. Нам также приносят сигареты и шоколад. Делим эти сокровища при свете нескольких свечных огарков. Затем начинается обмен. Меняю сигареты на шоколад и оказываюсь обладателем внушительной порции. Затем вместе с Гейнцем и Штрошном отправляюсь в столовую, точнее, на кухню, где выдают шнапс. Возвращаемся обратно с немалой емкостью спиртного.

Позднее нас делят на несколько отделений, командирами которых назначают унтер-офицеров. Мы больше ничего не говорим, а прямо переходим в то отделение, которое нам больше нравится. Мы снова оказываемся вместе — Гейнц, Штрошн и я. Затем каждое отделение отправляется на оружейный склад. Получаем винтовки и боеприпасы.

В десять часов выстраиваемся перед зданием конюшни. Наши ранцы забиты до отказа, в том числе и грязным нижним бельем. Это имущество вермахта, и мы несем за него ответственность, даже если оно совершенно бесполезно. Проходя мимо казарм, делаю быстрый глоток шнапса, который обжигает мне горло. Сквозь разрывы бегущих по небу облаков иногда выглядывает луна, мирным сиянием освещающая обреченный город. Идем мимо штаба батальона, громко печатая шаг. Проходим через ворота и снова окунаемся в мир большого города. Рассредоточившись под деревьями, идем по насыпной дороге в Шпандау. Справа на железнодорожной насыпи горит цистерна с нефтью. Ввысь вздымаются желтые языки пламени. Небо над Шарлоттенбургом фиолетово-красное от пожаров. Где-то в городе рвутся снаряды, слышно буханье выстрелов из артиллерийских орудий. Откуда-то сзади доносится рокот двигателей. Лейтенант Фрике выбегает на дорогу и машет нам рукой. Невесть откуда появившийся трактор с прицепом останавливается. Лейтенант о чем-то разговаривает с водителем и подзывает нас. Есть возможность проехать небольшое расстояние, а не идти пешком. Мы тут же забираемся в прицеп. Кто-то из нас по ошибке отцепил прицеп, и водитель пытается снова прикрепить его к трактору. Соскакиваю на землю и пытаюсь помочь ему. Горящая цистерна по-прежнему отбрасывает яркий свет. Слышится далекий гул авиационных двигателей. С каждой минутой он становится все громче и громче. Мы отчаянно пытаемся прикрепить прицеп к трактору, но водитель сильно нервничает, и у нас ничего не получается. Между тем стремительно приближающийся самолет повисает в небе над нами подобно гигантской грозной птице. Должно быть, это одна из русских «швейных машинок». Я бросаюсь на землю позади трактора, когда понимаю, что вражеский самолет приступил к бомбометанию. На нас обрушивается дождь осколков. Из прицепа, в котором сидят, сбившись в кучу, мои товарищи, доносятся громкие крики. Я чувствую на своем лице что-то горячее и влажное. Это моя кровь. Крошечный осколок полоснул меня по лбу чуть выше глаза. Мотор неожиданно оживает, и трактор, сорвавшись с места на максимальной скорости, исчезает в темноте. Вдали по-прежнему не смолкает рокот авиационных двигателей.

Мои товарищи успели выпрыгнуть из прицепа и теперь лежат на обочине. Нам повезло, мы отделались лишь незначительными ранениями. Вегнер и Бройер ранены в руку, еще одному из наших осколок попал в ногу. У нас оказывается шесть раненых, они отправляются обратно в казармы.

Продолжаем идти, скрываясь под кронами деревьев. Теперь и мы имеем непосредственное отношение к битве за Берлин. Если так будет продолжаться и дальше, то мы долго не протянем. До моего слуха снова откуда-то доносится гул мотора. Трактор возвращается, проезжает мимо нас, разворачивается и останавливается. Мы забрасываем в прицеп наши вещички и снова залезаем в него. Цепляюсь за что-то мокрое, и мы трогаем с места.

Приезжаем в Шпандау. Минуем развалины домов. Затем едем по мосту[72] и сворачиваем в направлении Шпандау-Вест. Мы все ужасно устали и потрясены недавней бомбежкой. Мы оставили борт прицепа открытым и поэтому каждый раз, когда трактор делает поворот и нас бросает из стороны в сторону, боимся выпасть. Неожиданно трактор останавливается. Хватаем свои пожитки и спрыгиваем на землю. Трактор уезжает и вскоре пропадает вдали. На улице становится тихо, слышны только наши шаги, гулким эхо отдающиеся от стен домов, мимо которых мы проходим.

Идем по улицам в полусонном состоянии. Останавливаемся у входа в бомбоубежище. Отдыхаем минуту и двигаемся дальше. Нам попадается все больше домов, довольно далеко отстоящих от улицы. Все чаще видим сады. Лейтенант сообщает, что мы подходим к Хакенфельде. У обочины дороги видим многочисленные щели-убежища, фундаменты недостроенных противотанковых заграждений. Слева яростно горят штабеля досок и навесы большой лесопилки, ярко освещая улицу[73]. Над нами пролетает еще один самолет, и мы снова бросаемся на землю. Слышим разрывы бомб и свист осколков. Бомбы падают в охваченные огнем навесы и сараи. В воздух взлетают горящие обломки дерева, посылая во все стороны снопы искр. Снова слышим рев двигателей заходящего на цель самолета, свист и взрывы бомб. На улице становится светло, как днем. Крепко вжимаемся в сетчатую проволочную изгородь, как будто она может укрыть нас от бомб. Впиваемся пальцами в землю. На другой стороне улицы бомбы все так же летят в охваченные пожаром строения, отчего языки пламени взлетают все выше и выше. Наши сердца бешено стучат. Молимся, чтобы все это поскорее закончилось.

Затем неожиданно становится тихо. Самолет улетает, и рокот

его двигателей с каждой секундой становится тише. Отряхиваем с мундиров песок и отправляемся дальше. Слева виден квартал жилых домов, справа — огромное здание, в сотнях окон которого отражается огонь пожарищ. Длинная и высокая кирпичная стена отделяет инструментальный завод[74] аэродрома Хакенфельде от улицы. Снова раздается рокот авиационных двигателей. В небе снова появляются самолеты, и снова мы бросаемся на землю и терпеливо ждем окончания налета. Раздается оглушительный грохот. Бомбы попадают в расположенное рядом с нами колоссальных размеров каменное сооружение. С неба падает дождь каменных обломков, ударяя по нашим каскам и телам. Похоже, что взрывам на улице не будет конца. В лестничном колодце дома на другой стороне улицы неожиданно загорается свет. Мы громко кричим, и свет тут же гаснет. Снова становится темно, кроме пожаров, бушующих со всех сторон.

Наконец воцаряется тишина. Перебегаем улицу и ныряем в какое-то здание. Спускаемся по лестнице в подвал, где видим свет зажженной свечи. В углу сидя спит наш лейтенант. Он успел забежать сюда, как только начался воздушный налет. Сажусь в угол и пытаюсь уснуть. В дверях вспыхивает яркий свет, и внутрь кто-то входит. Из радиоприемника доносятся приглушенные звуки маршей. Их сменяет человеческий голос: «Бои за столицу приобретают ожесточенный характер… Занятая врагом станция Кёпеник после контратаки снова в наших руках, но враг настойчиво атакует. Прорыв советских войск на Пренцлауэр Аллее был остановлен. Враг пытается прорваться в Берлин через северные пригороды». Затем звучит гимн «Германия превыше всего!». Вспоминаются слова Геббельса — «Самый жуткий и темный час — предрассветный!».

Свеча гаснет. Дверь бомбоубежища плотно закрыта. Из темного угла доносится храп, кто-то разговаривает во сне. Сворачиваюсь калачиком и пытаюсь уснуть, но сон никак не идет. Мысли не дают мне покоя. Смотрю на часы. Уже поздно. Минувший день как-то незаметно сменился новым, пока мы лежали здесь в ожидании чего-то неясного. Я не знаю, почему это[75].

Вторник, 24 апреля 1945 года

Примерно в три часа в наш подвал спускается вестовой. Мы получаем приказ отправиться в полицейское училище, что возле Йоханнесштифта[76], где уже мирно спят наши товарищи, руководимые штабе-фельдфебелем. Поднимаемся вверх по

лестнице и выходим на свежий ночной воздух. Впереди угрожающе высится громада административного здания. Догорают руины лесопилки. Над поверхностью земли висит туман.

Идем по улицам и почти спим на ходу. Не обращаем внимания на окружающее пространство, оно повсюду кажется нам совершенно одинаковым. Хотим отдыха, страстно желаем поскорее найти место, где можно спокойно вытянуться и уснуть. Проходим в ворота, где на секунду вспыхивает свет фонарика. Рядом со входом видим караульную будку. Идем через площадь, шагая по мягкому песку. Перед нами оказываются свежепокрашенные домики казарм. Проходим через стеклянную дверь, которая закрывается за нами. Вестовой открывает дверь комнаты, ведущей в казарму, где ярко горит свет. Бросаем вещи на пол и заваливаемся на койки. Мы хотим только одного — спать.

Чей-то голос сообщает, что мы можем получить суп. Двое наших собирают котелки и уходят. Вскоре они возвращаются с полными котелками. Едим густую кашу, которую, должно быть, оставили полицейские, которых спешно бросили в бой. После этого, сытые и довольные, снова ложимся спать.

Яркий дневной свет льется в окна, когда штабс-фельдфебель пробегает по коридорам и свистит в свисток, чтобы разбудить нас. Как только наступает затишье, их величества сразу же вспоминают свои старые казарменные привычки. Ворча, поднимаемся с коек. Мы все еще испытываем усталость, избавиться от которой нам так и не дал короткий сон. Наш повар Эрик уже сварил на кухне кофе. Перед его раздачей взбадриваемся парой глотков шнапса. После этого нам надо идти в другое здание. Нас снова делят на отделения, потому что ночью мы лишились нескольких человек. Командиром нам назначают нового, невесть откуда взявшегося унтер-офицера. Получаем приказ положить вещи в шкафчики, потому что в полдень будет перекличка и проверка наших коек и личных вещей.

Комнаты в ужасном состоянии, всюду грязь и пыль. Кухня напоминает свинарник. Она завалена остатками пищи, на полу грудой валяется небрежно брошенная форма. Блюстители закона явили нам «яркий» образец чистоты и порядка. Штабс-фельдфебель хочет занять комнату командира полицейской роты и поэтому приказывает мне, Гейнцу и Штрошну вычистить ее. Мы находим бутылку неплохого шнапса и поочередно прикладываемся к ней. Скоро она оказывается пустой. Заливаем ее водой, кладем на прежнее место и переходим в другую комнату. Гейнц находит там еще одну бутылку шнапса. Судя по

всему, господа из полиции живут небедно. Теперь им пришлось все это бросить и заняться тем, чего они никак не ожидали, — участвовать в настоящем бою. Мы не испытываем к ним неприязни, поскольку у нас появилась возможность воспользоваться их запасами. Неожиданно на нас накатывает огромная усталость. Мы слишком много выпили и вдоволь отведали всяких хороших вещей. Забираю с собой несколько книг, которые нашлись в одном из шкафчиков. Возвращаемся в свою комнату и ложимся на койки. Гейнц устраивается рядом со мной, возле него ложится Штрошн. Как хорошо, что здесь нет двухъярусных коек, мне ни за что не удалось бы вскарабкаться наверх.

Проснувшись, чувствую, что моя голова раскалывается от боли. Гейнц сообщает, что нужно выйти из казармы, потому что объявлена тревога. Когда я встаю, руки и ноги не слушаются меня. Голова сильно кружится. Засовываю в карман шинели банку тушенки, кладу в ранец сигареты. Хватаю винтовку и собираюсь выходить наружу, к моим товарищам, строящимся у входа в казарму. Задерживаюсь на мгновение и беру с собой носки и фотоальбом. Слышу, как меня зовут, и поспешно выбегаю из комнаты. Появляется лейтенант, и мы покидаем казарму.

Теперь, при дневном свете, понимаем, где мы находимся. Шагаем по асфальтовому покрытию дороги, по обе стороны которой протянулись высокие здания и конюшни. Это училище полиции и НАПОЛА, поясняет лейтенант. Останавливаемся перед зданием, вокруг которого стоят люди в форме войск СС и подростки из гитлерюгенда[77]. Нам выдают оружие и боеприпасы. Каждое отделение получает по пулемету и по два панцерфауста. Остальным придется нести боеприпасы. Наш лейтенант встревожен. Мы и так нагружены, как ослы, а парни из гитлерюгенда выносят для нас все новое и новое оружие и боеприпасы. Одному нашему отделению выдали пулемет времен Первой мировой войны, но никто из нас не знает, как с ним обращаться. Тем не менее пришлось взять и его. После этого мы уходим.

Проходим через те же ворота, через которые мы прошли минувшей ночью. У меня на шее болтается несколько пулеметных лент. В обеих руках по полотняному мешку, наполненному пулеметными патронами. На улице стоят полицейские, вооруженные винтовками и панцерфаустами. Под деревьями несколько огнеметных танков войск СС, готовых в любую минуту отправиться в бой. Слышим выстрелы и взрывы, доносящиеся с улиц, расположенных впереди. Справа от нас находится лесной массив, слева — частные дома. Парни из гитлерюгенда

возвращаются обратно по шоссе.

Идем вперед, и с каждым шагом все слышнее становятся звуки близкого боя.

Лейтенант о чем-то разговаривает с офицером СС, и мы сворачиваем с дороги и движемся через лес параллельно железнодорожному полотну. Штабс-фельдфебель сообщает, что железная дрога ведет к Бетцову. Слева видим в саду большой дом, похожий на госпиталь или монастырь. Лейтенант говорит, что это уже Йоханнесштифт и что русские уже заняли дорогу, оставшуюся у нас за спиной. Замечаем флаг Красного креста. Снова поворачиваем направо и углубляемся в лес. Впереди несколько домов[78]. На пороге стоят женщины, они хотят понять, что происходит. Чего им стоит больше бояться — шума боя, доносящегося слева, со стороны Йоханнесштифт или же стрельбы со стороны леса, где проходит трамвайная линия?

Идем по трамвайным путям. Я, Гейнц и Штрошн стараемся держаться позади, потому что враг, судя по всему, находится впереди, на перекрестке. По обе стороны дороги тянутся стены живой изгороди. Неожиданно из какого-то переулка появляется отряд фольксштурма, который тут же присоединяется к нам и идет следом. Неожиданно над верхушками деревьев возникает вражеский самолет и поливает дорогу пулеметным огнем. Ныряю в заросли живой изгороди и падаю на землю. Оставаться на дороге в эти мгновения — чистое безумие.

Опасность наконец миновала. Выползаем из кустов и идем дальше. На перекрестке стоит немецкий танк и стреляет по улице. Кое-кто из солдат бросается вперед, мы же отступаем назад. Эти парни могут делать все, что им угодно, но для нас в данный момент самое главное — чтобы нас оставили в покое.

Мы останавливаемся неподалеку от Йоханнесштифта, перед железнодорожной линией, ведущей на Бетцов. Здесь находятся траншеи, вырытые фольксштурмом. Командир фольксштурмовцев с четырьмя звездочками на петлицах[79], — он слишком высокого мнения о себе, — не хочет, чтобы мы занимали эти окопы. По правде говоря, в данный момент эти окопы не слишком нужны нам, потому что они вырыты перед самым лесом, а нам придется целиться в направлении ограждения Йоханнесштифта, за которым находятся густые заросли живой изгороди. Когда здесь окажутся русские, то они перестреляют нас, как зайцев, если мы не увидим их первыми.

За нами устраиваются в окопах фольксштурмовцы. Наши окопы не так уж плохи, потому что расположены не слишком близко к передовой. Шум боя со стороны Йоханнесштифта становится еще громче. Наш лейтенант проходит по траншеям и

сообщает, что более пятисот тяжелораненых находятся в расположенных перед нами зданиях и главный врач обсуждает с эсэсовцами возможность сдачи их противнику, чтобы избежать лишнего кровопролития, но командир отряда СС с этим не согласен.

Кладу боеприпасы на землю. Наши траншеи замаскированы ветками и еловыми лапами, так что перебираться от одной огневой точки до другой можно только ползком. Гейнцу достается место рядом со мной, и у нас есть возможность разговаривать друг с другом. Мы оба сильно проголодались. Моя головная боль, вызванная бессонной ночью и излишней порцией алкоголя, уже прошла, но голод по-прежнему терзает меня, поскольку сегодня мы еще ничего не ели. Позднее фольксштурмовцы получают достаточное количество горячей пищи, нам тоже немного достается. К сожалению, у меня нет с собой ни котелка, ни ложки, но один добрый фольксштурмовец любезно выручает меня. Позднее Блачек приносит нам большой термос с горячим чаем.

Время тянется ужасно медленно. Наконец устанавливается полная тишина. Открываю банку тушенки, которую мы с Гейнцем тут же съедаем. После этого отправляемся на нашу огневую точку. Ночь нам придется провести в ней. Фольксштурм решил разойтись по домам — пожилые мужчины хотят вернуться к женам прежде, чем здесь окажутся русские. Не обращая внимания на мольбы и угрозы своего командира, они исчезают среди деревьев. Поняв, что остался один, уходит и их командир.

Становится темно и холодно. Ночь сегодня удивительно тихая. Время от времени по брустверу проходит штабс-фельдфебель, предупреждая нас, чтобы мы не смели спать. В одном месте траншея проходит под забором, и мы с Гейнцем уходим по ней на дальний конец сада, где находим в сарае немного соломы. Приносим ее в наш окоп. Затем в том же саду находим доски, которые перебрасываем через забор. Укладываем доски на дно окопа и бросаем на них солому. Накрываем окоп сверху ветками и лапником, однако это не спасет нас от тянущего от земли холода. Ложимся и крепко прижимаемся друг к другу. Затем снова встаем, так и не согревшись и дрожа от холода. Ночь кажется нам бесконечной. Над землей стелется туман, поблескивая серебром. Откуда-то издали доносятся голоса и звук выстрела. Делаем по глотку холодного, как лед, шнапса. Наши ноги и тела болят от холода. Мы снова садимся, сгорбившись от усталости. Какой смысл бодрствовать ночью, если наши тела нам больше не повинуются?

Холод снова и снова заставляет нас вставать и двигаться.

Выбираемся из окопа и ходим по саду. Находим еще соломы и снова утепляем окоп. Согреться никак не удается. На нас лишь тонкие мундиры, а в наших желудках снова пусто. Никогда не представлял себе, что апрельские ночи могут быть такими холодными.

На ночном небе медленно восходит луна, которую часто затемняют бегущие облака. Над миром безмятежно сияет россыпь звезд. Со стороны леса доносится легкий шорох ветвей, колеблемых ветром. Время тянется медленно, мы считаем минуты этой бесконечной ночи. Снова прикладываемся к шнапсу, как какие-нибудь завзятые пьянчужки. Даже алкоголь не помогает нам согреться. Нас снова бьет дрожь. Смертельно усталые, мы ходим по саду, мечтая о теплой постели и блаженном сне. Ложимся на солому на дно окопа и несколько минут отдыхаем. Лежим до тех пор, пока холод не заставляет нас встать и начать двигаться. Время движется все так же медленно. Ночную тишину нарушает удар городских часов на башне. Час ночи. Начался новый день. Снова ложусь и пытаюсь уснуть. Сворачиваюсь калачиком и, наконец, погружаюсь в сон[80].

Среда, 25 апреля 1945 года

Я просыпаюсь. Тело буквально онемело от ночного холода и неудобного сна. Вылезаю из траншеи и отправляюсь в сторону леса, пытаясь ходьбой немного размяться и разогреться. Звезды на небе начинают гаснуть. Над землей все еще стелется туман. Смотрю на часы. Почти четыре утра. Из окопа вылезает Гейнц и присоединяется ко мне. Мы вместе отправляемся на командный пункт к нашему лейтенанту. Практически никому из нас не удалось выспаться этой ночью. Все дрожат от холода. Мы стоим в окопах или прогуливаемся неподалеку, пытаясь немного согреться, поскольку наши тонкие мундиры нисколько не спасают от холода. Если бы мы вчера знали, что означают слова «вернемся вечером», то наверняка оделись бы теплее.

Понемногу начинает светать. Возвращаются несколько фольксштурмовцев. Они явно с неохотой покинули теплые постели и, подойдя к нам, начинают жаловаться. Со стороны дороги, ведущей в Йоханнесштифт, доносятся звуки далеких взрывов. Выстрелы и взрывы становятся все громче и громче. Забираемся в траншеи и смотрим на расположенные впереди заросли живых изгородей, понимая, что если враг появится сзади, то мы не сможем увидеть его.

На тележке, в которую запряжена лошадь, приезжает наш

повар Эрих. Он привозит нам горячий чай. Кроме того, нам выдают суп и по пол-литра шнапса на каждого. Наконец нам удается согреться. Блачек, вестовой лейтенанта, сообщает, что к полудню будет сдан Йоханнесштифт и нам не придется долго здесь оставаться.

Оставляем в траншеях большую часть боеприпасов, после того как лейтенант приказывает нам построиться. Рота войск СС, которая вчера прикрывала наш тыл за лесом, на позициях возле перекрестка, отступила сегодня на рассвете. Из этого следует, что наш отряд снова оказался в опасном положении. Мы быстро отступаем, двигаясь вдоль железнодорожного полотна. Где-то в лесу грохнул одиночный выстрел. Затем снова становится тихо, правда, не надолго. Шум боя, доносящийся сзади, со стороны дороги, становится громче. Теперь мы отчетливо слышим выстрелы из танковых пушек. Проходим мимо новых позиций, занимаемых войсками СС и отрядом гитлерюгенда.

Наш лейтенант вступает в разговор с офицером СС, который хочет, чтобы мы заняли окопы рядом с его солдатами, но мы отправляемся дальше. Нам нужно прибыть в Хакенфельде для получения нового приказа. Жители соседних домов выходят на порог и внимательно прислушиваются к звукам боя, который идет уже где-то совсем рядом. Отряды фольксштурма одеты в эсэсовскую форму, которая нелепо сидит на людях самого разного возраста. Это и совсем юные мальчишки из гитлерюгенда, и семидесяти летние старики. Всем им пришлось нарядиться в камуфляжную форму войск СС, взять в руки оружие и приготовиться в любую минуту вступить в бой. В некоторых местах проходы в уличных баррикадах уже заложены и за ними спрятались мальчишки из гитлерюгенда с панцерфаустами в руках.

Из-за туч пробивается солнце и ярким светом заливает окружающее пространство, которое представляет собой картину полного разрушения. Скорее всего, она будет еще более ужасной. Неподалеку стоят бронетранспортеры и пара огнеметных танков войск СС. Это единственная боевая техника, которой мы располагаем. Нехватки нет только в живой силе. Людей действительно много, но это главным образом старики и дети. Именно им предстоит проливать кровь в боях за столицу. После того как используют их, в ход пойдут женщины. Офицеры СС находят способы и средства пополнять ряды защитников Берлина.

Идем дальше по улицам. Горевшая ночью лесопилка сильно разрушена. Целым, похоже, остался лишь инструментальный завод. Он возвышается нерушимой скалой в океане безнадежной разрухи. Однако все окна в нем выбиты, они ощетинились

острыми зазубренными осколками стекла, которые толстым ковром устилают мостовую.

Останавливаемся у заводских ворот, где караульные копают щели-убежища. Лейтенант входит в ворота и отправляется к командиру полка за новыми приказаниями. Тем временем мы садимся возле стены заводского корпуса и греемся на солнце. Какой-то отряд фольксштурма уже получает еду, и мы пристраиваемся к очереди, готовя котелки. Получаем по порции молочного пудинга с вареными сливами. Вообще-то нам не следует сейчас есть, потому что мы не знаем, что с нами может произойти через несколько часов, а в бой идти лучше с пустым желудком. Однако в данный момент нас больше беспокоит другое — мы ужасно голодны и неизвестно, когда нам удастся поесть в следующий раз, сегодня или завтра.

Во дворе между тем царит небывалое оживление. Вестовые и офицеры как сумасшедшие снуют туда-сюда, прибывая на завод и отправляясь в свои части на мотоциклах. Командиры отрядов фольксштурма, в большинстве своем одетые в форму функционеров нацистской партии, выходят из здания и строем уводят своих людей со двора. Уходят даже караульные, стоявшие на посту у заводских ворот.

Лязгая гусеницами, во двор въезжает танк. Когда он останавливается, из его башни вылезает генерал с золотым шитьем на петлицах и погонах. Его грудь увешана медалями. Он проходит вдоль строя солдат, готовя их к предстоящему бою, и рычит на тех, кто неправильно салютует ему. После этого он исчезает в здании, где расположен его командный пункт[81].

Возвращается наш лейтенант. Отныне мы являемся особой оперативной группой под прямым контролем командира полка. Мы отправляемся на передовую прямо сейчас. Пулеметы и панцерфаусты следует оставить на командном пункте. Унтер-офицеры говорят нам о том, какое пищевое довольствие нам причитается, и вскоре мы получаем по пять пайков на человека. Это означает, что нас ожидают самые непредвиденные обстоятельства, потому что иначе нам не досталось бы сразу столько еды. После этого мы строимся. Блачек сообщает нам, что домики, в которых мы оставили наше снаряжение, были сожжены отрядами полицейских, пытавшихся установить огневой вал на территории училища. Получается, что все наши вещи сгорели. Стоило ли возвращаться в Берлин с полной выкладкой, включая выданный нам второй комплект нижнего белья, и выполнять приказ о сохранности имущества вермахта, чтобы наши вещи сгорели в казармах полицейского училища! Однако, несмотря ни на что, подобные мысли не должны нас беспокоить, потому что

теперь мы настоящие солдаты в полном смысле этого слова. Наш батальонный командир добился наконец своего. «Личные воспоминания недостойны молодого солдата…».

Мы проходим через заводские ворота. Несколько женщин и молодых девушек стоят возле домов и суют нам хлеб и кружки с горячим кофе, когда мы проходим мимо них. Войска двигаются по дороге в обоих направлениях и рассеиваются по переулкам. Нам навстречу идет отряд фольксштурма, отправляющийся на передовую. Мы видим полные страдания лица взрослых мужчин. В том же направлении идет и офицер войск СС с пистолетом в руке, который разворачивает всех, кто смеет повернуть обратно, даже раненых. Он гонит на передовую даже двух солдат, несущих котел с едой для своих товарищей.

Штабс-фельдфебель идет рядом с нашей колонной и предупреждает о том, что нам следует остерегаться этого лейтенанта СС. Он застрелит любого, кто осмелится не подчиниться его приказу и вернуться, даже несмотря на ранения. У него на груди Рыцарский крест, и раньше он командовал штрафным батальоном, печально прославившимся огромными потерями. Людей безоружными гнали на вражеские позиции, и, как только в батальоне никого не оставалось, в него набирали заключенных, политических и уголовных преступников, которым давали возможность искупить на передовой свои прегрешения перед рейхом. После того как батальон и в таком составе был выбит полностью, его наградили Рыцарским крестом, и теперь, судя по всему, он получит и дубовые листья к кресту прежде, чем закончатся бои в Берлине.

Большие жилые дома остаются позади, и улица становится шире. Справа тянется забор инструментального завода, а слева небольшие частные дома с садами[82]. Под деревьями вырыты щели-убежища, в которых сидят мальчишки из гитлерюгенда в огромных, не по размеру, касках с панцерфаустами в руках. В ночи слышны звуки далекого боя, доносящиеся откуда-то справа, по всей видимости, из Нордхафена, где сейчас, наверное, самое пекло. Потом начинают стрелять где-то впереди, среди деревьев. Дома остаются позади, и шоссе уводит нас в лесной массив. Мы видим дорожный указатель. На одной его стороне написано «Большой Берлин», на другой — «До Фельтена 17 километров». Мы находимся в северо-западной части города, там, куда врагу еще не удалось глубоко внедриться. Перед нами простирается широкое поле, по которому можно добраться до леса. Справа от нас шоссе сворачивает прямо в лес[83]. Отряды войск СС и фольксштурма двигаются вперед, держась обеих сторон дороги. Нам предстоит пробежать через все поле и занять траншеи,

протянувшиеся вдоль кромки леса. Слева находится лагерь для иностранных рабочих, принадлежащий инструментальному заводу. Прямо за ним находится противник, обстреливающий нас из пулеметов и винтовок. Бежим под свист пуль через поле. Поле плоское, как тарелка, укрыться негде. Наше единственное спасение — скорость. Приходится бежать очень быстро. Окопы пусты, но если мы не успеем занять их, то в них засядет враг, и тогда мы угодим прямо в их «распростертые» объятия. Наконец, мы добегаем до леса, который укрывает нас от огня вражеской пехоты. Торопливо запрыгиваем в окопы. Лейтенант и штабс-фельдфебель уже здесь, они добрались по ходам сообщения, тянущимся от самой дороги. Лагерь иностранных рабочих находится всего в нескольких метрах от нас. За деревьями справа видна вздымающаяся ввысь заводская дымовая труба. По всей видимости, сам завод уже занят противником.

Окопы едва доходят до уровня груди. Опускаемся на колени и стреляем туда, где протянулись картофельные плантации. Хотя противника мы не видим, но все равно не прекращаем вести огонь. Стреляем, чтобы просто успокоить нервы. Лейтенант перераспределяет наше отделение по разным огневым точкам. Первое отделение должно сместиться в сторону лагеря для иностранных рабочих и занять окопы, ведущие прямо к плантации картофеля. Я следую за ними, поскольку назначен связным от второго отделения.

Пригнувшись, бежим за командиром отделения, несущим панцерфауст. Когда мы добираемся до лагеря для иностранных рабочих, нам приходится вылезти из траншеи и перебежать по тропинке к другому окопу. Теперь плантация картофеля оказывается справа от нас. Противник, вероятно, не заметил нас и продолжает вести огонь по той траншее, где мы только что находились. На краю леса стоит танк. Скорее всего, он подбит.

Наступать по этой траншее не очень удобно, потому что мы не знаем, что находится там, за плантацией. Чтобы не привлекать к себе внимания, движемся, стараясь держаться ближе к земле и воздерживаться от стрельбы. После того как отделение продвинулось довольно далеко вперед, я разворачиваюсь и бегу обратно к своему отделению. Мы не осмеливаемся поднять голову над окопом, потому что противник продолжает поливать деревья пулеметным и винтовочным огнем.

Неожиданно до моего слуха доносится оглушительный выстрел из танкового орудия и чьи-то пронзительные крики. Два человека на всей скорости бегут по тропинке и бросаются в наш окоп. На их лицах написан неподдельный ужас. Оружия у них нет, их беспрестанно бьет дрожь. Немного успокоившись, они

докладывают штабс-фельдфебелю о случившемся. Они продвинулись вперед по траншее и почти достигли края леса, когда стоявший возле края просеки танк неожиданно повернул башню и нацелил ее на окоп. Унтер-офицер навел на него свой панцерфауст, но танк выстрелил раньше и попал ему в голову. Фаустпатрон взорвался. Унтеру снесло голову. Несколько наших солдат погибли мгновенно. Гелиос и Рейнике бросились врассыпную и остались целы, потому что не рискнули выглянуть из окопа. Их лица и форма забрызганы кровью. Только сейчас Гелиос замечает, что его ранило в плечо, из которого течет кровь. Он начинает стонать и пытается выскочить из окопа. Мы силой удерживаем его.

Огонь со стороны плантации усиливается. Два наших товарища перевязывают Гелиоса, который после этого замолкает и безучастно ложится на дно окопа. Он кривит бескровные губы и лишь стонет, когда ему становится особенно больно. Рейнеке неожиданно начинает дико кричать и пытается вырваться из окопа. Он всегда отличался выдержкой и чувством юмора, наш старина Рейнеке. Он часто поднимал нам настроение незамысловатой шуткой, заставляя забыть о временных трудностях. Нам пришлось прижать его к земле, чтобы он не вырвался. Ужас того, что он только что пережил, придает ему необычайную силу.

Как только обстановка немного стабилизировалась, оба солдата выскочили из окопа и, пригибаясь к земле, преследуемые вражеским огнем, побежали обратно и вскоре скрылись в зарослях кустарника. Наш маленький отряд тает прямо на глазах. Неужели это наш последний бой? Неужели нам суждено погибнуть в этих окопах?

Мы лежим в окопе и стреляем, перезаряжаем винтовки и снова стреляем. Враг, должно быть, не догадывается о том, насколько малы наши силы, потому что пойди он сейчас в атаку, то полностью уничтожит нас. Стенки траншеи сухие, и после каждого выстрела с них осыпается песок. Наши винтовки все в песке, они раз за разом дают осечку. Требуются немалые усилия, чтобы извлечь патрон из патронника, заложить новый и снова попытаться извлечь его. Неожиданно патрон намертво застревает. Шомпол сгибается, и я никак не могу освободить патронник. Я отказываюсь от дальнейших усилий, с винтовкой уже ничего нельзя сделать[84].

Вижу, как по находящейся справа от нас заводской трубе карабкается вверх какая-то фигура. Все, кто могут стрелять, обрушивают на нее огонь своих винтовок, однако таких среди нас осталось уже совсем немного. Почти у всех из-за песка

заклинивает оружие. Однако в человека на трубе все-таки кто-то попадает, и он, добравшись лишь до половины, падает вниз. Вместе с ним на землю летит и какая-то коробка, предположительно телефонный аппарат. Мы надеемся лишь на то, что скоро наступит ночь и под покровом темноты нам удастся отступить.

Неожиданно до нас доносится лязганье танковых гусениц и рев моторов. Поднимаем головы и смотрим вперед, на дорогу. Откуда-то из-за картофельной плантации появляется огромный танк. Затем он останавливается и поворачивает башню. Штабс-фельдфебель требует у нас панцерфауст, но панцерфаустов у нас больше нет. Орудийный ствол опускается ниже и неожиданно изрыгает вспышку огня. С треском ломаются и падают на землю ветви деревьев. Глохнем от грохота выстрела и бросаемся на землю. Траншея ровно, без какого-либо поворота или зигзага, ведет прямо к краю дороги. Изгиб есть только в той стороне, что ближе к лагерю иностранных рабочих. Именно он спасает меня, последнего человека, оставшегося от нашего отделения, от вражеского огня. Рев орудийного огня и треск взрывов стремительно учащаются. Танк прямой наводкой бьет прямо по нашим окопам. Слышны истошные предсмертные крики, которые хорошо различимы даже на фоне орудийной стрельбы. Кто-то бежит по траншее и, выскочив из нее, бросается в направлении нашего тыла. Раздается пулеметная очередь из танка, и человек падает как подкошенный. Танк бьет по окопам с ужасающей точностью, вспахивая их метр за метром. Стенки обрушиваются, заваливая и живых, и мертвых. Вжимаюсь в землю, ожидая в каждую секунду нового выстрела. Мне кажется, что я больше не вынесу несмолкаемого грохота орудий и предсмертных криков умирающих. Ощущаю лишь одно — удары гигантского молота, обрушивающегося на мой мозг и не дающего мне ясно мыслить. Остался ли кто-то живой поблизости? Может быть, все-таки кто-то еще жив в этой огромной братской могиле, в которую превратились наши окопы? Моя винтовка покоится где-то глубоко под слоем земли, сам я наполовину засыпан песком. Танковое орудие по-прежнему продолжает стрелять. Мне кажется, что в мире не осталось ничего, кроме этих выстрелов, все остальное — плод моей фантазии.

Позади нас горят корпуса казарм, до моего слуха доносятся жуткие вопли раненых. Из блиндажей и укрытий-щелей доносятся предсмертные крики раненых немецких солдат, сгорающих заживо. Им никто не может прийти на помощь. Горят не только казармы, но и высаженные возле них деревья. Языки пламени вздымаются высоко в небо с каждым разрывом снаряда. Затем

неожиданно становится тихо. Я слышу тишину собственными ушами, однако разум отказывается верить в то, что хотя бы кто-то остался в живых. На фоне этой тишины еще громче слышны крики умирающих и стоны раненых. Затем грохот орудий возобновляется. Снова слышится лязг танковых гусениц, и вестник смерти медленно исчезает среди деревьев. Виден лишь орудийный ствол танка, угрожающе торчащий из кустов на обочине дороги. Только сейчас я снова осмеливаюсь дышать. Видимо, он дает нам лишь короткую передышку. Интересно, есть ли кто-то живой, кроме меня, в братской могиле наших окопов? Удалось ли еще кому-нибудь пережить этот ад? Неужели я остался один?

К моему удивлению, рядом со мной появляется чье-то лицо и я слышу: «Мы возвращаемся!» То здесь, то там появляются человеческие фигуры, откапывающие себя из песка. Люди неуверенно встают и, спотыкаясь, куда-то уходят. Встаю и оглядываюсь по сторонам. Я оказываюсь последним. Быстро ползу вперед, боясь остаться один. Стенки окопов обвалились почти повсеместно, завалив мертвых и раненых. Траншея очень узкая, и поэтому по ней невозможно пройти, не наступив на мертвые тела. Со стороны картофельной плантации снова прозвучали выстрелы. Медлить нельзя. Стиснув зубы, ступаю по все еще упругим телам погибших. Вскрикиваю от ужаса, когда слышу стон какого-то смертельно раненного бедняги, которого я побеспокоил. Затем натыкаюсь на другого умирающего солдата с превратившимся в кровавое месиво лицом. Из его рта струится кровь, и он тихо стонет. В его изуродованном теле все еще теплится жизнь. Мне нужно перешагнуть через него, но я не могу этого сделать.

Из леса доносятся выстрелы. Враг, похоже, подходит все ближе и ближе. Человек, следом за которым я хотел идти, куда-то исчез. Я снова один среди жуткого царства мертвых. Закрываю глаза и встаю, затем медленно ползу по телу умирающего. Чувствую, как с моих рук капает кровь. Мои пальцы перепачканы песком и липкими ошметками человеческой плоти. С трудом сохраняю спокойствие. Кровавая пелена застилает мне глаза, сердце гулко бухает в груди. Наконец я выбираюсь из траншеи. Опускаюсь на землю и неподвижно лежу какое-то время, тяжело дыша и пытаясь собраться с чувствами. После этого делаю еще одно усилие. Со всех стороны доносятся стоны и хрипы умирающих. Убегаю со всех ног из этого жуткого кладбища, забыв про осторожность, чтобы только больше не видеть изуродованных тел, в которых еще теплится искра жизни. Неожиданно испытываю чувство вины за то, что я еще жив, и от этой мысли бегу еще быстрее. Натыкаюсь на панцерфауст, наполовину

засыпанный песком. Сворачиваю в траншею, ведущую в тыл. Прямо перед собой вижу спину какого-то бегущего солдата и облегченно вздыхаю. Прочь от царства смерти! Я не хочу умирать! Я хочу жить!

Немного замедляю бег, когда вижу офицера СС с Рыцарским крестом, который стоит в щели-убежище и стреляет. Впервые за последнее время оглядываюсь. По дороге бегут к лесу какие-то люди, исчезающие среди деревьев. Их становится все больше и больше. Офицер СС хладнокровно прицеливается и нажимает на курок автомата. Когда у него кончаются патроны, он передает его стоящему рядом ординарцу. Тот снова наполняет магазин и возвращает ему автомат. После каждого выстрела убитый враг падает. Эсэсовец продолжает стрелять. Похоже, что он чувствует себя опьяневшим от крови охотником, стреляющим зайцев, однако его жертвами становятся люди, а не животные. Унтер-офицер моего отделения стоит в окопе вместе с Паулатом. Эсэсовец подзывает их и приказывает им ждать, когда он закончит. Мне тоже приходится остановиться и ждать. Я все еще сжимаю в руках винтовку, которая не стреляет и от которой уже нет никакой пользы. Перед моими глазами все еще стоят мои умирающие товарищи, изуродованные танковыми снарядами. Чувствую, как в моем горле застревает комок.

Пока офицер СС продолжает стрелять, мы медленно пятимся назад. Неожиданно опускаются сумерки. Наступающая темнота берет верх над эсэсовцем, и он отправляется вперед вместе со своим ординарцем. Он приказывает нам оставаться на месте и никуда не уходить, но как только скрывается из вида, мы разворачиваемся и бежим по траншеям в тыл. Справа от нас протянулось поросшее кустарником поле, на котором лежит несколько мертвых тел. На бруствере окопа слева от меня замечаю офицерский рюкзак. Мы с Паулатом подхватываем его и бежим дальше. Траншея сворачивает влево и упирается в противотанковое препятствие. Здесь стоят несколько фольксштурмовцев, тревожно вглядывающихся в темноту. Они помогают нам выбраться из траншеи, и мы наконец можем перевести дух.

Наши войска отступили, и фольксштурмовцы также ждут приказа отступать. У обочины стоит горячий котел с едой. Возвращается офицер СС вместе со своим ординарцем и уходит в направлении тыла. На земле в луже крови лежит какой-то гражданский. Под деревьями валяются беспорядочно разбросанные оружие и боеприпасы. Мы с Паулатом копаемся в найденном офицерском рюкзаке и обнаруживаем сигареты, шнапс, консервированные сосиски и мясо. Набиваем полные

карманы, а остальное забрасываем в кювет.

Между тем уже совсем стемнело. Из тыла возвращается штабс-фельдфебель и приказывает нам оставить позиции. Уходим вместе с фольксштурмовцами. Вдоль дороги лежат окровавленные тела людей, это главным образом фольксштурмовцы в гражданской одежде. С каждой минутой становится все темнее. Завтра или, возможно, даже сегодня здесь уже будет враг.

Слева от нас тянется забор инструментального завода. Справа начинаются высокие жилые дома. Дорогу перед нами перегородило противотанковое заграждение. Проскальзывая мимо него, видим, как все тот же офицер СС размахивает пистолетом и останавливает возвращающихся людей. Они тут же попадают под командование отряда СС. Неожиданно прямо на дороге начинают рваться артиллерийские снаряды. Все кидаются врассыпную. Я бросаюсь на другую сторону улицы и бегу мимо баррикады в подъезд какого-то дома, где перепуганные жильцы спешно спускаются по лестнице в подвал. Неожиданно до моего слуха доносится голос нашего лейтенанта, и я решительно проталкиваюсь к двери. Обстрел прекратился так же неожиданно, как и начался. Снова выхожу на улицу, где вижу лейтенанта вместе со штабс-фельдфебелем. Из дверей соседнего дома появляется Паулат. Солдаты и фольксштурмовцы продолжают идти дальше, явно не намеренные позволить кому-либо остановить их. Кто-то говорит, что тот офицер СС убит.

Возвращаемся на завод. В подъездах и подвалах домов лежат солдаты, время от времени какая-нибудь женщина перебегает улицу. Подходим к воротам завода. В темноте виднеются очертания здания заводоуправления. Через ворота проходим по кучам битого стекла к входу в здание и спускаемся в подвал. За столом, выставленным в коридор, сидит штабс-фельдфебель. Спрашивает, есть ли кто-то еще, кроме нас. Ищем место для отдыха и устало опускаемся на пол. Лейтенант зовет нас и просит подойти к столу. Из темноты с разных сторон появляются лица солдат, освещаемые лампой, что стоит на столе. Мы собираемся вместе и ждем появления новых людей, но никто больше не приходит. Лейтенант пересчитывает нас. Двадцать восемь человек. Остальные мертвы, ранены или пропали без вести. Штабс-фельдфебель записывает наши имена, имена последних солдат, оставшихся от нашей роты. Затем начинается подсчет отделений. Остался один лишь унтер-офицер, остальные погибли. Первого отделения больше нет, все или погибли, или пропали без вести. Из всего второго отделения живым остался только я. Даже мои друзья, на которых я могу положиться в трудную минуту,

Гейнц и Штрошн, пропали без вести. Третье отделение осталось в живых, включая унтер-офицера. В других отделениях осталось по паре человек. Штабс-фельдфебель зачитывает имена погибших и пропавших без вести. Мы тупо и устало отвечаем: убит, убит, пропал без вести, убит, пропал без вести, убит, убит… Длинный список. Среди тех из нас, кто остался жив, есть раненые. Мы устали до смерти, наши лица бледны как мел. От голода у всех скверное настроение. После этого мы возвращаемся в коридор и устраиваемся на полу возле стен. Время от времени мимо нас проходят другие солдаты, спускающиеся в подвал. Они двигаются в темноте на ощупь. Иногда открывается дверь и в коридоре становится светлее. Свет падет на лежащие на полу тела спящих, они похожи на мертвых. Двое наших отправляются за едой. Теперь в этом отношении забот у нас значительно меньше.

Вскоре они возвращаются, и унтер-офицер раздает нам еду. Мы получаем хлеб и масло, поскольку и того, и другого имеется в избытке. То, что ранее предназначалось для пятидесяти восьми человек, теперь достается двадцати восьми. Каждому из нас достается по десять пайков. Подобная щедрость неудивительна, потому что в комнатах подвала еды в избытке.

Съедаю несколько галет. Закуриваю и ложусь на цементный пол. В коридор заходят все новые и новые солдаты. Мы находим в углу кучу досок, кладем их на пол, устраиваемся на них и пытаемся уснуть.

Чуть позже появляется унтер-офицер и объявляет, что желающие могут получить суп, но для этого следует поторопиться. Идем по коридору туда, где горят свечи, мимо других солдат, укладывающихся спать, как и мы, на полу. Мы идем рядом с Паулатом, перешагивая через спящих. За нами следует Зольга. Поднимаемся по лестнице и выходим из подвала через разбитую стеклянную дверь, выходим в освещенный луной двор и ищем здание столовой. Идем по тропинке, поросшей с обеих сторон кустарником. Видим справа плоскую крышу столовой и сворачиваем к ней. Над входом висит разбитая вывеска с немецким орлом и свастикой. Дверь сорвана с петель. Заходим внутрь. Сквозь пробитую бомбой крышу в комнаты падает лунный свет. Под ногами хрустят осколки стекла и черепицы.

В углу помещения выдают еду. Какая-то женщина передает нам тарелки и ложки, а повар щедро наливает суп. Быстро съедаем свои порции и протягиваем тарелки за добавкой. Поев, возвращаем тарелки и ложки и, осторожно обходя груды обломков, возвращаемся в подвал. Дверь оставлена открытой, и мы видим ящики с продовольствием, громоздящиеся до самого

потолка. Пара гражданских просит хлеба, но их прогоняют прочь.

Заходим в коридор, прикрываем за собой дверь и, перешагивая через спящих, отправляемся к своему месту. Несколько человек, сидя в углу, играют в карты. Оставшиеся в живых солдаты нашей роты стараются держаться вместе. Лейтенант и штабс-фельдфебель устроились за столом и пытаются заснуть. В темноте мерцают огоньки сигарет. Солдаты устало бредут по коридору в поисках места для сна. Унтер-офицеры наклоняются над спящими, светят им в лица фонариками, чтобы узнать своих подопечных.

Кто-то вполголоса что-то рассказывает. Позднее узнаем историю о десятилетнем ребенке, которого мать послала к солдатам попросить еды и который подорвался на мине. Несчастный лишился ног по колено, а его юный братишка погиб сразу.

Негромко разговариваю с лежащим рядом со мной Паулатом. Минувший день вырвал из наших рядов так много товарищей, и нам кажется, будто мы и сейчас видим, как они где-то под звездным небом умирают в лужах крови.

Рейнеке, обычно такой нормальный и уравновешенный, который так сильно страдал и убежал куда-то в тыл. Я думаю о его матери, доброй и щедрой женщине, которая приходила к нему в казарму на Пасху и просила нас присматривать за его сыном, потому что он остался у нее последний. Теперь он пропал, и она будет долго ждать его возвращения.

У него была большая голова и золотисто-льняные волосы. Он был самым энергичным из нас, всегда отличался склонностью к выдумкам и розыгрышам. Он любил поддразнивать товарищей, обожал рассказывать всякие небылицы. Иногда он даже раздражал нас этим и мы давали ему взбучку, но серьезно на него никто не сердился. Несмотря на свой юный возраст, ладони у него были огромные, как лопаты. Рейнеке еще школьником помогал своему отцу в мастерской. Он всегда с такой радостью рассказывал об этом. Когда его призвали в армию, ему пришлось оставить свой отряд юнгфолька[85], которым командовал. Ему очень не хотелось оставлять своих товарищей, по крайней мере, он так нам говорил. Рейнеке истово верил в победу немецкого оружия и слепо обожал Гитлера. Он даже придумывал какие-то сказки в чудо-оружие, в которое мы уже давно перестали верить. Когда не сбывалось то, что нам обещали, он говорил, что Гитлер не может за всем уследить. Когда же мы попали на фронт и оказались в настоящем аду, он здорово притих. В последние дни, вырываясь из окружения и совершая вместе с нами изнурительные ночные марш-броски, Рейнеке окончательно увял.

Куда-то исчезла его былая жизнерадостность, вера в победу сменилась горечью и скептицизмом. Сейчас он лежит где-то, в каком-нибудь лесу, в поле или на дороге.

А Гарри Тишвиц, что случилось с ним? Гарри родом из небольшой деревни под Берлином. Он был неисправимым книжным червем, всегда таскал с собой любимые книги; прочитав, он повсюду раскидывал их. Все свои деньги он тратил на посещения театра. Он мечтал после окончания войны сходить в какой-нибудь хороший театр, не опасаясь в самый разгар спектакля воздушного налета и необходимости бежать в бомбоубежище. Он жил с матерью и сестрой и учился в берлинской школе. Каждый раз, когда его мать приходила к нему в казарму и приносила пакет с едой, он неизменно делился с нами то куском пирога, то колбасой или ветчиной, отмахивался от нашей благодарности и тут же с головой уходил в чтение книг. Даже отправившись на фронт, он захватил с собой пару книг, которые всегда носил с собой в солдатском ранце и отказывался бросить их. Среди нас, семнадцатилетних, он держался особняком. Когда раненые начинали стонать и просить о помощи, то звали Гарри и успокаивались в его обществе. Теперь он мертв, и ему уже никогда не попасть в театр и не читать любимых книг.

А Штанденберг, Кранц, Маттерн, Остерберг? Где они? Лежат, убитые, в каком-нибудь окопе? Кто был тот солдат с изуродованным лицом? Страшно даже думать о том, что когда-то он был нормальным здоровым человеком, который, как и все мы, был ребенком.

Мы слышим погребальную песню, а не победоносные фанфары, потому что утратили прежнюю веру. Список этих погибших детей не полон, поскольку в них имена только тех, кого я знал лично. Кто знает тех безымянных солдат, что лежат на городских улицах? Тех, чьи тела разбросаны по полям войны? Где те близнецы, где Хюстих, Герке, Виттхоф, Вайзербергер, Ланге и Шмитт? В какой яме лежит Зандер, великан-пруссак, который так любил свою мать и писал ей нежные письма; который не терял бодрости духа и чувство юмора; который так любил жизнь во всех ее проявлениях?

Сон никак не идет ко мне. Перед моим мысленным взором возникают призрачные лица погибших товарищей. Съедаю еще одну галету и закуриваю новую сигарету, счет которым за последние сутки я уже давно потерял. Свечи погасли, со всех сторон из темноты доносится храп спящих и стоны раненых. Слабый свет лампы мерцает на столе, привалившись к которому спят лейтенант и штабс-фельдфебель. Время от времени кто-то из солдат встает и выходит наружу.

В коридоре тихо, лишь кое-где в темноте вспыхивают огоньки сигарет. Неожиданно чувствую, как на меня накатывает огромная усталость. Сигарета выпадает из моих пальцев. Свертываюсь калачиком и крепко прижимаюсь к полу. В коридоре тепло от батареи центрального отопления. Засыпая, я уже больше ничего не слышу и вижу лишь призрачные лица моих погибших товарищей[86].

Глава VIII. Конец в Шпандау

Четверг, 26 апреля 1945 года

Меня трясут за плечо: «Вставай! Собирайся!» Еще толком не проснувшись, я поднимаюсь и пытаюсь вернуться к действительности. Мне приснился странный сон. Я видел колонны, марширующие ночью мимо бесконечных руин. У людей были детские лица, и они тяжелым шагом проходили мимо меня бесконечной чередой. Вскоре в их рядах я начал замечать бледные лица наших мертвых товарищей — Штангенберга, Маттерна, Витхоффа, Лички и Кранца. Все они шагали ночной улицей, уходя в небытие.

В коридоре тем временем просыпается жизнь. Мы берем вещи и идем туда, где штабс-фельдфебель выдает нам пайки и немного шнапса. Два человека приносят горячий кофе, чтобы мы окончательно проснулись. После завтрака мы садимся на скамьи и ждем лейтенанта Фрике. Он должен вернуться с новым приказом.

Наконец он возвращается. Нам приказано идти в направлении Шпандау-Вест. И вообще, нам давно пора сматываться отсюда, потому что враг уже вступил на территорию фабрики.

Мы идем по коридорам и поднимаемся по ступенькам. Дневной свет больно бьет в глаза, и на секунду я зажмуриваюсь. По цехам эхом раздаются выстрелы, пули рикошетом отскакивают от стен. В садах слышны разрывы бомб. Мы бежим по проходам. Снаряды попадают в административное здание, и на нас летят обломки стен. Наконец мы достигаем забора и пролезаем в дыру. Сейчас нас скрывают кусты.

В середине сада в наскоро вырытых окопах залегли серые фигуры. Над дорожками висит легкий утренний туман. В одном из окопов лежит мертвец, его руки по-прежнему крепко сжимают оружие. В виске у него небольшое отверстие — скорее всего от осколка. Мы проходим мимо.

Солдаты идут по улице. Время от времени в дверном проеме возникает чье-то лицо и смотрит на ближайшее противотанковое заграждение. Повсюду стоит грохот боя. Пехота усиливает огонь. Пулеметные очереди поливают заграждение. Где-то поблизости слышен рокот танковых моторов. Бой возобновляется с новой силой.

Мы перебегаем улицу, держась стен жилых домов, и вновь

строимся, после чего движемся по улицам и паркам, которые производят впечатление вымерших. Постепенно звуки перестрелки остаются позади, и нам слышно лишь отдаленное уханье артиллерийских орудий.

Вдали виднеется полицейская школа и здание, в котором располагается НАПОЛА, перед ними огнеметные танки из подразделения войск СС. Солдаты и мирные граждане ведут себя организованно. В кустах, перед зданием и на другой стороне улицы виднеются сложенные штабелями ящики с оружием и боеприпасами. Мы останавливаемся и ждем лейтенанта — он зашел внутрь одного из зданий. Мимо нас проходят парни в коричневой форме национальной полиции, они тащат оружие и боеприпасы. Каждое звено возглавляет солдат войск СС. Эти парни должны выслеживать и уничтожать вражеские танки.

Второй лейтенант приказывает нам взять оружие. Мы колонной проходим мимо солдата войск СС, который сует нам в руки винтовки, сваленные неаккуратной кучей на тротуаре. После этого мы должны расписаться в их получении. Все квартирмейстеры одинаковы — им вечно нужна ваша подпись. Наверно, только умереть разрешается без всякой расписки.

Мы вновь строимся на площади, и лейтенант повторно нас пересчитывает. После этого мы расходимся по всей серой площади. Такое впечатление, будто ее подмели. Чуть дальше виден чахлый лесной массив, а перед ним обугленные развалины строений, которые сгорели почти дотла. Вместе с ними сгорел и весь наш скарб. Если не считать пулеметных очередей, что время от времени доносятся с соседней улицы, пока тихо. Мы покидаем здание полицейской школы и останавливаемся у ворот жилого дома. Улица, которую нам предстоит перейти, простреливается из пулемета[87]. Лейтенант дает нам команду «бегом, марш!» и бросается через проезжую часть под защиту стены. Однако обстрел усиливается. Враг явно заметил нас. Пули рикошетом отскакивают от стен. Когда пальба слегка стихает, мы по одному перебегаем улицу. Наступает моя очередь. Я с разбега кидаюсь на ту сторону. Мимо меня свистят пули, но я добежал и жду следующего. Наконец он рядом со мной, за ним еще один солдат. Мы все, как один, пытаемся отдышаться. Остается последний из нас. Он разбегается и пересекает улицу, но неожиданно останавливается, поворачивается и медленно идет назад. Затем пробует снова, но вновь возвращается, после чего лейтенант бежит к нему. Он берет его за локоть, и они вместе перебегают улицу.

Мы движемся дальше[88]. Впереди перед высокими жилыми домами густой кустарник, в промежутках между зданиями —

маленькие садики. Где-то среди ветвей беспечно распевает птица, но в целом тихо, словно вокруг все вымерло, и лишь наши шаги эхом отдаются на мостовой. Наконец выглянуло солнце, остатки тумана постепенно рассеиваются. Стараемся передвигаться как можно ближе к стенам зданий. Затем мы останавливаемся. Посреди улицы стоят несколько солдат. Они явно отбились от своих. Наш лейтенант выясняет обстановку у офицера, майора люфтваффе. Оказывается, в садиках по ту сторону улицы засел враг.

Мы крадучись движемся дальше. По лестнице жилого дома поднимается старик в камуфляжной форме. В дверях стоит старая винтовка. Мы проходим мимо него, открываем ворота и тихонько проникаем во двор. Перед нами лежат дачные участки. Всюду зелень, лишь кое-где краснеет крыша летнего домика. Мы передвигаемся, рассредоточившись и стараясь держаться ближе к кустам. Майор идет вместе с нами. Его люди ушли, и теперь мы снова одни, двадцать восемь молодых парней. Мы крадемся вдоль садовых дорожек. Вокруг царит умиротворенная тишина. Становится так тихо, что мы слышим даже собственное дыхание. Наши сердца громко стучат от волнения. Стоит винтовке зацепиться за забор, как мы тотчас замираем на месте и прислушиваемся, прежде чем снова двинуться в путь. Враг затаился в кустах, которые виднеются впереди. Он, как и мы, начеку и, как и мы, пытается крадучись двигаться вперед.

Пересекаем очередную садовую дорожку. Видимость ограничена, потому что нам мешают кусты, а над землей еще висит легкий туман. Вдруг птица выдает громкую трель и вспархивает с ветки. От неожиданности мы замираем на месте и оглядываемся по сторонам. Мы уже в новом саду, в конце которого виднеется ярко-красный летний домик. Лейтенант дает нам знак стоять на месте. Где-то неподалеку треснула ветка, и мы явственно слышим, что в летнем домике кто-то есть. Лейтенант разворачивается, и мы идем назад. Выходим из садика и пересекаем другую тропинку, после чего залегаем посреди кустарника и смотрим в оба. Правда, летний домик отсюда не виден.

Однако шум из него доносится еще явственнее. По полу топают сапоги, металл ударятся о металл. Затем кусты раздвигаются, и из них появляется человек. Русский. Наши нервы напряжены до предела. Кажется, еще мгновение — и они лопнут. Наши пальцы машинально нащупывают спусковой крючок. «Не стрелять!» — командует лейтенант. Русский стоит, прислушиваясь, и эти мгновения кажутся нам вечностью. Теперь в летнем домике тихо. В воздухе повисли обрывки фраз. Враг

оглядывается, затем поворачивается снова и исчезает в кустах.

Мы идем назад, вернее, спасаемся бегством, стараясь держаться ближе к кустам. Перелезаем через заборы и перебегаем садовые дорожки. Туман рассеялся окончательно. Наконец, мы останавливаемся. Впереди — задние дворы жилых домов. Неожиданно где-то рядом ревет танковый мотор.

Мы кидаемся на землю и ждем. Лейтенант о чем-то негромко разговаривает с майором. Мы равнодушно оглядываемся по сторонам. Вот уже несколько недель мы ведем такое существование, и всех нас одолевают черные мысли. Наконец лейтенант обращается к нам, чем кладет конец мрачным размышлениям. Мы встаем, пересекаем двор и выходим на улицу. В доме, мимо которого мы идем, из подвального люка на нас смотрит испуганное и бледное детское личико. На улице нас посылают каждого по разным домам — по два на каждый. Мы растягиваемся вдоль этой стороны улицы почти до следующей, идущей перпендикулярно ей[89]. Впереди ни души. Такое впечатление, что, кроме нас, тут никого нет. Лейтенант называет нам номер дома на той стороне улицы, в котором расположился его командный пункт. Приходит какой-то солдат и докладывает о приближении танков. Люди майора вернулись в полицейскую школу. Майор отправляет гонца назад, а сам остается вместе с нами.

Я и еще два моих товарища еще не получили задания. Двое назначаются в качестве вестовых, мы с майором должны занять здание. Он посылает меня вперед, и я медленно поднимаюсь по лестнице. Дойдя до площадки, выглядываю в окно. В кустах и среди деревьев все тихо, но мне кажется, будто я слышу чей-то голос. Солнце блестит на сетке проволочных оград. Откуда-то издалека доносится рев моторов. Неужели танки? В переулке слышится короткая пулеметная очередь. Она на минуту стихает, затем вновь разрезает тишину.

В солнечном свете эти садики кажутся такими мирными, словно нет никакой войны. Наверно, нам только кажется, что кровопролитие может возобновиться в любую минуту. Внизу открывается дверь, и майор поднимается ко мне. Он велит мне подняться этажом выше, откуда открывается вид на летний домик. Однако признаков жизни — никаких. Или я ошибаюсь? Вдоль кустов крадутся две фигуры, словно кошки, перебегая от куста к кусту. Я сообщаю об этом майору. «Стреляй!» — командует он и поднимается ко мне по ступенькам. Я прицеливаюсь, словно в тире. Это совершенно несложно. Фигура медленно возникает в прорези прицела, затем исчезает снова. Я его упустил. Останавливаюсь, чтобы перевести дыхание и взять

себя в руки. Судя по всему, никто ничего не заметил, ни на их стороне, ни на нашей. Я вновь прицеливаюсь. За летним домиком возникает какое-то движение. В моем прицеле появляется человек в форме. Ствол моей винтовки следует за ним. Я нажимаю на курок. Разрывая мирную тишину, гремит выстрел. Я снова и снова жму на спусковой крючок, и выстрелы громким эхом отдаются в узкой лестничной клетке. Неожиданно становится тихо. Зато шум у меня в ушах делается еще громче. Никого не видно. В садиках — ни единой живой души. Лишь пули, что со свистом впиваются в стены, служат свидетельством тому, что там внизу продолжается жизнь.

Поднимаюсь еще на один этаж. Садики теперь далеко внизу подо мной. Вдали виднеются поля, а по дороге движутся какие-то черные точки. С каждым мгновением они становятся все больше и больше. Танки!

Стрельба почти прекратилась, лишь время от времени между деревьев пролетает одинокая пуля. Я спускаюсь этажом ниже. Майор куда-то исчез. Выхожу на улицу и перебираюсь в соседнее здание, где засели Барт и Штауб. Они сидят на лестнице и едят. Чувствую, что тоже проголодался. Я возвращаюсь и достаю из ранца паек. По лестнице поднимается какая-то женщина, однако тотчас исчезает в своей квартире. Неожиданно стрельба возобновляется, и по садикам пробегают какие-то фигуры. Пули ударяются о стены, свистят между ветвей и летних домиков. Иногда одна из фигур останавливается, а потом падает и остается лежать темным пятном на зелени травы. Из жилых домов тоже время от времени доносятся крики.

Вражеские выстрелы с каждой минутой делаются все точнее. Противник целится в окна и лестничные клетки. Во все стороны разлетаются осколки стекла. Мы ведем ответный огонь почти вслепую, не в состоянии понять, где он, наш враг. Я опустошаю магазин за магазином, казенная часть накалилась уже едва ли не докрасна. Вокруг меня, врезаясь в стены, носятся пули.

Женщина спускается с лестницы, быстро проскакивает мимо меня и ныряет в подвал. Из патронника одна за одной выскакивают отстрелянные гильзы и со звоном падают на пол. Грохот продолжается.

Позднее женщина возвращается из подвала и спрашивает, собираемся ли мы отступать или нет. Я говорю ей, что не имею понятия. Она устало бредет вниз по ступенькам и стучит в дверь подвала. Та со скрипом открывается и тотчас громко захлопывается вслед за ней. Но время идет, и стрельба постепенно стихает. Неожиданно поблизости в садах раздается собачий лай. Откуда-то издалека доносится низкий гул — это

идут уличные бои в городе, последнем бастионе Третьего рейха.

Дверь со стуком распахивается. «Все на выход!» Я быстро бросаю взгляд на сады, после чего спускаюсь по лестнице на улицу. Лейтенант стоит на углу и смотрит в бинокль. Неожиданно откуда-то вновь появляется майор. Нам приказано занять здания на другой стороне улицы. Мои товарищи выходят из домов и перебегают через улицу, чтобы занять новую позицию.

Я также вхожу в дом напротив и остаюсь стоять у двери. Лейтенант уходит с улицы и вновь обходит дома. Теперь улица словно вымерла. Тихо. Ни души. Солнце отражается в окнах домов напротив.

Я закрываю парадную дверь. Некоторые жильцы бросаются наверх, чтобы забрать с собой в подвал ценные вещи. Вхожу в квартиру на первом этаже. Там расположился майор. Он выглядывает из небольшой очаровательной спальни, окна которой выходят на улицу. Кровати в спальне аккуратно заправлены — видимо, совсем недавно. Я беру себе на кухне стул и подтягиваю его к другому окну. Затем мы вынимаем оконную раму, чтобы в нас не летели осколки. Ветер выдувает шторы наружу.

Затем я иду в прихожую. Мы оставили входные двери открытыми, зато закрыли черный вход. Я прицеливаюсь из винтовки и делаю три выстрела в заднюю дверь. В отверстия проникает солнечный свет. Возвращаюсь в квартиру и беру себе банку варенья, которую нашел в кухне. Это наша солдатская привилегия. Мы берем все, что хотим, независимо от того, наше или нет.

Сажусь рядом с майором на кровать и начинаю смотреть в окно. Он встает, садится в кожаное кресло и подтягивает его к другому окну. Неожиданно с соседней улицы доносится лязг танковых гусениц. Среди домов раздается глухой грохот взрывов и артобстрела. Вскоре поблизости слышны выстрелы, правда, пока одиночные. Пуля со свистом пролетает рядом с моей головой, словно пытается обжечь меня. Я испуганно выпускаю из рук винтовку и выглядываю на улицу. Картина, что висела на стене позади меня, прострелена, стекло разнесено вдребезги. Теперь мы ведем себя осторожнее. Большинство входных дверей в домах напротив закрыты, в том числе и в том, где только что был я. Это значит, что враг уже внутри квартир и нас от него отделяет лишь расстояние в ширину улицы.

Неожиданно к нам входит лейтенант и говорит, что, по имеющимся данным, к нам движутся несколько рот подкрепления, которые нас сменят на боевом посту. Но я в это уже не верю. Как всегда, нам придется с боем выбираться самим,

и этот бой окончится лишь тогда, когда смерть наконец подарит нам свободу.

Как только он покидает нас, я выхожу на задний двор. Здесь сады тянутся вдоль всей улицы, от двора к двору, вплоть до следующего ряда жилых домов где-то вдали. В песочнице в углу двора играют дети, несколько жильцов тоже вышли во двор подышать свежим воздухом после нескольких часов сидения в душном подвале. Они строят предположения, как поведут себя русские. Женщины напуганы. Они заранее в ужасе от того, что принесут с собой последующие часы. Но это уже будет нечто новое, и конец всему тому, что им до этого пришлось пережить. Пусть лучше будет неуверенное будущее, чем жуткое настоящее.

В садах рвутся снаряды, артобстрел ухает все ближе и ближе. Люди в испуге снова бросаются в подвал. Дети плачут. Я ныряю в дом и тащу за собой какого-то подростка. Затем подхожу к входной двери, открываю ее и высовываюсь на улицу. Несколько моих товарищей, стоя в дверях, простреливают переулок, откуда русские бегут к домам. Другие ведут огонь по зданиям на противоположной стороне улицы, не давая врагу высунуться на улицу. Неожиданно на улицу выкатывает танк и останавливается на перекрестке. Из ствола вырывается яркая вспышка, грохот выстрела заглушает собой далекую канонаду. Снаряд взрывается, во все стороны летят обломки кирпича и куски штукатурки. Я с трудом прихожу в себя. На углу улицы перебегают чьи-то фигуры и исчезают из вида. Затем танк разворачивается, ползет по улице и вскоре исчезает за нашим рядом домов.

Я вновь иду внутрь и закрываю за собой входную дверь. Майор сидит у окна и выглядывает наружу. Я подхожу ближе и смотрю на него. Сразу понимаю, что он мертв. Из крошечной раны на голове сочится кровь и беловатая слизь. Его винтовка по-прежнему лежит у него на коленях. Неожиданно осознание смерти этого человека пронзает меня, и я кричу во весь голос. Это не только мой первый мертвец, нет ничего хуже того, чем видеть, как он сидит здесь почти как живой. И рана такая маленькая!

Шторы колышутся на ветру. Неожиданно мне становится страшно. Я выбегаю из комнаты и захлопываю за собой дверь. Постепенно я успокаиваюсь, но назад не возвращаюсь. Я не вернусь туда ни за какие деньги. Стоящий у входа в подвал человек спрашивает майора, но я ему не отвечаю. Несколько моих товарищей сейчас стоят в заднем дворе и неожиданно направляются к садам. Из соседнего здания выходит лейтенант и говорит: «Отходим через пять минут! Идем к следующему ряду домов и производим перегруппировку!» Я стою возле черного входа и жду. Из соседних домов выбегают их жители и исчезают

среди деревьев. Вместе с ними и несколько солдат. Потом я больше никого не вижу. Неужели я здесь один? Я тоже бегу назад.

Из одного из домов выбегает Зольга. У него в руках женский чемоданчик. Вскоре я теряю из вида их обоих и один иду через дачные участки, оставляя здания позади. Небольшие садики пусты. Пересекаю грядки, перелезаю через заборы с одной-единствен-ной мыслью — поскорее назад!

Цепляюсь за что-то ногой. Передо мной лежит мертвец, и я едва на него не упал. В земле рядом с ним свежая воронка. Он был убит осколками, они изрешетили ему голову и тело. Теперь он лежит на спине и остекленевшими глазами смотрит в небо. Я пытаюсь взять у него расчетную книжку, но мертвец тяжелый, а его мундир весь в крови. Поэтому бросаю его и бегу дальше, пока тропинка не приводит меня к зданиям, что виднеются впереди.

Унтер-офицер Рихтер лежит голый в коридоре, а какие-то женщины перевязывают его бинтами. Его тело изрешечено осколками, так что он уже не жилец.

Штабс-фельдфебель стоит посреди улицы. Когда я говорю ему об убитом солдате в саду, он приказывает мне вернуться и вытащить его расчетную книжку. Пробираюсь назад через сад и наконец вновь нахожу мертвое тело. Перекатываю убитого на бок, мои пальцы тут же пачкаются кровью. Я роюсь в его карманах в поисках документов. Вскоре мне удается вытащить из его мундира бумажник. Убитый перекатывается назад, изо рта и из носа у него фонтаном хлещет кровь. Неожиданно меня охватывает животный страх. Что, если он сейчас очнется и потребует назад свои бумаги, и мне придется отвечать за мой поступок. Я кидаюсь прочь, боясь обернуться назад. Лейтенант стоит на садовой дорожке, и я протягиваю ему бумажник. Наконец мне удается отдышаться и взять себя в руки. Лейтенант просматривает документы и удивленно поднимает глаза. Убитый жил по соседству. Всего в трех улицах отсюда. Верно. Вот его адрес: дом номер 5, улица XYZ, Берлин-Шпандау. На фотографии в паспорте улыбающееся лицо. Он женат. У него двое детей. И вот теперь он лежит в саду всего в нескольких шагах от дома и родных, но ему больше никогда не сделать даже эти несколько шагов.

Неожиданно мимо нас с плачем пробегает женщина. Волосы распущены. Она кричит и бросается в сад. Вскоре она исчезает из виду. Мы вместе с лейтенантом идем через арку, которая ведет во двор дома[90]. На улице кто-то оставил два чемодана. Рядом с ними стоит Зольга. Чемоданы принадлежат женщине, которая только что с криком пробежала мимо нас. Оказывается, она забыла взять с собой свои жемчуга.

Какое-то время стоим все вместе рядом с чемоданами, однако штабс-фельдфебель уводит нас в здание и показывает, какие позиции нам занять. Я недосчитываюсь нескольких из нас, но думаю, что вскоре мы будем все вместе. На лестничной площадке в окнах витражи. Я разбиваю винтовкой две свинцовые рамы и высовываюсь на улицу. Здания, из которых мы только что ушли, купаются в солнечных лучах. Враг наверняка уже там. Слева тянется яркая лента улицы[91]. Широкая дорога делит сады на две части. И все это купается в теплом весеннем свете — и дома, и сады, и улицы.

Неожиданно стрельба возобновляется. Русские наступают, продвигаясь вперед по дачным участкам, перебегая от дерева к дереву, и из окон домов открывается стрельба. Правда, выстрелы звучат гораздо реже, чем тогда, когда нас было больше. Теперь враг изменил тактику. Он пытается окопаться. Саперные лопатки поблескивают на солнце, выдавая его расположение. Рядом с летним домиком постепенно вырастает груда земли. Русский, полулежа, копает что есть сил. Я спокойно беру его на прицел и нажимаю спусковой крючок, затем еще раз. Неожиданно его рука вздрагивает, и он роняет лопатку. Я снова прицеливаюсь, и на этот раз противник опускается на землю и больше не шевелится. Однако враг продолжал продвигаться вперед. Вскоре все дома будут в его руках — это вопрос лишь нескольких часов.

Неожиданно на улице раздается лязг гусениц и рев мотора. Не замеченный нами, танк пробился вперед вдоль садов. Мотор глохнет, и бронемашина замирает на месте. Стрельба стихает. Все как завороженные смотрят на танк. Башня медленно поворачивается, и он целится в нас, в здания. Дуло угрожающе направлено в нашу сторону, и в следующее мгновение оттуда вырывается язык пламени, а вслед за ним с ревом вылетает снаряд. На нас летят осколки металла, битый кирпич, куски штукатурки. Стены идут трещинами и рушатся. Над садами медленно плывет облако пыли. Я спускаюсь по лестнице вниз и перехожу в соседний дом. Там у окна застыл Зольга. Я выглядываю. Танк по-прежнему застыл на месте. Затем его башня разворачивается, правда, на считаные сантиметры. Я больше не могу ждать и медленно спускаюсь по лестнице к парадной двери. Позади меня грохочет выстрел. Похоже, что стены вот-вот обрушатся. У меня за спиной обваливается штукатурка, со звоном летят на землю осколки стекла. Огромная дыра между стеной и окном исчезла вместе со стеной.

Мы уныло стоим на улице, не зная, что нам делать. Атаковать противника бесполезно, однако лейтенант приказывает нам возвращаться в здание. Мы идем назад, но двери закрыты.

Колотим в двери прикладами и сбиваем их с петель. Затем медленно поднимаемся вверх по лестнице. Обидно, что в этой бессмысленной обороне сражаться приходится не только с врагом, но и с собственными гражданами.

Мы сидим у окон и наблюдаем за улицей. Танк по-прежнему застыл посреди улицы. Мы ведем огонь по кустам и деревьям. Затем танк со скрипом разворачивается в нашу сторону, мотор оживает, и снаряды крушат все вокруг — дом за домом, стену за стеной. Все рушится. Сопротивление бесполезно.

Мы выходим их домов и перебираемся на другую сторону улицы. Неужели все повторится сначала? Неужели нам снова переходить от дома к дому? Неужели мы станем птицами смерти, навлекающими гибель и разрушение на эти дома и их жителей?

Но нет, внутрь мы не идем, а остаемся снаружи. Продвигаемся ближе к кустам, что протянулись перед домами. Затем до нас вновь доносится рев танкового мотора, и мы бросаемся в подъезды. Через перекресток, словно громадные игрушки, движутся пять русских танков и вскоре исчезают за домами.

Прямо позади нас улица поворачивает вправо, и вдоль нее тянется деревянный забор. Улицу перебегают несколько русских. Мы прячемся за деревьями и открываем огонь, правда, безуспешно, потому что они далеко от нас. Теперь враг пытается перебраться на другую сторону улицы из переулка. Один почти перебежал. Мы прицеливаемся и стреляем. Русский шатается и падает в сточную канаву. Затем кто-то машет белой тряпицей, к русскому подбегают двое и оттаскивают его в сторону.

В подъезде стоят несколько жильцов и смотрят на улицу через застекленную дверь. Выходит женщина и протягивает нам кофе и хлеб. Настоящий кофе. Затем она возвращается с сахаром и тоже дает его нам. Что-то темное неожиданно появляется за вражескими спинами и движется в нашу сторону. Пушка! У нас почти нет времени на то, чтобы спрятаться прежде, чем она откроет огонь. Гремит залп, и во все стороны летят куски кирпичной кладки и металлические осколки. В ближайшем здании появляется огромная дыра. На тротуаре лежит раненый человек и громко зовет на помощь. Это Зольга. Товарищи уже бегут к нему по улице. Мы отступаем. Мы останавливаемся на следующем углу, и штабс-фельдфебель находит в одном из домов тележку. Неожиданно где-то рядом слышится пулеметная очередь. Полицейская школа через дорогу от нас, от улицы ее отделяет лишь проволочная сетка. Однако пулемет отрезал нам путь к ней.

Мы жмемся к домам и спешим назад. Мы то толкаем тележку,

то из последних сил тянем ее через завалы битого кирпича, бордюр тротуаров. Какой-то раненый как безумный громко кричит от боли. Слава богу, кажется, мы у цели. Мы останавливаемся. Жилые дома остались позади нас.

Мы шагаем по широким ступенькам полицейской школы, внушительных размеров здания из светлого песчаника. Входим в дверь и шагаем по коридорам. Вокруг расхаживают полицейские в стальных касках, мимо куда-то торопятся парни из НАПОЛА и войск СС. Штабс-фельдфебель отыскал пару санитаров. Они кладут Зольгу на носилки и уносят.

Наконец возвращается лейтенант. Возвращается не один, а вместе с комендантом, в чьем кабинете он пару минут назад скрылся. Нам велено ждать, пока для нас не найдут чего-нибудь поесть, потому что нас сняли с довольствия. А все потому, что наше подразделение полностью числится пропавшим без вести.

Мы сидим на полу и ждем, вытянув усталые ноги. Полицейские служащие перетаскивают пишущие машинки и папки куда-то в подвал. Мимо нас проходят две девушки в полевой форме войск СС. Чуть позднее лейтенант возвращается и говорит нам, что мы можем получить еду. Штабс-фельдфебель выдает нам паек перед зданием НАПОЛА. Теплый гороховый суп с кусочками сала, банки с тушенкой и вволю сигарет. Стрелки часовой башни показывают, что уже три часа дня. Даже не верится. Похоже, во время перестрелки мы совершенно утратили чувство времени.

Мы садимся на траву, съедаем наши пайки и закуриваем. Затем растягиваемся на земле и смотрим в небо. Оно уже почти летнее и раскинулось над нами ослепительным голубым шатром.

По улице движутся танки, оборудованные огнеметами, шагают члены гитлерюгенда, полицейские, ополченцы, солдаты войск СС. Я поднимаюсь, иду вдоль домов, вхожу в здание НАПОЛА и спускаюсь в подвал. Мы израсходовали все наши боеприпасы до последнего патрона. К дверям подвала пришпилены списки унтер-офицеров войск СС — здесь им не страшны никакие танки и пушки. Один из эсэсовцев спрашивает меня, что я тут ищу, и я отвечаю, что мне нужны боеприпасы. Он отсылает меня в соседнее здание. Наконец я нахожу то, что мне нужно, в углу двора и возвращаюсь с двумя коробками. Штабс-фельдфебель начинает раздавать боеприпасы — сто патронов на человека.

Я снова ложусь на траву. Солнце мирно светит с небес, словно нет никакой войны и смерти. В ветвях мирно щебечут птицы, у меня перед самым лицом покачиваются стебли травы. Звук человеческих голосов иногда заглушает топот ног о

мостовую — это возвращаются маршевые колонны.

Я встаю. Лейтенант собирает у нас расчетные книжки. Комендант, офицер войск СС, приказал командирам рот собрать все книжки, чтобы в случае чего враг не узнал, из какой мы части. Так мы ему и поверили. Здесь у них все поставлено с ног на голову. Думаю, книжки у нас забрали для того, чтобы мы не дезертировали. Затем офицер войск СС говорит нам, что русские убивают всех, кто попадает к ним в плен без расчетных книжек. Вот и снова на нас давят. Потому что если все так, как нам говорят, значит, на самом деле все обстоит гораздо хуже, особенно для тех, кто попадет в плен без документов, ведь никто даже не будет знать их имени. А все наши личные бумаги погибли в огне, когда загорелись домики с нашими вещами.

Мимо нас проходит смешанная колонна. Кого в ней только нет — и гражданские, и ополченцы, и наскоро сформированная из всех возрастов стрелковая рота. Хвост замыкают двое парней из юнгфолька в коричневых рубашках и коричневых брюках. Они тащат противотанковые снаряды и винтовки. Неожиданно они останавливаются и оборачиваются назад — усталые, павшие духом, без надежды остаться в живых, ведь никто не знает, кто из них погибнет уже в ближайшие часы.

Командир этого горе-отряда, партийный функционер с нарукавной повязкой, украшенной золотыми буквами, дает команду «вольно». Двое безусых юношей ложатся на землю рядом с нами. Парнишка небольшого росточка жадными глазами смотрит на наши сигареты, и мы подзываем его к себе. Он медленно подходит к нам и садится рядом. Мы спрашиваем, сколько ему лет. Тринадцать, отвечает он. Сам он из Ораниенбурга и был переведен из одной роты ополченцев в другую, сюда, в Шпандау. На самом деле они никакие не фольксштурмовцы, а бойцы недавно сформированного полка «Тридцатое января»[92].

Мы спрашиваем паренька, каким ветром его в тринадцать лет занесло в действующую армию, и он указывает на своих товарищей, которые, как и он сам, из Ораниенбурга. «Нас забрали из дому полицейские согласно приказу гауптштурмфюрера СС Фрически. Нас заставили маршировать в эсэсовской казарме и на площади замка. Затем нас поделили по нашим гитлерюгендовским звеньям и прикрепили к отрядам СС и фольксштурма. Наши отряды послали в бой в северной и восточной части города. Большинство из нас погибло под огнем вражеской пехоты, когда мы бежали через открытые поля. Затем, в течение двух дней, в городе гремели бои, в которых погибли почти все, кто до этого остался в живых. Русские взялись

поливать город огнем из «сталинских органов»[93]. Когда же мы захотели собрать вещи и разойтись по домам, нас остановили и заставили держать оборону канала, который ведет к Эдену. Командир моего взвода отказался, и тогда двое эсэсовцев и один солдат СА повесили его на дереве, правда, ему уже было пятнадцать. Потом остатки нашего гитлерюгендовского отряда, всего восемь человек — а когда-то нас было сто двадцать — двинулись вслед за всеми. Нам дали короткий отдых, после того как был взорван мост через канал. После этого я встретился с двоими моими школьными друзьями. Они сказали мне, что капитан СС со своей девушкой и лейтенант Шиллер из аэромеханической школы два дня назад укатили на запад на велосипедах. После этого я направился в Вельтен. Я хотел попасть в Хеннигсдорф, где у меня есть тетушка, но меня вскоре поймали. После этого я участвовал в бою в Райникендсдорфе, на дороге, которая ведет в Шпандау. Затем мы отступили, но сегодня утром нас перегруппировали и направили сюда».

Мальчишка говорил спокойно, слова слетали с его губ сухо и безучастно, словно происходящее — это просто дурной сон. В свои тринадцать лет тоже уже успел перегореть. Жертва своего времени. «Дай мне еще одну сигарету», — попросил он меня. Я положил ему в руку целую пачку. Он спокойно зажег сигарету, глубоко затянулся, затем встал и отошел к своим.

Командир в коричневой форме вернулся и теперь свистит в свисток, будто по-прежнему находится на казарменном плацу. На его свисток со всех сторон собираются бойцы — гражданские, гитлерюгендовцы в коротких брюках, несколько солдат. Они строятся в шеренгу, производят расчет, после чего колонной по одному заходят в здание. Мальчонка идет замыкающим. Поверх коричневой формы на нем куртка с чужого плеча. Она ему явно велика. Дверь медленно закрывается вслед за ним.

К нам подходит наш лейтенант, и мы встаем. Нам снова нужно идти вперед. Штабс-фельдфебель выдает нам каждому по банке тушенки, и мы медленно уходим, нагруженные патронными лентами. Из соседнего леса доносятся выстрелы. Мы пересекаем двор полицейского управления и заходим во двор полицейской школы. Кого здесь только нет, кроме нас, — полицейские, бойцы фольксштурма и войск СС. Неожиданно гремит взрыв, и прямо перед нами в воздух взлетает фонтан земли и стальных осколков. Мы бежим кто куда и бросаемся на землю. Я падаю рядом с грудой кирпичей и впиваюсь пальцами в землю. Вокруг нас гремят взрывы, гремят один за одним, сливаясь в нескончаемый грохот. Свиста снарядов не слышно, значит, это артиллерийская канонада. Иногда в промежутках между взрывами слышен чей-то

крик, громкий и пронзительный. Затем крик прекращается, и теперь мы слышим одни только взрывы.

Огонь прекращается столь же неожиданно, как и начался. Я, покачиваясь, поднимаюсь на ноги. Из воронок, оставленных утренними взрывами, то здесь, то там поднимаются человеческие фигуры. Лишь сейчас, в звенящей тишине, можно услышать скулящий плач тех, кого ранило. Я смотрю на свою винтовку и не верю глазам. Осколком ей напрочь снесло магазин, и теперь она ни на что не годна, бесполезный кусок железа. Слава богу, что это лишь винтовка, а не я сам.

Лейтенант приказывает нам перебежками двигаться к окопам. Я показываю ему мою винтовку. Он говорит, чтобы я сходил и взял себе новую.

В глубокой траншее лежит раненый и зовет на помощь. Это Генрих Якоб, наш самый старший товарищ. Его ранило в руку, и он, обезумев от боли, прыгнул в траншею. Бросаю негодную винтовку, и мы вместе с Блачеком пытаемся вызволить нашего раненого товарища из траншеи. Увы, это почти невозможно.

Мы можем вытащить его оттуда только за раненую руку. Когда мы наконец извлекаем его на поверхность, Генрих потерял сознание. Мы относим его в подвалы полицейской школы.

Я возвращаюсь. Меня подзывает к себе унтершарфюрер СС. У него в ноге осколок. Эсэсовец пытается терпеть боль. Кое-как я довожу его до подвала, где в бомбоубежище уже развернут полевой госпиталь. Сажаю его на скамеечку и подзываю медсестру. Она уже собралась его увести, но затем говорит, что он должен оставить свое оружие. Эсэсовец отстегивает ремень, снимает кобуру и передает ее мне. Затем достает из карманов патроны. После этого он ковыляет по темному коридору вслед за медсестрой.

Я осторожно вынимаю пистолет из кобуры. Это маузер, калибра 7,65. Неожиданно я вспоминаю, что когда-то мечтал держать в руках пистолет, но почему-то сегодня не испытываю никакого волнения по этому поводу. Засовываю пистолет назад в кобуру и запихиваю за пояс.

Мимо меня на носилках медсестры и санитары переносят тяжелораненых. Те, у кого травмы полегче, сами ковыляют в перевязочную или же прижимают к ранам куски подручного материала, кто к голове, кто к ноге, кто к руке. На ступеньках, ведущих в подвал, стоят полицейские и пожарные в касках. Толстый пожарник окидывает меня взглядом с головы до ног и спрашивает, что я здесь забыл. Как только он отворачивается от меня, я быстро прячусь в боковом коридоре. Затем хожу по подвалу и заглядываю в помещения. Из переполненных палат

пахнет гноем, потом и карболкой, отчего даже в коридоре невозможно дышать. Туда-сюда деловито снуют бледные медсестры. Раненые громко стонут или плачут. Посреди помещения под яркой лампой стоит стол. Рядом с ним — словно утес посреди бурного моря — врач. Он оперирует и ампутирует. Его белый комбинезон забрызган кровью, словно у мясника. Санитары таскают ведра, наполненные отрезанными конечностями, кровью и гноем. Все это похоже на скотобойню, только вместо животных здесь люди.

В углах коридоров беженцы со своими последними пожитками — чемоданами, сундуками, корзинами и детьми. Стоит только появиться офицеру, как они втягивают головы в плечи. После того как он проходит мимо, они облегченно вздыхают. Здесь, среди груды вещей, прячутся несколько четырнадцатилетних мальчишек, они готовы на все, лишь бы только их не забрали. Я возвращаюсь к своим. Полицейские и пожарные по-прежнему несут вахту у входа в подвал. Я иду мимо них и медленно поднимаюсь по ступенькам. Кое-кто из солдат и мирных жителей пытается пройти назад к жилым домам. По двору то и дело со свистом проносятся пули и впиваются в стены. Я останавливаюсь за грудой кирпичей перед пожарным сараем. Отсюда мне слышны чьи-то голоса. Обхожу кучу. Возле стены сарая стоят несколько солдат. «Остерегайтесь снайперов!» — говорит унтер-офицер. Судя по всему, он тут у них за главного. Я осторожно выглядываю за угол. Впереди примерно на сотню метров простирается открытое пространство, преодолеть которое можно только ползком. Здесь уже валяются несколько мертвых тел. Солдаты уходят по одному и ползут вперед. Я вновь остаюсь один.

Подхожу к углу сарая, ложусь и начинаю ползти, как меня учили на плацу в казарме. Вскоре я уже рядом с первым убитым. Тут и гражданские, и члены гитлерюгенда, и остатки полка «Тридцатое января» — все они нашли здесь свое последнее пристанище, убитые главным образом выстрелом в голову. Путь среди них кажется мне бесконечным. Звуки боя, что доносятся из окопов впереди, ничуть не стали ближе. Неожиданно я останавливаюсь. Все, с меня довольно. Пусть уж лучше земля разверзнется и поглотит меня. Я осторожно описываю поворот, миллиметр за миллиметром. По моему лицу ручьями бежит пот, в черепе пульсирует боль, веки начинают дергаться, что обычно бывает со мной, когда я возбужден. Я должен, я просто обязан взять себя в руки. Наконец мне это удается, и я начинаю осторожно отползать назад. Ползу мимо убитых, и вскоре передо мной вырастает сарай. Я кое-как поднимаюсь на ноги, пробегаю

несколько метров, затем сажусь и пытаюсь отдышаться.

Постепенно темнеет. Вечернее небо делается фиолетово-красным. Кажется, что даже оно теперь полыхает огнем, как полыхает уже несколько лет земля. Из окна полицейской школы с ревом вырываются две ослепительно-яркие полосы света. Это заговорила зенитка. Трассирующие пули устремляются бесконечным серебристым потоком к вражеским позициям. Зенитке отвечают дружным огнем минометы противника. Неожиданно темнота взрывается фонтанами. На несколько секунд они повисают в воздухе, затем медленно оседают на землю. Ночь сочувственно берет под свое крыло и мертвых, и живых. Она высится над нами словно некий огромный темный купол. Поток трассирующих пуль прерывается, зато во дворе начинают рваться снаряды. Есть попадания. Стены рушатся, окна разлетаются осколками. Криков раненых больше не слышно, их заглушает нескончаемый грохот канонады. Затем разрывы стихают. Даже в окопах становится тихо.

Я через двор иду к воротам, которые ведут на улицу. В сарайчике из рифленого железа мерцает огонек свечи. Слышится лошадиное ржание. Я заглядываю в щелку. Наш повар Эрих негромко, я бы сказал, даже нежно, разговаривает с тощей клячей. Блачек сидит на ящике из-под продуктов, уставившись в землю. Я открываю дверь, и они на мгновение поднимают глаза. Даже лошадь поворачивает голову в мою сторону, но затем вновь опускает. В сарайчике стоит теплый запах конюшни. Я сажусь рядом с Блачеком. Он, не проронив ни слова, слегка отодвигается, давая мне место. Постепенно мои глаза привыкают к тусклому свету. В углу вырисовываются очертания телеги. Стоит лошади махнуть хвостом, как пламя свечи начинает колебаться и грозит погаснуть. Эрих продолжает ласково беседовать с лошадью. Блачек все так же сидит и думает о чем-то своем. Иногда поблизости грохочет взрыв, и от этого дрожит земля. Свеча почти догорела и вот-вот потухнет. Ночь давит на нас свинцовой тяжестью. Слышно лишь, как работают лошадиные челюсти, как старая кляча перебирает копытами, как где-то снаружи рвутся снаряды, как где-то идет перестрелка. Иногда о металлические стены ударяются куски битого кирпича или осколки, и тогда стены начинают трястись, а лошадь испуганно ржать и от страха рыть копытами землю. Неожиданно дверь распахивается, и в дверном проеме темной тенью на фоне ночного неба появляется Эрих. Он чиркает спичкой, и темноту пронзает крошечная вспышка. Кляча ржет, обращаясь к своему хозяину, словно просит у него защиты. Мы зажигаем новую свечку.

Я встаю. У меня затекли ноги. Эрих дает мне винтовку. Я выхожу наружу и пересекаю темную площадь, которую продолжают простреливать минометы. Где-то впереди жилой дом полыхает огнем. Снопы искр летят во все стороны. Отовсюду доносится грохот. Я останавливаюсь у домика пожарной охраны. Мимо меня со свистом проносится одинокая пуля.

В темноте слышны голоса. Солдаты возвращаются усталой, тяжелой поступью. Между ними, словно потерянные, идут дети в серых касках и с оружием в руках. Они, пошатываясь, бредут мимо нас. Это возвращаются те, кто был на передовой. Я иду вместе с ними к гаражу. Туда уже пришел наш лейтенант, а с ним несколько бойцов, и теперь они сидят на соломе. Лейтенант говорит нам, что западный Шпандау будет сдан этой ночью. И все равно здесь останутся лежать тысячи мертвых.

Неожиданно пехота вновь открывает огонь. Мы хватаем оружие, выскакиваем на улицу и бесцельно стреляем в темноту. Неожиданно мы слышим крик: «Не стрелять! Это немцы!», однако стрельба стихает не сразу. Свет карманного фонарика выхватывает серые фигуры. Это бойцы нашей роты. Те, кто впереди, столпились вокруг чего-то. На земле лежит убитый. Я узнаю его. Это Штейнсцойфер — единственный сын своей овдовевшей матери. Как я ей об этом скажу? Ведь я так хорошо ее знаю. Она этого не переживет, ведь такой суровый удар судьбы сделает бессмысленной ее жизнь. Судя по всему, они возвращались из окопов, и у него еще оставались патроны. От усталости он машинально выстрелил в воздух, не подумав о том, что их могут принять за русских.

Одна за другой эти фигуры спешат назад. Из командного пункта боевого соединения «Шпандау-Вест» прибыл вестовой. Приказано отступать. Шпандау предстоит оставить до наступления полуночи. Я смотрю на часы. Сейчас почти одиннадцать. Затем мы все вместе выходим на улицу и строимся перед зданиями НАПОЛА. Сюда постепенно сходятся те, кому уходить последними — мальчишки, полицейские, пожарные и женщины в форме СС.

Наш боевой отряд, то есть наша рота, остается и будет удерживать последние позиции. Нам приказано прикрывать отступление, и сами мы можем отсюда уйти лишь с наступлением полуночи. Постепенно поток беженцев становится реже, и вскоре людской ручеек пересыхает совсем. Мы остаемся одни.

Огонь горящего здания бросает на улицу мерцающие блики, искажая тени деревьев и руин, отчего начинает казаться, будто они оживают. Медленно тянутся минуты. Время словно застыло на месте, лишь биение наших сердец отсчитывает мгновения.

Постепенно нам становится не по себе. Страшно стоять в ночи, среди огней пожарищ, когда рядом с тобой дышит и пульсирует какая-то тайная жизнь. Мы как потерянные души садимся на корточки, усталые и опустошенные, и ждем.

Наконец мы оставляем здания НАПОЛА и проходим примерно триста метров вдоль линии отступления. Затем останавливаемся и переходим улицу. К нам подходит лейтенант и возвращает нам наши расчетные книжки. Правда, не все, у кого он их забрал днем, сейчас с нами. Наши ряды заметно поредели.

В течение дня было потеряно еще несколько жизней, и мы — те, кто пока остается в живых, видим в этом не чудо, а кару.

Откуда-то доносится окрик, отдаваясь эхом по пустой улице. Вдали гремит выстрел. Над нами на бреющем полете проносится самолет. Время тянется мучительно медленно. Я едва могу различить цифры и стрелки на моих часах.

К нам снова подходит лейтенант. «Приготовиться!» Откуда-то из теней деревьев и зданий появляются фигуры. Мы столпились вокруг лейтенанта и смотрим на часы. Стоим и ждем. Затем издалека, из города, до нас доносится звон курантов — сначала легкий перезвон, а затем двенадцать тяжелых ударов, чей звук как будто повисает в воздухе.

Мы снимаемся с места, распахивая перед собой ворота жизни, которые, как нам казалось, уже закрылись за нами.

Пятница, 27 апреля 1945 года

Уходим, оставляя позади дома, деревья, развалины и убитых. Ночь раскинула свой темный плащ над людьми и землей. Мы плотной группой движемся вдоль улиц. Лунный свет лежит на руинах, и их очертания принимают причудливые формы. В небе низко повисли полосы облаков — они словно тянут за мертвые пальцы руин. Мы одни посреди этих груд развалин. Останавливаемся на каждом углу и, прежде чем перейти улицу, вглядываемся в темноту. Наши усталые, испуганные шаги отдаются эхом от полуразрушенных стен. Признаков жизни никаких, в этом мертвом ландшафте ни единой живой души. Кое-где от подожженных при отступлении зданий тянет дымом. Резкий, неприятный запах гари разъедает глаза.

Разрушенный город тянется мимо, словно в кино, здание за зданием, развалины за развалинами. Ни единая живая душа не нарушает сон мертвых. Мы останавливаемся после более коротких интервалов, оглядываемся, заходим в переулки, идем обходными путями. Вдалеке, но вскоре все явственнее и ближе, из

переулков доносятся голоса русских. Их шаги преследуют нас почти по пятам. Возможно, они наблюдают за нами из какого-нибудь переулка. Иногда раздается выстрел, и мы вновь сбиваемся в кучу.

Мы спешим, прокладывая себе путь среди лабиринта развалин, двигаясь едва ли не на ощупь. Затем из темноты появляется площадь. В ночном небе высятся башни церкви[94]. Они стоят нетронутые среди окружающих площадь руин. Лейтенант и штабс-фельдфебель по карте проверяют наше местонахождение и обсуждают, как нам отсюда выйти. Неожиданно из церкви доносятся голоса, и медленно — сантиметр за сантиметром — открывается дверь. Из церкви выходят несколько солдат, это, как и мы, немцы. Они удивленно смотрят на лейтенанта. Затем подходят к нам. Они из флотского склада для морских офицеров, но заблудились в лабиринте развалин. Лейтенант приказывает нам идти в церковь и ждать. Мы медленно бредем вдоль нефа. В разбитых окнах свистит ветер. Органные трубы сияют золотом. Кажется, они что-то шепчут и бормочут там, вверху над нами. Внутри так тихо, что мы даже боимся дышать. Вскоре к нам по проходу идет лейтенант и подзывает нас. Мы неслышно поднимаемся со скамей и на цыпочках идем по ковру, устилающему проход. Затем закрываем за собой церковную дверь и возвращаемся в ночь.

Идем дальше. С нами — наши новые товарищи. Налево от нас — небольшая речушка[95]. Мосты через нее взорваны. Улицу перегораживает баррикада, сооруженная из трамваев и грузовиков. Мы по одному проходим через разбитый трамвай. Наши шаги отдаются громким эхом. Посреди улицы горит немецкий танк, рядом валяется убитый солдат. Впрочем, нет, он не убит, его губы шевелятся, он пытается что-то сказать. Я наклоняюсь, чтобы выяснить, что с ним. Оказывается, он мертвецки пьян. У него в руке зажата бутылка с отбитым горлышком, он пролил содержимое на мостовую. Винные пятна на брусчатке кажутся темными, как кровь. Запах алкоголя такой сильный, что заглушает запах гари и жженого масла, исходящий от танка. Мы идем медленно, и вскоре руины остаются позади. Проходим мимо нескольких чудом уцелевших зданий. Улицы стали заметно уже, а сами здания — больше.

На улице валяются мертвые тела — кажется, будто здесь прошлась коса смерти. Изувеченные тела, сожженные трупы, женщины, мужчины в штатском, вокруг разбросаны сумки и сундуки. В канаве валяется полицейский в бледно-зеленой форме, лица у него больше нет. Мертвые дети словно уснули, их раны почти не видны. Женщины, девушки, мужчины… Между ними

валяются обрывки электрических проводов. Одинокий солдатский сапог с кровавой культей ноги. Мертвый мужчина сидит, прислонившись к двери, — кажется, что он просто уснул. Мы идем дальше, переступаем через мертвых, спотыкаемся в темноте об их тела, многие из которых сильно обожжены. В воздухе стоит тошнотворный запах горелой плоти. Мы вытаскиваем носовые платки и бежим отсюда.

Угловое здание пылает, словно факел. Мы сворачиваем в переулок, который перегорожен противотанковым заграждением. В темноте раздается окрик: «Стой, кто идет!» Мы останавливаемся. Рядом с заграждением вырастает солдат и спрашивает у нас пароль. Пароль нам неизвестен, и потому солдат вновь уходит. Мы стоим перед заграждением и ждем. Наконец узкая калитка открывается, и мы проходим внутрь. Пока мы идем, нас считают. Вестовой показывает, куда идти.

Мы медленно оставляем позади себя блокпост. В темных углах здания спят солдаты. Посреди улицы стонет женщина. Сквозь трещины в нескольких окнах просачивается свет. Наши шаги гулким эхом отдаются от стен. Устало бредем вперед, едва держась на ногах. Центральная часть Шпандау оставлена. Мы ушли оттуда последними.

Впереди — просторная площадь, поросшая травой, кустами и деревьями. На фоне неба темнеет ратуша. Повсюду — на траве, на улицах, в подъездах — лежат солдаты и мирные жители. Мы поднимаемся по ступеням ратуши и садимся.

Неожиданно раздается пулеметная очередь, и мы вздрагиваем. По улице в панике бегут люди и кричат. Никто не знает, что происходит. Танку войск СС дан приказ выйти вперед, и он уползает мимо нас в темноту. Неожиданно из его дула вырывается сноп огня, снаряд влетает в стену здания. Люди истошно кричат, охваченные животным страхом, затем вновь наступает тишина. Танковое дуло лижут слабые красные языки пламени. Затем танк разворачивается, возвращается и замирает на месте. Экипаж выбирается наружу. Это были немцы, говорит один из танкистов.

Ложусь на траву и смотрю на небо. На улицах и в домах кипит бурная деятельность: формируются новые боевые отряды, которые уходят на ту сторону Хафеля. В Шпандау не должно остаться ни единой души. Вскоре слышится гул авиамоторов. Люди бросаются в укрытие прежде, чем самолет пролетает над нами, словно огромная птица.

Со всех сторон доносится перекличка — это солдаты начинают искать свои отряды. Поднимаюсь, обхожу площадь и вскоре нахожу моих товарищей. Вскоре выкликают и нас. Мы

заходим внутрь и ждем. Лейтенант и штабс-фельдфебель стоят возле свечи, капитан дает им указания. Он также сообщает, какие части города уже оккупированы. Нашей роте, в которой осталось всего восемнадцать человек, приказано двигаться к «Дойче Индустри Верке» на той стороне Хафеля. Там нам предстоит провести ночь на командном посту. Для выполнения данного задания нас отдают в распоряжение капитана Павелика.

Мы снова выходим на улицу. Подъезды почти пусты. Мимо нас движутся поредевшие остатки других рот. Мы уже когда-то проходили строем мимо этой ратуши — рота молодых новобранцев в серой полевой форме в количестве ста пятидесяти человек. Справа от нас протекает Хафель, слева — к домам жмутся деревья. Рядом с водой высится светлое бетонное здание бомбоубежища, позади него над темной водой протянулся мост[96]. Мы должны свернуть на дорогу, ведущую к нему, но неожиданно его конструкцию сотрясает грохот. Мы в страхе бежим назад.

Неужели русские начали артобстрел моста? Неужели путь к отступлению нам отрезан?

Мы снова возвращаемся в вестибюль, садимся на холодный пол и засыпаем. Сквозь окно в коридоре пробивается солнечный луч и освещает лица спящих. Из динамика доносится негромкая музыка.

Я замерз, сидя на полу. Встаю, чтобы немного размяться, и иду по коридору. Открывается дверь, и лестничную клетку заливает солнечный свет. Я захожу в комнату. Лейтенант крутит ручку настройки радио, затем садится за стол. На диване спят двое детей. Я вытягиваю ноги под стол и поудобнее устраиваюсь на стуле. На столе валяется геббельсовская листовка. Я читаю: «Любой, кто способен носить оружие, должен немедленно явиться в берлинскую комендатуру. Даже раненые нужны нам по причине их опыта и умения вести за собой других!» Ниже подпись: Йозеф Геббельс, комиссар обороны Берлина.

Нежная музыка по радио обрывается, и незримый голос объявляет: «Внимание. Говорит радио Великой Германии. Мы зачитываем вам обращение рейхсминистра и комиссара обороны Берлина, которое опубликовано в боевом берлинском листке «Панцербэр»[97]. Мы не сдадим Берлин большевикам. Вскоре в нашу битву вольются новые силы. Наступление русских захлебнется в море крови. Предатели, которые вывешивают белые флаги на своих домах и общественных зданиях, лишаются права на защиту со стороны общества. Все жители таких зданий, причем не только предатели, будут рассматриваться как предатели. Как и в предательской Прирейнской области[98], которая недостойна

того, чтобы именоваться частью Германии, тяжесть возмездия падет на предателей в этой битве за Берлин. Берлинцы! Вся нация смотрит на вас. Подумайте об этом! Час перед утренней зарей самый темный. Настанет новый день, и наш победоносный орел взлетит к солнцу, сияя оперением в его лунах…».

Голос обрывается, и из динамика доносится гимн, а после него — песня «Хорст Вессель»[99]. Лейтенант выключает радио и выходит из комнаты. Солдат вертит ручку настройки, и неожиданно из динамика доносятся слова, от которых мы подскакиваем: «Говорит радио «Свободная Германия»!» Сначала штабс-фельдфебель хочет его выключить, но затем машет рукой — мол, пусть себе говорит. Он вынимает карту, расстилает ее на столе и начинает помечать красным карандашом места, которые, если верить радио, отошли к русским. Это городки и деревни вокруг Берлина — Фельтен, Ораниенбург, Бернау, Эркнер, Тельтов, Потсдам и Штаакен. Русскими взяты и такие районы столицы, как Кёпеник, Лихтенберг, Вайсензее, Панков и Райникендорф. Шпандау-Вест оставлен этой ночью вплоть до Хафеля. Немецкая армия сохранила лишь разрозненные части, которые ждут удобного момента, чтобы перейти мост. Кольцо вокруг Берлина сомкнулось, и внутри самого города враг пытается захватить и изолировать небольшие плацдармы. Девятая армия сдалась, после того как потерпела поражение на юго-восточных подступах к городу. Кольцо вокруг Берлина сжимается все теснее, и вскоре город задохнется в его объятиях.

Штабс-фельдфебель складывает карту и смотрит на часы. Четвертый час. Мы встаем, выходим во двор и будим тех наших товарищей, которые сгрудились в кучу, чтобы согреться. Мы выходим на улицу и смотрим на мост. Там так тихо, так спокойно. Кое-где в дверных проемах лежит спящий солдат, однако похоже, что все, кто мог, мост перешли.

Мы подходим к мосту. Он перегорожен противотанковым заграждением. Но это нас не останавливает, и вскоре мы уже почти на другом берегу. На середине моста лежит убитый, сам мост тоже пострадал от артобстрела. Наконец мы уже на другом берегу. Здесь мы останавливаемся. Направо — полдома на углу рядом с рекой, налево — светлый бетонный блок бомбоубежища. Мы идем мимо них и сворачиваем налево. На улице стоит полуразрушенное здание. Лейтенант приказывает нам укрыться в подвале. Мы прыгаем в траншею, что тянется вдоль здания, и пробираемся в подвал. Пол здесь мокрый и скользкий. Кто-то зажигает коптилку и ставит на пол. В подвале пусто. К реке тянутся щели-убежища. Поверх них стоят спальные выгоны, а кое-где сделана выемка наподобие блиндажа. На полу валяются

обломки битого кирпича и куски штукатурки. Я сажусь на каменную глыбу и погружаюсь в раздумья. Штабс-фельдфебель и лейтенант ушли к зданию фабрики на поиски ночлега.

Мы сидим и смотрим на коптилку и вскоре погружаемся в сон с открытыми глазами. День проходит перед нашим мысленным взором подобно кадрам кинохроники. Развалины Шпандау и мертвые тела на улицах. Немецкие части оставляют Шпандау, и наши мертвые товарищи лежат в домах, в здании НАПОЛА, в полицейской школе, в Нордхафене, в лесах. В Сименсштадте и других местах наши роты буквально на глазах превращаются в пепел. Один чудом выживший солдат сказал нам, что восемьдесят пять процентов его роты было потеряно в Нордфалене — погибли или попали в плен. И так обстоит дело практически во всех критических точках сражения. Гибнут все — женщины, дети, старики, бойцы фольксштурма и мирные жители. Все несут потери, о которых никто не знает и которые никого не интересуют.

В комнату возвращается лейтенант и неожиданно говорит: «Вскоре все кончится. Дольше просто никто не выдержит». Кто-то задувает коптилку, и мы вылезаем из блиндажа. Идем мимо каких-то сараев и затем входим в ворота, которые тотчас закрываются вслед за нами. Впереди стоит штабс-фельдфебель. Перед нами деревянный сарай, мы заходим внутрь и садимся на бревна. Вскоре мы снова идем мимо каких-то мастерских и вдоль темных улиц, и каждая новая мастерская похожа на остальные. Мы плутаем по громадному лабиринту, словно нам больше никогда не выбраться наружу. Наконец замечаем слабый свет. Ступеньки резко уходят вниз, в подвал. Мы бросаемся ко входу, каждый хочет первым попасть внутрь. Мы медленно спускаемся по ступеням вниз, распахиваем дверь и входим. Нам в глаза тотчас бьет слепящий свет.

В помещении стоит несколько раскладушек. Мы валимся на них, расстегиваем шинели и тут же погружаемся в сон.

Глава IX. Штрезов и Рулебен

Позднее в тот же день, 27 апреля 1945 года

Когда мы просыпаемся, на улице уже ясный день. Мы поднимаемся на свинцовых ногах. Вокруг царит суматоха. Туда-сюда снуют офицеры, в соседнее помещение то и дело забегают вестовые. За дверью — командный пункт нашей боевой группы. В уши бьет хор голосов. Рядом с лейтенантом Фрике стоит офицер пожарной охраны — дородный мужчина с серебряным шитьем на мундире — и о чем-то оживленно с ним беседует. Затем они оба подходят к нам. Мы стоим усталые и безучастные. Нам сообщают, что мы на день переходим под начало пожарных[100]. Пожарный говорит нам, что фюрер распорядился, чтобы завод «Дойче Индустри Верке», на котором собирают танки и штурмовые орудия, защищали от русских до последней пули и последнего бойца. Завод может перейти в руки врагу только как груда развалин поверх наших мертвых тел.

Мы берем винтовки. Пожарный в начищенных до блеска сапогах и увешанной медалями голубой форме берет на себя обязанности командира, и мы выходим из помещения. Мы медленно поднимаемся по ступенькам и выходим наверх, в окружающий мир, и шагаем вдоль мертвых фабричных проходов. В цехах ни души, помещения смотрят на мир выбитыми окнами. Полусобранные танки и орудия высятся посреди огромных цехов, словно мамонты, на фоне которых люди кажутся карликами. Наши шаги тяжело отдаются по бетонному полу, от стен отскакивает звенящее эхо. Пол усеян обертками от хлеба и шоколада, словно цветными новогодними конфетти самых разных форм и цветов. На огромных каштанах в ожидании тепла набухли почки. На помятом газоне среди деревьев валяются брошенные тачки и поломанные ящики.

Мы открываем ворота, ведущие на улицу. Они скрипят на петлях и нехотя открываются. Наш отряд делится на две части. Часть берет под свое начало какой-то шарфюрер СС, другие уходят с пожарным. Нам надо занять берег реки и защищать от неприятеля мост[101].

Те, кто ушли вместе с шарфюрером СС, исчезают в переулке, мы же идем к мосту. На улице валяются обломки кирпичной кладки окружающих зданий — большая часть их стен разрушена до первого этажа. С остатков стен свисают электропровода, они также лежат кольцами на дороге. Проезжую часть и тротуар

покрывает толстый ковер битого стекла. Посреди руин высится чудом уцелевшее здание. Даже не верится, что такое возможно, — ведь соседние дома превращены в груды битого кирпича. Улицы пусты, на них ни души, если не считать нас. Мы медленно бредем среди руин, затем сворачиваем в переулок. Большинство домов здесь, за редким исключением, сохранилось. Мы поворачиваем налево и подходим к набережной Хафеля. В асфальте вдоль набережной вырыты щели-бомбоубежища, даже рядом с разрушенными зданиями. Хафель медленно течет вдаль, словно что-то нашептывая.

Мы останавливаемся под мостом. Мне приказано здесь остаться, потому что я единственный, у кого винтовка. Я должен наблюдать за мостом, который нависает над нами и ведет на другой берег. Сажусь на ступеньки, что ведут наверх, и гляжу на противоположный берег. Впереди меня забор из проволочной сетки отделяет набережную от реки. На ее поверхности танцуют гребешки пены и серо-зеленые волны. Слева в реке лежит снесенная артобстрелом эстакада моста — скорее всего городской железной дороги. На другом берегу в ярком утреннем свете угрожающе высится серая громада ратуши Шпандау. Улица, что тянется перед зданиями, словно вымерла.

Серый бетонный куб бункера торчит посреди золотого песка между улицей и рекой. Рядом с ним стоят несколько человек. Время от времени раздается лошадиное ржание — это какая-нибудь бесхозная лошадь забрела полакомиться свежей весенней листвой деревьев на берегу реки. Справа от моста почти вплотную к берегу стоят дома. Из открытых окон свисают белые полотнища и слегка колышутся на ветру. От сгоревшего жилого дома тянется тонкое облако дыма. После нескольких сот метров река исчезает за поворотом между жилыми домами и кирпичными корпусами завода «Дойче Индустри Верке».

Удивительно тихо. Ни единый выстрел не нарушает тишины, что окутывает дома и развалины. Иногда, прижимаясь к стене, семенит куда-то одинокий прохожий и исчезает в переулке, или же, нагруженный баулами и тюками, спешит в бомбоубежище. Узкая тропка, протянувшаяся под мостом в том месте, где он отгорожен от реки решеткой, вся изрыта, и в земле устроены два окопа. Поверх одного лежит старая деревянная дверь, вокруг разбросаны камни.

Я поднимаюсь и подхожу к решетке, наблюдая за тем, как темный поток катит свои журчащие волны. Мои мысли тотчас уносятся прочь вместе с ними. В такие моменты забываешь, что ты на войне. Никакой перестрелки на улицах, ярко светит солнце, одни лишь руины напоминают о том, что это все же война. После

нескольких дней страданий и смерти такой миг тишины и умиротворения воспринимается как дар божий. Увы, в любой момент он может взорваться грохотом орудий, извергающих на нас всю ярость разрушения.

Мост изогнулся надо мной и тянется к другому берегу. Под ним протянулись водопроводные и газовые трубы, а также электрические кабели толщиной в руку. Иногда, негромко хлопая крыльями, над водой низко пролетает чайка.

Неожиданно тишину этого божественного весеннего утра нарушает звук выстрела. Я кидаюсь на землю, оттягиваю в сторону дверь и скатываюсь в окоп. После чего осторожно поднимаю голову и смотрю на противоположный берег. Грохочет новый выстрел, и пуля впивается в мост. Из окна в башне ратуши высовывается человеческая фигура, однако, не успев толком показаться, исчезает внутри. Я осторожно достаю из окопа штурмовую винтовку, кладу ее на сетку забора, устанавливаю расстояние и переключаю на автоматический режим стрельбы. Затем беру на прицел окно, жду и, когда фигура появляется вновь, жму на спусковой крючок. Фигура исчезает. Я по-прежнему держу окно на прицеле и жду. Пока никаких звуков и никакого движения, и я позволяю себе расслабиться. Вылезаю из окопа и задвигаю на место дверь.

Вновь все тихо — так тихо, что с трудом верится, что среди этих развалин все еще есть живые люди. Неожиданно я вспоминаю про своих товарищей. Их нигде не видно. Неужели я снова один, а они уже перешли на другую позицию? Или, может, они забыли про меня? Я осторожно поднимаюсь по ступенькам моста. Прямо посреди улицы стоит пулемет, рядом с ним никого. Вокруг ни одной живой души. Впрочем, нет, кажется, на мосту виднеется пара знакомых армейских ботинок. Я иду к ним. Солдат на мгновение поднимает на меня глаза, однако затем снова переводит взгляд на противоположный берег. Я спрашиваю его, не видел ли он моих товарищей, которые шли вместе с пожарным. Он говорит, что не видел. По его словам, он тут на мосту один и ему дано задание сдерживать любые попытки неприятеля перебраться на этот берег.

Через мост торопливо переходит мужчина в гражданской одежде и останавливается рядом с нами. Русские мирных жителей не останавливают, и они могут свободно переходить с берега на берег. Стреляют только в солдат. По словам мужчины, в домах на том берегу русских еще нет. Вражеские подразделения, включая женские батальоны, удерживают только ратушу и здания рядом с железнодорожным мостом.

У заграждения на дальнем конце моста появляется солдат и

перебежками перебирается на нашу сторону. Время от времени, ведя за собой ребенка, по мосту проходит нагруженная сумками женщина, чтобы тотчас юркнуть или в переулок, или в одно из бомбоубежищ, устроенных рядом с мостом на обоих берегах реки. На том, что на нашей стороне, яркой белой краской написан пропагандистский лозунг. В угловом доме на той стороне — кстати, его верхний этаж сгорел — балкон навис над улицей, словно вот-вот обрушится. На ветру, со звоном ударяясь о стену, раскачивается облупившаяся жестяная вывеска пивной. Огромная площадь, ведущая к мосту, словно вымерла, окруженная со всех сторон руинами. Руины — символ нашего времени. И лишь два чудом уцелевших здания одиноко высятся над грудами битого кирпича.

На другой стороне появляется еще один солдат и спешит к нам, время от времени останавливаясь позади опор. Неожиданно заговорил пулемет, поливая огнем перила моста. Я перебегаю улицу ко входу в бомбоубежище, спускаюсь вниз на несколько ступенек и занимаю боевую позицию. Мужчина в штатском, стоявший со мной рядом, садится возле меня на ступеньки. Затем мы поднимаемся и осторожно выглядываем, обратив взгляды на мост. Пулеметная очередь не думает утихать. Позади меня ступени резко уходят в подземелье. Где-то внизу мерцает тусклый свет и виднеются темные фигуры. По ступенькам медленно поднимается бледная санитарка и становится рядом с нами. «Пожалуйста, уходите, — говорит она. — Здесь женщины и дети, которые не были на воздухе вот уже несколько дней. Еды для них тоже почти не осталось. Прошу вас, выйдите на улицу. Если русские придут сюда и застанут в убежище солдат, они всех уничтожат». Но мы не обращаем внимания на ее слова. Мы молчим, хотя я не осмеливаюсь смотреть по сторонам. Пулемет продолжает поливать улицу огнем, так что выходить из убежища нет смысла. Что до людей, которые здесь сидят, то, если на них не смотреть, их здесь вроде бы как и нет.

Пулемет наконец умолкает. Вновь воцаряется тишина, и мы выходим на улицу. Бледная санитарка остается стоять в дверном проеме, словно пытается прикрыть собой всех страждущих, которые находятся там внизу, защитить их от страданий, которые несет с собой война. Солдат, что бежал к нам по мосту, неподвижно лежит на земле. Еще одна перебежка — и он был бы у цели. Его винтовка валяется рядом. Пулемет у входа на мост по-прежнему стоит с угрожающим видом, этакая машина смерти, которая ждет своего часа, чтобы обрушиться на людей. Однако солдат, который защищал мост, тоже мертв. Он лежит на ступеньках, мне кажется, будто ему размозжили голову

молотком.

Над нами, хлопая крыльями, кружатся чайки, а потом уносятся прочь, следуя за течением реки. Волны негромко плещут о бетонную набережную, и на серо-зеленой поверхности то там, то здесь появляются белые гребни пены. Молчаливые руины застыли на солнце, жестяная вывеска на пивной звякает о стену. Солнце сияет над вымершими домами и улицами на том берегу, играет бликами на уцелевших окнах, на ветру колышутся вывешенные в них белые полотнища.

Я медленно бреду по ступенькам к набережной. Сами ступеньки все в оспинах от попадания пуль и осколков. Справа траншеи тянутся вдоль улицы до самых стен «Дойче Индустри Верке». Там река скрывается за поворотом. Здание с подвалами, в котором мы на какое-то время останавливались прошлой ночью, одиноко стоит между мостом и заводом. Его верхний этаж обрушился, отчего само оно напоминает пень. Там, где когда-то был верхний этаж, виднеется сгоревший бойлер. Он накренился, грозя вот-вот обрушиться и увлечь за собой остатки стены. От других когда-то стоявших здесь зданий остались лишь прямоугольники фундаментов и очертания заваленных битым кирпичом подвалов. По всей этой пустыне прочерчены зигзаги траншей, которые уходят куда-то под дома.

Я снова застываю у воды, завороженный всплесками волн. Тихо, светит солнце, и мне начинает казаться, что сейчас воскресное утро и никакой войны нет. Даже руины не портят этой мирной картины, потому что они давно уже стали частью повседневной жизни. Там, на другом берегу, война уже закончилась. Река — это узкая полоска ничейной земли. На той стороне люди могут свободно вздохнуть после ужасов войны, даже если сама война еще рядом. Свидетельство тому — вывешенные из окон белые тряпки.

А здесь? Жители этого несчастного города по-прежнему сидят в катакомбах и подвалах и продолжают надеяться на мир, который кажется почти недостижимым. Для них будущее несет в себе угрозу, оно страшное и жуткое, как черная, непостижимая умом пустота.

Из убежища на той стороне реки появляются две фигуры и идут к реке. Я наблюдаю за ними с интересом, словно они уже больше не люди, а пришельцы с другой планеты. Они медленно подходят ближе, мужчина и женщина. Чем они ближе, тем лучше я различаю их лица. Оба стары, с седыми волосами. У женщины в руках старомодный черный ридикюль, на голове — такая же старомодная шляпка. Мужчина без головного убора и тоже сед. Они останавливаются напротив меня под мостом. Справа от них

несколько ступеней ведут к воде, где находится небольшая лодочная пристань. Они смотрят на меня через реку, но словно не замечают. Мы стоим друг напротив друга, два мирных жителя и солдат, и река разделяет нас, как будто представителей разных миров. Затем они делают движение. Мужчина открывает калитку в решетке, которая отсюда почти не видна. От решетки до воды всего один шаг. Сначала мне кажется, будто они пытаются пройти в какой-то потайной бункер, который мне с моего места не виден. Затем в калитку проходит женщина. Мужчина медленно следует за ней и закрывает за собой калитку. Они стоят у самой воды на каменном бордюре, который резко обрывается к воде. Они берутся за руки и целуют друг друга. Я по-прежнему наблюдаю за ними, не понимая, что, собственно, происходит. Неожиданно они прыгают в воду. Лица их спокойны, в них никакого страха, словно они оба уже не принадлежат этой жизни. Мужчина выпускает руку своей спутницы и ныряет в глубину. Женщина следует его примеру и тоже уходит под воду. К поверхности воды поднимаются пузыри. Где-то посередине реки всплывает одинокая шляпка, и течение уносит ее дальше. Спустя некоторое время всплывает спина мужчины, прямая, словно доска. Кажется, будто он силой удерживает под водой лицо. Женщину относит чуть в сторону, хотя она все еще касается мужчины. Вращаясь, словно в танце, они остаются посреди реки, но течение медленно увлекает их дальше. Они кажутся темными пятнами на серо-зеленой поверхности Хафеля. Вскоре они исчезают из вида. Река все так же катит свои воды, будто ничего не произошло. Я тру глаза, желая убедиться, что мне это не привиделось. Вдалеке, вращаясь, плывет по течению темным пятном шляпка с белой вуалью.

Я стою, не в силах пошелохнуться. Первое, что приходит мне в голову, — может, мне тоже нырнуть вслед за ними, чтобы спасти? Но они явно не хотят больше жить, так что моя попытка была бы просто бессмысленна. Затем я вспоминаю, что мне вчера рассказал один солдат про мост в Нордхафене, который предстояло взорвать. Когда об этом стало известно, люди пошли и встали на него, женщины с младенцами на руках, матери с плачущими детьми, старики и подростки, даже солдаты, и все, как один, отказывались сдвинуться с места. Не помогали никакие уговоры, никакие угрозы. Они продолжали стоять и не слушали, что им говорят, тупо глядя в воду — и так до того момента, когда на берегу показался первый танк и мост был взорван. Медленно поднялось темное облако, ввысь взметнулись языки пламени, и в этом огненном облаке люди стали падать в воду. Вчера я не поверил его рассказу, зато сегодня верю.

Я гоню от себя эти мысли и иду дальше вдоль набережной. Мне нужно хоть кого-нибудь увидеть. Я поднимаюсь к мосту и смотрю на тела убитых, затем иду по улице мимо бункера. Здесь вдоль стен домов вырыты траншеи, а сами стены украшает написанный яркой краской лозунг «Мы роем ради победы!».

Я продолжаю шагать вдоль улицы и сворачиваю за угол. Передо мной ворота «Дойче Индустри Верке». У ворот на скамейке, рядом с проходной, сидит старый сторож. Заслышав мои шаги, он поднимает глаза. Я спрашиваю его, не знает ли он, куда ушел мой отряд, если, конечно, он видел моих товарищей. Сторож не знает. Он понятия не имеет, где они могут быть. Затем он просит у меня еды. Он уже два дня не уходил с завода, и все это время у него во рту не было ни крошки. Я достаю из кармана банку тушенки и кладу ее ему в руку. Кто знает, понадобится ли она мне? Сторож роется в карманах и протягивает мне черные сигары. Затем я иду вдоль улицы, по которой рано утром шагал вместе с моими товарищами. В дверном проеме одного из домов стоит мужчина в грязной рабочей одежде. Я спрашиваю у него огоньку, и он протягивает мне спичечный коробок. Я закуриваю, неторопливо, но глубоко втягивая в себя дым. Затем из дома выходит женщина, а с ней еще двое мужчин. За редким исключением дома на этой улице почти не пострадали. Затем неожиданно вдалеке слышится рев. Сначала кажется, что это просто сильный ветер, почти ураган. В следующее мгновение улицу заполняют шипение и вой. Я ныряю в дом, вытягиваю пистолет, словно он спасет меня от того, что сейчас произойдет, я бросаюсь ничком на пол. Неожиданно становится так темно, что я ничего не вижу. Но в воздухе по-прежнему раздается лишь шипение, вой и грохот разрывов. Земля содрогается, словно хочет разверзнуться бездонной пропастью. Отовсюду сыплются песок и камни, они больно бьют меня по спине, стучат по стальной каске. В ушах стоит оглушающий рев, и я не могу собраться с мыслями. Я просто лежу на полу и жду конца.

Постепенно тьма рассеивается, и неожиданно воцаряется тишина. Я встаю. Моя одежда сера от пыли и песка, мой пистолет весь в грязи. Позади меня кто-то поднимается с грязного пола. То здесь, то там среди груд штукатурки и битого кирпича поднимаются человеческие фигуры. Стекла в дверях разбиты, в потолке зияют дыры, стены местами обрушились. Задняя дверь треснула пополам. Я через нее выхожу на солнечный свет и оказываюсь посреди типичного городского заднего двора с узкой полоской газона. Здесь есть перекладина для выбивания ковров, в углу — забитый до отказа мусорный бак. Позади них — строение, вернее, то, что он него осталось. Дерево тоже разнесено в щепки.

Неожиданно кто-то легонько стучит меня по плечу. Я оборачиваюсь. Эта та самая женщина, с которой мы только что разговаривали. Ее волосы все грязи, словно в сахарной вате. «Спускайтесь за мной в подвал и отдохните», — говорит она. Я, не раздумывая, иду вслед за ней, и она ведет меня в подвал.

Мы спускаемся по ступенькам, открываем железную дверь бомбоубежища, закрываем ее за собой и оказываемся в кромешной тьме. Постепенно наши глаза привыкают к темноте, которую нарушает лишь слабый огонек свечи. Сидящие поворачивают головы в нашу сторону и, не говоря ни слова, смотрят на нас. Затем кто-то подталкивает ко мне стул, и я сажусь.

Подвал до отказа набит корзинами и домашними вещами. На тюках с постельным бельем спят дети, взрослые молча сидят на стульях и ящиках, прислушиваясь к звукам, которые доносятся с улицы. Это единственные, еле слышные звуки в этом помещении. Время от времени кто-то тихо переговаривается. Помещение подвала просторное, но забито вещами до отказа. Деревянные бревна служат импровизированными подпорками потолку, создавая ощущение безопасности, однако в случае артобстрела от них не будет никакого толку. Иногда кто-то поднимается с места и открывает дверь, чтобы выйти наружу, или же быстро возвращается в квартиру, сварить себе кофе или детям кашу. Женщины ждут их и могут вздохнуть с облегчением лишь тогда, когда муж, целый и невредимый, возвращается в подвал. Лица людей бледны, как маски смерти. Время от времени кто-то из детей начинает плакать, и усталый голос шепчет ему ласковые слова, а затем вновь становится тихо. Какой-то старик возвращается в подвал, держась за голову. Между пальцами у него сочится кровь. Ноги его подкашиваются, и он падает на землю. Какая-то женщина кричит, причитает, стонет — все одновременно. К ней бросаются еще несколько женщин и совместными усилиями сажают раненого на стул. Ему накладывают на голову толстую повязку, которая быстро пропитывается кровью. Г олову раненого снова бинтуют. Вскоре остаются видны только глаза и нос. Стонущая женщина наконец успокоилась и теперь вычитывает мужа за то, что тот выходил из убежища.

Меня постепенно клонит в сон. Вокруг меня лишь встревоженные лица людей и больше ничего. На мне по-прежнему форма, и я ощущаю себя среди гражданского населения чужаком, несмотря на то что просто сижу среди них. Для них вскоре все закончится, но кто знает, сколько времени пройдет, прежде чем я снова обрету покой…

Отталкиваю стул и медленно поднимаюсь с места. Женщина предлагает мне кусок хлеба, но я отказываюсь. Есть мне не хочется, хотя я не ел весь день. Женщина вежливо настаивает, и я откусываю кусок. Неожиданно ощущаю невыносимый голод. Мужчина с перевязанной головой громко стонет. Тело его обмякло, зато боль усилилась, так обычно бывает при ранениях. Женщина рядом с ним по-прежнему плачет и держит его за руку. Свеча стоит на столе в фарфоровом блюдце с золотой каймой, на которое капает воск. Люди в убежище сидят тихо, словно спят. Лишь глаза выдают, что они еще живы. Иногда детский голос просит хлеба, в ответ слышатся усталые слова.

Я иду к выходу, открываю задвижку и распахиваю дверь. Неожиданно подвал заливает слепящий солнечный свет, и я зажмуриваюсь. Затем закрываю дверь, ставлю на место задвижку и медленно поднимаюсь по ступеням. Дверь подъезда открывается с трудом, заблокированная снаружи обрушившейся кладкой. Повсюду по улице валяются огромные обломки кладки и осколки стекла. Путь перегораживает разбитая вдребезги мебель. Повсюду валяются взорванные корпуса ракет, похожие на большие металлические бутылки. Воздух наполнен потрескиванием и вздохами. Я оборачиваюсь и перевожу взгляд на соседнее здание. Ракета пробила чердак и пробуравила огромную дыру вплоть до первого этажа. Охваченное огнем здание полыхает, как факел, трещит и разбрасывает по усыпанной битым стеклом мостовой дождь из раскаленного пепла. Повсюду, куда ни посмотри, горят чердаки домов, которые еще совсем недавно были целы. Буквально на каждом углу крыши домов охвачены пламенем. Над развалинами клубится серый дым, ветер поднимает и несет по улице пыль.

Я возвращаюсь по улице к заводским корпусам. Здесь меня тоже встречает темный дым. От каптерки рядом со входом ничего не осталось, она раздавлена рухнувшим на нее зданием. Вокруг раскатились бочки с горючим, охваченные огнем. Сторож лежит в луже горящей нефти, вокруг валяются корпуса взорванных ракет, на этот раз не такие большие и толстые. Мне уже довелось побывать под их огнем. Мы называем это оружие «сталинскими органами». Горящая нефть порождает густой дым, от которого слезятся глаза. Здесь ни за что не пройти. Огнем охвачена вся улица, и даже асфальт раскаляется докрасна.

Я поворачиваю в сторону в надежде отыскать другой вход на заводскую территорию. Жители стоят перед горящими домами и пытаются оттащить подальше от огня кое-что из мебели и домашних вещей, отчего на улице вырастают настоящие баррикады. На несколько секунд в одном из зданий среди языков

пламени мелькает лицо какого-то мужчины. Судя по всему, он пробрался в горящий дом в надежде спасти кое-какие вещи из своей квартиры на первом этаже. Я нахожу другой вход — он недалеко отсюда, буквально за углом. Ворота открыты, и я вхожу внутрь. Здесь тоже повсюду валяются ракетные снаряды, некоторые впились в землю. То здесь, то там горят трава или асфальт. Посередине газона воронка, из которой, словно ящик с красками, виднеются цветные коробки. Я шагаю мимо деревьев и пытаюсь отыскать взглядом вход в убежище под цехами, где мы провели предыдущую ночь. Чтобы срезать путь, иду прямиком через грязные цеховые помещения, цех за цехом, и все смотрю, смотрю. Но они все одинаковы — серые, унылые, с выбитыми стеклами. Я пересекаю каменное пространство пола, словно я в лабиринте и не в состоянии отыскать выход.

В некоторых цехах стоят исполинские прессы и химические ванны, в которых затвердевают соли, и печи с открытыми дверцами. Вокруг меня все мертво и пусто. Постепенно мне становится страшно посреди всей этой гигантской техники. Мои шаги гулким эхом отдаются по металлическим пластинам пола, которое затем отскакивает от стен, и так все дальше и дальше. Заводские корпуса неотличимы друг от друга, как снаружи, так и изнутри. Я оставляю поиски и поворачиваю назад. Но, оказывается, отыскать обратный путь ничуть не легче. Завод — он как город в миниатюре, город внутри другого города, Берлина.

Из лабиринта переходов мне помогает выйти запах дыма. Я возвращаюсь к горящим бочкам и заблокированному выходу, который я обхожу стороной, и вновь оказываюсь на пустынной, словно вымершей улице. На мосту по-прежнему застыл брошенный пулемет. Рядом с ним нет никакого солдата. Такое впечатление, что никому ни до чего нет дела.

Я останавливаюсь на мосту. На другом берегу раздается несколько выстрелов. Захожу в угловой дом, на котором болтается вывеска пивной, с опаской ныряю под балкон, который того и гляди обрушится на меня, после чего пробираюсь через завалы битого кирпича в подвал, в том месте, где частично обрушилась крыша. Подвал рядом с берегом Хафеля превращен в настоящую крепость, в стенах устроены бойницы, а сами стены укреплены железнодорожными шпалами и деревянными балками. На полу панцерфауст и миска, рядом деревянная скамья с грязными подушками. Мне кажется, что я вижу на них пятна крови. Бойницы обращены к мосту. Они приличных размеров, в них можно легко просунуть панцерфауст. А вот солнечный свет в них почти не проникает, отчего в помещении стоит полумрак. Что происходит на улице, тоже почти не видно. Просматриваются

лишь подступы к мосту, светлый куб бомбоубежища на другом берегу и частично — противотанковое заграждение на другом конце моста.

Так тихо, что недолго и уснуть. Достаю из вещмешка ветошь и принимаюсь чистить винтовку и пистолет. Иногда на той стороне гремит выстрел, но мне это не мешает. Затем где-то рядом начинает громыхать — не иначе, это вновь проснулись «сталинские органы». Судя по всему, враг ведет огонь из Шпандау. Неожиданно на набережной взметаются языки пламени. Они устремляются к домам и грозят проникнуть в бойницы. В воздухе вновь раздается рев, словно над крышами бушует ураган. Неожиданно рядом со мной гремит взрыв, и я бросаюсь назад. Затем становится темно, и я лишь чувствую, что до колен моим ногам больно, словно они охвачены огнем. Что-то ударяет меня по голове. Мне трудно дышать, я ощущаю на языке песок, моя голова раскалывается от боли. Сердце сжимают железные тиски, и я теряю сознание.

Я снова прихожу в себя. В ногах по-прежнему острая боль, в голове гудит. Медленно ощупываю ноги и пытаюсь ими пошевелить, но упираюсь в камни и груды битого кирпича. Оказывается, мои ноги по колено в земле. Я пытаюсь высвободиться из-под каменной груды, но она не отпускает меня. В помещении темно, и я не знаю, как отсюда выбраться. Вполне возможно, что выход отсюда погребен под завалами. Я осторожно наклоняюсь и начинаю убирать камень за камнем, отчего помещение наполняется звуками. Постепенно мне удается высвободить ноги и даже ими пошевелить. Ну, все, кажется, я свободен. Перебираюсь через груды завалов, и каждый шаг болью отдается в ногах. Тьма вокруг кромешная, а у меня в кармане не осталось ни одной спички. Медленно перемещаюсь в одном направлении и вскоре упираюсь в стену. Двигаюсь вдоль нее на ощупь, словно слепец. Кажется, что моя голова вот-вот взорвется от боли. Сажусь и пытаюсь взять себя в руки. Затем встаю и вновь пытаюсь идти, нащупывая перед собой путь. Но моя рука натыкается на пустоту. Должна же эта стена когда-нибудь закончиться? В следующее мгновение неожиданно оказываюсь у двери. Я бросаюсь на нее, но она, похоже, заперта. Сквозь щели струится слабый свет. Приближаюсь к двери, вытянув перед собой руки, нащупываю задвижку и тяну. Дверь резко подается, и я падаю назад. В соседнем подвале свет льется сквозь дыру в потолке. Моим глазам требуется время, чтобы к нему привыкнуть. Медленно поднимаюсь и смотрю на свои ноги. Мои штаны порваны в нескольких местах, и сквозь эти дыры белеют подштанники. Ощупываю голову — ага, а вот и свежая рана, мои

волосы в крови и пыли.

Возвращаюсь, чтобы найти винтовку. Мне приходится вытаскивать ее из-под груды битого кирпича. Потолок частично обвалился, стены тоже обрушились. Мне повезло, что я не сидел рядом с бойницей, иначе мне пришлось бы худо. Ногам и голове невыносимо больно, перед глазами словно повисла мутная пелена. Я с трудом карабкаюсь по железной опоре и падаю на землю.

Затем медленно поднимаюсь и иду к мосту. Мир вокруг меня заметно изменился. Солнце уже не сияет столь же ярко, как утром. Перед моими глазами плывет пелена из красных крестов и звезд, мои ноги словно налиты свинцом. На улицах ни единого человека, лишь у входа в бункер стоит санитарка и смотрит на мост. Я сворачиваю на улицу, что ведет к заводу, и пересекаю площадь. Усталость притупила сознание, я, шатаясь, бреду вперед, словно пьяный или годовалый ребенок, который только-только учится ходить. Один раз я спотыкаюсь, падаю на колени и начинаю стонать от безумной боли.

Заводские ворота возникают впереди, словно сквозь белый туман. Я подхожу к ним и останавливаюсь, чтобы немного успокоиться. Затем короткими, осторожными шагами иду по заводу. Мне на глаза попадается солдат. Сначала он как-то странно на меня смотрит, затем вновь исчезает в лабиринте переходов. Натыкаюсь на другого солдата. Он явно идет в мою сторону. Я осторожно приближаюсь к нему и останавливаюсь. «На кого ты похож?» — говорит он мне. Затем мы идем вместе. Это Блачек, вестовой нашей роты.

Он говорит мне, что командный пункт полностью разрушен, цех над ним обрушился. Сам он был вместе с одним офицером, когда «сталинские органы» и артиллерия противника одновременно открыли огонь. Когда он вернулся, то увидел, что наши товарищи, которых отвели от моста, забыв про меня, все как один мертвы.

Мы с ним идем дальше и вскоре приходим в бойлерную. Через дорогу к огромной горе шлака протянулись железнодорожные рельсы. Рядом стоят несколько груженных углем вагонов, над нашими головами застыл гигантский подъемный кран. Ворота, ведущие к железнодорожным путям, открываются, хотя и с трудом. Мы переходим через железнодорожное полотно. Перед нами до станции Шпандау-Вест тянутся рельсы городской железной дороги. Между рельсами промышленной ветки и городской линии тянется узкая полоска травы. Мы идем по ней в направлении Рулебена. Неожиданно я нажимаю на курок моей винтовки, но ничего не происходит. Я

осматриваю свое оружие. Патрон на месте, но магазин погнут. В принципе винтовку можно выбросить, все равно теперь от нее никакой пользы.

Неожиданно на набережной вырастают фигуры в коричневой форме. От испуга мы наталкиваемся друг на друга и падаем. Слишком поздно. Люди в коричневом нас заметили и теперь приближаются к нам. Затем они поднимают вверх руки. Мы встаем, и они опускают руки. Это немцы.

Подойдя к нам ближе, они говорят, что по ошибке приняли нас за русских, так же, как и мы их. Дальше мы идем уже все вместе через подземный переход под городской железной дорогой. Посреди улицы стоит танк. Мы осторожно пробираемся вдоль набережной к баракам лагеря. Другие, в основном молодые ребята, пытаются попасть в Шпандау-Вест, чтобы раздобыть гражданское платье или найти убежище у родственников. Они уверены, что у них все должно получиться, и страшно рады, что смогут наконец выбраться из этого кошмара.

Затем наши пути расходятся. Налево от нас расположены бараки лагеря для иностранных рабочих. Перед ними стоят люди с темными лицами и, засунув руки в карманы, молча наблюдают за нами. По дорожкам дачных участков позади бараков какие-то иностранцы тащат тюки постельных принадлежностей и мебель. Другие громко говорят нам до свидания и, весело болтая, исчезают в туннеле, что проходит под полотном городской железной дороги.

Сначала мы пребываем в растерянности и не знаем, что нам делать, но затем решаем идти на дачные участки. Там по обеим сторонам дороги виднеются ярко раскрашенные летние домики. Мы открываем калитку и идем через сад. Из сарая выходит женщина и испуганно смотрит на нас. Рядом с ямкой, выкопанной в земле, стоят мальчик и девочка. Они укладывают в ящик одежду и еду, чтобы потом закопать. Блачек снимает вещмешок, и мы спрашиваем у них, как обстоят дела. Они ничего не знают. По словам заводских сторожей, которые живут здесь же на дачных участках и вернулись сегодня утром, русские уже заняли завод. Мы говорим им, что сами только что оттуда, но они нам не верят. Они уверяют нас, что русские заняли вокзал Шпандау-Вест и теперь время от времени ведут обстрел по дачным участкам. Этим утром эсэсовцы прочесали сады и без суда и следствия расстреляли прятавшихся там солдат, а также тех владельцев участков, которые их у себя приютили.

Затем они идут в летний домик и выходят оттуда, прижимая к себе ворох гражданской одежды. Мы идем в дровяной сарай, сбрасываем с себя форму, скатываем ее, положив внутрь

пистолеты. Правда, передумав, я кладу пистолет в карман — на всякий случай, если нас вдруг обнаружат эсэсовцы. Мы отдаем нашу форму женщине, чтобы она закопала ее в саду.

Мои новые брюки болтаются на мне, как на вешалке, как, впрочем, и пиджак. А еще они такие грязные, что мне не по себе в этой одежде. Но, может, это лишь потому, что я вот уже четыре года не носил гражданского платья[102]. Блачеку повезло больше, чем мне, его даже с расстояния в десять шагов не примешь за солдата. Порывшись в вещмешке, он достает детям немного печенья и конфет из фронтовых пайков. Этими пайками его мешок забит до отказа. Первоначально пайки предназначались для всей нашей роты, и их удалось спасти лишь потому, что Блачек, куда бы он ни пошел, неизменно берет с собой мешок. Ведь кто знает, куда его могут отправить, а мешок всегда при нем. Затем мы прячем этот мешок под какими-то старыми вещами и идем в летний домик, где женщина уже сварила для нас на спиртовке немного кофе. Мы пьем его с печеньем. Затем она подогревает немного воды, и я умываю лицо. Рана над глазом открылась, и в глаз мне стекает полоска грязи. Блачек осторожно промывает мне рану, обстригает волосы вокруг другой раны на голове и тоже обрабатывает ее. «Тебе крупно повезло, что твой череп остался цел», — говорит он. Женщина достает пластырь и заклеивает мне рану.

Мужчина советует нам идти в соседний сад — его хозяин бежал. Там есть блиндаж, где мы можем отдохнуть.

Мы медленно поднимаемся. Наши армейские сапоги плохо сочетаются с гражданским платьем, и мы чувствуем себя не в своей тарелке. Перелезаем через забор на соседний участок, открываем дверь в блиндаж и запираемся изнутри. Блачек чиркает спичкой, и мы открываем еще одну дверь и по крутой лестнице спускаемся вниз. Самодельное убежище до отказа набито одеждой и постельным бельем. На полу сундуки и огромные корзины. Мы сдвигаем их в сторону и ложимся среди тюков одежды, чтобы нас не сразу обнаружили. Затем мы закуриваем, и в темноте светятся два огонька, словно два светлячка. Мы заворачиваемся в одеяла и пытаемся уснуть, но пережитое за день лишает нас сна. Раздается стук в дверь. Я поднимаюсь с пистолетом в руке и открываю дверь. Это всего лишь хозяйка соседнего дома. Она принесла нам поесть и огарок свечи. Я вновь закрываю дверь и осторожно спускаюсь вниз, стараясь не разлить суп. Мы ставим свечу на ящик и едим.

Откуда-то снаружи доносятся приглушенные голоса — иногда ближе, иногда дальше. Я осторожно, чтобы не разбудить товарища, поднимаюсь по ступенькам наверх. На набережной

лежат несколько солдат и смотрят в сторону вокзала. Я не хочу, чтобы меня видели, и потому не осмеливаюсь выйти из моего укрытия. Женщина говорит, что солдаты сами бы не прочь исчезнуть. Им дано задание занять оставленный русскими вокзал. Я вновь спускаюсь вниз. Блачек проснулся, и я рассказываю ему последние новости. Затем мы обсуждаем с ним, что нам делать дальше. В районе Тиргартена у его отца живет друг. Мы могли бы попробовать пробраться туда и залечь на дно. Для того чтобы пройти блокпосты СС и вермахта, можно прямо поверх гражданского платья надеть нашу форму.

Мы выходим из укрытия, когда на улице уже совсем темно. Солдаты ушли в направлении вокзала. Мы снова натягиваем на себя форму. Правда, я вынужден снять с себя брюки и пиджак, потому что они мне велики и выпирают из-под формы. Затем мы на прощанье пожимаем женщине руку, выходим из сада и тихонько закрываем за собой калитку.

Идем по дорожке между дачными участками и вглядываемся с темноту. В руке у меня пистолет. Затем сворачиваем к домам, которые видели сегодня утром. Налево от нас бараки иностранных рабочих, направо — дачные участки Шлагенграбена. Наконец мы дошли до улицы. Можно перевести дыхание. Дальше мы движемся крадучись в тени деревьев. Вскоре на тротуаре слышны шаги, и на другой стороне улицы мимо нас проходят две тени, большая и маленькая, женщина и ребенок. Закутанная не то в шаль, не то в плед, женщина устало наклонилась вперед. Слышно, что ребенок тоже устал. Вскоре их голоса остаются позади.

Мы медленно идем дальше. Неожиданно на улице раздается лязг танковых гусениц. Мы быстро ныряем за рекламную тумбу[103] и стараемся не дышать. Лязг приближается, страшный, пугающий. Кроме него, доносится топот ног и голоса. Причем уже совсем близко. Солдаты идут мимо нас, словно армия призраков. Лязг гусениц раздается теперь все дальше и дальше, пока не пропадает совсем.

Теперь мы в Рулебене. По обе стороны улицы темнеют деревья, под ногами валяются отстреленные ветки, большие и маленькие. Почти все толстые деревья на этой улице наполовину подпилены, чтобы при необходимости их можно было легко завалить и таким образом забаррикадировать улицу. Справа от нас возникает высокая каменная стена, а затем и ворота казармы. Стоящий в тени солдат останавливает нас. Мы показываем ему наши расчетные книжки. Тогда он подзывает начальника поста. Это некий унтер-офицер Экерт. Мы проходим с ним в ворота казармы и идем в направлении темных корпусов. Рядом с

лазаретом часовой. Он резко спрашивает нас, куда мы идем. Мы отвечаем ему, что мы свои, и тогда он сообщает нам, где можно устроиться на ночлег.

Мы входим в здание, поднимаемся по лестнице и ищем место, где можно поспать. Устало бредем от комнаты к комнате, но все они полны таких же, как мы сами, отставших от своей части солдат. Воздух в комнатах спертый, здесь нечем дышать. Возвращаемся в подвал и идем на командный пункт. Там за столом сидит лейтенант Штихлер. Он удивленно поднимает на нас глаза. Затем ведет нас за собой в помещение для вестовых. Там на полу валяются соломенные матрацы, на которых лежат лишь несколько спящих. Мы ставим свои вещи, получаем одеяла и ложимся рядом с другими. Неожиданно мне хочется курить, однако на меня накатывается свинцовая усталость, комната и все, что в ней есть, идет кругом. У меня перед глазами пляшут красные огненные языки и вновь нещадно болит голова. Но потом все стихает, и я погружаюсь в сон.

Суббота, 28 апреля 1945 года

Я просыпаюсь от топота ног, громких криков и взрывов, от которых содрогается земля. Вокруг меня солдаты торопливо надевают шинели, каски и выбегают наружу. Наконец и я полностью проснулся. Вбегает Блачек и кричит мне в ухо, что русские пробились в Рулебен и стоят перед нашими казармами.

Я накидываю шинель, хватаю винтовку, несколько патронных лент и тоже бегу на улицу. Ночную тишину взорвали раскаты орудий, разрывы снарядов, грохот рушащихся стен, звон бьющихся окон, треск пулеметных очередей. Все это сливается в один сплошной гул. Он парализует чувства, и от него дрожат барабанные перепонки. Гул перерастает в непрекращающийся гром. В нем невозможно различить отдельные залпы и взрывы. Он проникает повсюду и поглощает все, как неизбежное бедствие. Земля содрогается так, что кажется, что она вот-вот разверзнется и поглотит все вокруг. Вокруг рвутся снаряды, высвечивая на несколько секунд мельтешащие во дворе человеческие фигуры. Я стою у входа в подвал и не знаю, что мне делать. Затем вижу, как несколько человек бегут к воротам, и бросаюсь вслед за ними.

Никто толком не знает, что, собственно, происходит, где находится враг и какими силами он наступает. Огонь ведется со всех сторон, причем явно бьют по нашим казармам. Похоже, что обстрел начали вести с ипподрома. Накануне, после тяжелых боев, враг занял Сименсштадт и с тех пор медленно продвигался

вперед. Судя по всему, Шпрее он форсировал по собственным понтонным переправам, поскольку все капитальные мосты к этому времени уже были взорваны. Похоже, что он также ведет огонь от Шарлоттенбурга. Единственное пока безопасное направление — это Шпандау-Вест, где Хафель представляет непреодолимую преграду[104]. Мы окружены, и не знаем, как отсюда выбраться.

Ворота казармы закрыты. Мы подкатываем к ним деревья и несколько «испанских наездников»[105], что лежали тут же рядом на траве, чтобы обеспечить себе хотя бы минимальную защиту. Из-за угла, ослепляя нас светом фар, вылетает грузовик, что до этого стоял перед одной из казарм, и упирается в ворота. Мы тем временем лежим на земле и смотрим в оба. Я попал в одну группу с Ритном, Вегнером, Бройером и еще тремя, которых не знаю по именам.

Вдали справа от нас виден огонь танковых орудий. Судя по всему, бьют от станции городской железной дороги. Над нашими головами рвутся снаряды. Они крушат стены, валят деревья, наполняя воздух свистом осколков. Танки медленно, но верно катят вперед, ночное небо лижут огненные языки. Мы, как безумцы, ведем по танкам ответный огонь, чтобы замедлить наступление пехоты, которая наверняка идет вслед за нами. Неожиданно где-то вверху грохочет взрыв, и на нас летят куски каменной кладки. Я хватаюсь за голову. Ведь теперь на ней не каска, а фуражка.

Оставаться у ворот больше нет никакого смысла. Танки будут здесь через считаные минуты. У ворот остается только противотанковая команда, мы же бежим через улицу. Какой-то лейтенант в каске останавливает нас. Мы должны как можно быстрее пройти за казармы, где враг уже успел занять спортивное поле и теперь оттуда наступает на нас. Похоже, что «Т-34»[106] наступают одни, без поддержки пехоты.

Мы бежим по проходам между казармами. Испуганные беженцы, которые еще вчера искали в их стенах спасения, теперь вынуждены искать бомбоубежище. Повсюду бегают потерявшие родителей дети. Кое-где валяются тела убитых — кого-то убило рухнувшей стеной, кого-то — осколком снаряда. Раненые пытаются вернуться в укрытие. А впереди еще целая ночь. Темноту вспарывают лишь вспышки орудий и разрывающихся снарядов, а также ослепительные нити трассирующих пуль. Интересно, она когда-нибудь закончится, эта ночь?

Проходы между казармами простреливают со стороны стадиона. То здесь, то там из танкового ствола вырывается огненная вспышка, а затем где-то рядом гремит взрыв — это

снаряды вспарывают землю, и она покрывается воронками. Спотыкаясь о воронки и траншеи, мы бежим к спортивной площадке. Темно настолько, что мы почти не видим друг друга и не знаем, где свои, а где враг. Наконец слышим поблизости немецкую речь в тот момент, когда мы едва не пробежали мимо. Затем мы прячемся каждый в свой отдельный окопчик, в которых когда-то обучали прицельной стрельбе новобранцев. Стреляем прямо перед собой в ночь, даже толком не зная, где враг. Он в любую минуту может взяться откуда угодно и прыгнуть в наши окопы. Мимо нас кто-то пробирается почти ползком. «Продвиньтесь на сто метров и займите траншею». Выпрыгиваем из наших окопчиков и бежим вперед, стреляя на бегу. Мы то проваливаемся в ямки, то спотыкаемся о проволочные заграждения, поднимаемся и вновь бежим. Наконец, мы у цели. Заскакиваем в окоп и снова открываем огонь. Стрельба не ослабевает ни на мгновение. Поневоле будешь палить во все стороны, если не знаешь, откуда ждать врага.

Похоже, что в окопе и без нас полно людей. Не иначе, как в бой бросили резервные роты, которые были размещены в казармах. Я, протискиваясь мимо стрелков, двигаюсь вдоль окопа в поисках унтер-офицера Ритна и других моих товарищей, которых когда-то поставили под ружье вместе со мной. Наконец я натыкаюсь на Вегнера. Он показывает мне, где залегли остальные. Я становлюсь рядом с ним и стреляю в темноту.

Как только бой немного утих, вдоль окопа проходит унтер-офицер Ритн. По его словам, враг предпринял неожиданное нападение на стадион со стороны Хеерштрассе и захватил в плен все артиллерийские расчеты, какие там только были. Даже самые тяжелые орудия достались врагу. На поле стадиона были размещены 88-мм, 105-мм 125-мм и 150-мм орудия. Мне становится не по себе оттого, что именно из этих орудий враг сейчас обстреливает наши казармы. Вряд ли что-то останется от зданий, впрочем, как и от нас самих.

Грохот боя стих. Судя по всему, враг решил дождаться рассвета, чтобы атаковать казармы днем. А может, он подозревает, что за стенами военного городка стоят тяжелые орудия? От станции городской железной дороги Рулебена доносится гулкое уханье танковых орудий. В дальнем конце казарм полыхает пламя. Интересно, что горит, помещение или танк? Из тыла прибегает вестовой и идет вдоль окопа. Мы должны не давать врагу спуску и вести непрерывный огонь. Скоро к нам прибудет подкрепление. Вот только как, если у нас уже почти кончились патроны? И никакому подкреплению не под силу согнать врага с позиций, которые он занял. Мы потеряли

стадион и, если уж на то пошло, то и казармы. Какой смысл сопротивляться дальше? Мы лишь потому еще не сложили оружие, что не ведаем, какая судьба уготована военнопленным.

Возвращается Ритн. «Смотрите! Дезертиры!» Мы напрягаем зрение, однако в темноте мелькают лишь неясные тени. Интересно, уже все потеряно или для нас еще остается лучик надежды?

Постепенно ночь снимает с мира свой покров. Очертания деревьев и кустов становятся четче. Перестрелка усилилась, вокруг, взрывая песок, свищут пули. Откуда-то от входа в казармы в направлении дороги, что ведет мимо стадиона, вырвался поток трассирующих пуль. Теперь мы все видим сами. То там, то здесь из окопа выпрыгивает человеческая фигура и бежит на вражескую сторону, исчезая в кустах. Неожиданно рассветную тишину прерывает рев танкового мотора. На дороге вырастает темный колосс и останавливается рядом с кустами. Мы бросаемся на землю и считаем последние мгновения наших жизней. Однако вместо выстрела воцаряется тишина. Даже вражеская пехота прекратила огонь. Мы поднимаем головы, но тотчас прячемся снова. Танк, словно черный монстр, застыл на месте почти перед самым окопом. Он вот-вот сожрет нас. Мы как завороженные смотрим, как на наших глазах люк на башне открывается и оттуда показывается голова. «Не стрелять!» — разносится неожиданный крик. Мы затаили дыхание и ждем. Где-то вдалеке грохочут взрывы, похожие на далекие раскаты грома. Сначала мне кажется, что это немецкий танк, но нет, похоже, я ошибся. Танк русский. «Товарищи! — раздается в тишине чей-то голос. — Сдавайтесь! Дальнейшее сопротивление бесполезно. Русские превосходят вас численно. Ваши казармы окружены. Бегите через поле и сдавайтесь на стадионе русским частям. С вами будут хорошо обращаться, и, как только военные действия закончатся, вы сможете вернуться домой. Солдаты, дальнейшее сопротивление бесполезно. Неужели вы хотите потерять жизнь в последние часы войны, которая уже проиграна?» Люк захлопывается, мотор оживает, и танк с лязгом отползает прочь. И лишь белая тряпка полощется на ветру, словно флаг. Теперь мне понятно, почему в него никто не стрелял.

Солдаты выскакивают из окопов и бросаются бегом через поле. Сначала они исчезают в кустах, но затем видно, как они карабкаются по склону к дороге.

Там они исчезают между двумя разрушенными домами. Все больше и больше народу бежит в этом направлении. Вскоре бегство приобретает массовый характер. Бегут все — и гражданские, и солдаты резервных рот. Издалека звучат призывы:

«Солдаты, сдавайтесь! Сопротивление бесполезно!» Теперь я понимаю, что танкист говорил в рупор, а голова его была наполовину закрыта от наших пуль.

К нам подходит Ритн. На нем лица нет. «Свиньи, гнусные свиньи, — бессильно цедит он сквозь зубы и наводит на нас пистолет. — Небось тоже думаете, как бы вам перебежать на ту сторону? Только попробуйте! Тогда получите пулю раньше, чем добежите до цели». Он приказывает нам вести по дезертирам огонь. Я смотрю сначала направо, потом налево. Окоп словно вымер. Тот, кто только что был рядом, уже едва виднеется вдалеке. На дне траншеи, словно темные пятна, валяются несколько мертвых тел. Последний дезертир исчезает в кустах, вслед ему гремят редкие выстрелы. Затем начинает строчить пулемет, и я тоже открываю огонь, но целюсь в верхушки деревьев.

Я бы тоже предпочел исчезнуть, повернуться спиной к миру, спрятаться и ждать до тех пор, пока все кончится. Присяга, которую я когда-то приносил, больше ничего для меня не значит. Я чувствую, что свободен от нее, потому что теперь мне ясно, в какие игры играли с нами. Но есть и кое-что другое, что удерживает меня, несмотря ни на что. Слова «послушание» и «долг» так прочно впечатаны в наши сердца, что они начинают дымиться, как маленькие искорки, и не дают нам поступить иначе. Мы не в силах найти выход из этого лабиринта чувств, из конфликта между нашим воспитанием и здравым смыслом, который говорит с нами совершенно незнакомыми нам словами. Эти слова противоречат всему тому, чему нас учили в этой жизни. Мы не питаем ненависти к врагу, мы стреляем лишь потому, что это делают все, и поэтому стадное чувство спасает нас от личной ответственности.

Стрельба стихает. Взвод сержанта Ритна, к которому принадлежу и я, все еще в окопе. С нами несколько унтер-офицеров и обер-ефрейторов. Всего нас не более двадцати человек, которым придется оборонять окоп длиной в пятьсот метров. Мы вынуждены рассредоточиться вдоль окопа, с промежутками в пятьдесят метров. Слева расположена огневая точка, справа — тренировочные блиндажи, правда, пустые. Предполагается, что враг сюда не пойдет, потому что ему неизвестна наша точная численность.

Уже совсем рассвело, солнце время от времени прорывается сквозь облака, затем прячется снова. В ветвях деревьев со щебетанием порхают птицы. Виселицы на насыпи стадиона Рейхсштадион торчат на фоне неба, как мертвые пальцы. Надеюсь, в них больше не будет надобности.

Враг атакует, он буквально поливает нас свинцовым дождем. Нам ничего не остается, как лечь на землю. Когда же выстрелы наконец стихают, он уже в кустах, прямо перед нами. Мы собрали винтовки погибших и брошенное дезертирами оружие и сложили их перед собой на парапет. Я разжился даже такой вещью, как автомат. Мы отстреливаемся, как ненормальные. Пулемет справа от меня прочесывает кусты. Что тоже абсурд. Как бы мы хотели махнуть на все рукой и исчезнуть, но нет, мы упорно защищаем наши позиции. Пусть кто-то когда-то в своих корыстных целях обманул наше юношеское доверие, но мы по-прежнему надеемся на чудо, которое уже не в состоянии нас спасти, потому что война проиграна. Но как нам пройти через новые испытания и избежать плена? Или все-таки у нас есть иной выход? «Сражайся до последнего патрона», — шепчет мне внутренний голос. Все, во что мы верили, рухнуло, и мы остались с пустыми руками.

Враг пытается возобновить атаку. Теперь он сосредоточился на пулемете, а вот относительно блиндажей у него явно сомнения. Мы стреляем, как бездумные роботы, целимся и стреляем, и снова враг отступает, отстреливаясь и унося своих убитых и раненых. Знал бы он, сколько человек на самом деле обороняет этот окоп! Но пулемет сделал свое дело. Если бы не его прицельный огонь, нас бы уже давно не было.

Неожиданно враг отступает. Он бежит назад через отрытые позиции между кустами и карабкается на насыпь. Мы почти не стреляем ему вслед. Мы счастливы уже тем, что живы. Лишь пулемет продолжает поливать врага огнем. Зато неожиданно раздаются выстрелы позади нас. Я оглядываюсь. Теперь мне понятно, почему враг сдал свои позиции. Через все поле от казарм бегут солдаты и гитлерюгендовцы в черной или коричневой форме[107]. Мы ныряем в окоп и боимся высунуться, так как пули свистят совсем рядом. Еще мгновение — и первые из них уже прыгают в наш окоп. С ними лейтенант.

Нам предстоит выбить врага со стадиона. Для этого к нам на помощь спешит подкрепление со стороны «Дойче Индустри Верке» и других точек, где наши позиции еще сильны. Гитлерюгендовцев, еще не успевших переодеться в форму фольксштурма или вермахта, забрали из дома в Шпандау и Рулебене, так что теперь здесь примерно пара тысяч гитлерюгендовцев и тысяча солдат. Контратака начнется ровно в десять часов. Тем временем две боевые группы пробиваются в направлении стадиона от вокзала Рулебен. Сейчас они, по всей видимости, уже в районе олимпийского стадиона.

Время тянется очень медленно. К нам подходят все новые и новые отряды солдат и гитлерюгендовцев. В конце концов в окопе

становится так тесно, что трудно пошевелиться. Многие из новоприбывших остались позади нас в окопчиках и ждут, когда начнется атака. Похоже, что враг растерян, он поливает пространство пулеметным и автоматным огнем. Гитлерюгендовцы в страхе втягивают головы в плечи. В основном они вооружены старыми немецкими и итальянскими винтовками и горстью патронов. Большинство никогда до этого дня не брали в руки оружие, так что им придется учиться на месте. Одной отдачи хватит, чтобы эти дети, не устояв на ногах, попадали навзничь. Как только начнется перестрелка, большинству из них не поздоровится.

Уже почти десять часов. Неожиданно со стороны казарм по стадиону противник открывает минометный огонь. Ровно в десять мы встаем из окопов и устремляемся вперед. Нас тотчас накрывает вражеский огонь, от которого мы ненадолго находим спасение под насыпью. За зданиями прячутся русские, вернее, те из них, что бежали впереди нас и нарвались на огонь своих. И вот мы уже на насыпи, и перед нами лежит стадион. Слева доносятся звуки боя — враг медленно, шаг за шагом, сдает позиции, отступая через поле к Хеерштрассе. Наши силы распределились по всему пространству и ведут контрнаступление. Посередине идут гитлерюгендовцы и даже пытаются стрелять. Неожиданно со стороны зданий спортивной школы[108] оживает пулемет и выкашивает наши ряды. Все больше и больше мертвых тел остаются лежать на земле. Отряд слева от нас ввязался в ожесточенный бой позади зданий школы. Мы вскакиваем на ноги и бежим, поливая огнем отступающего врага. Вскоре из этих зданий нам навстречу выходят немецкие солдаты, взятые накануне в плен. Может, они тоже дезертиры?

Один взвод вырывается вперед и пытается пробиться к Хеерштрассе. Другие занимают стадион, чтобы тот снова не перешел к врагу. Мы отстаем от них и возвращаемся к казармам.

Земля усеяна убитыми и ранеными, в основном это гитлерюгендовцы, кто-то в форме, кто-то в той одежде, в какой их забрали из дому. Тех, кто остался в живых, пересчитывают. Потери в их рядах составляют восемьдесят процентов. Майор говорит, что они могут идти домой. Если надо, их позовут снова.

Мы направляемся к баракам. На дорожках между дачными домиками лежат убитые, как немцы, так и русские. Здесь также полегло немало гитлерюгендовцев. Да, слишком высокую цену мы заплатили за наш «успех»! Как минимум две тысячи убитыми и ранеными всего за один час. Увы, человеческая жизнь нынче сильно подешевела, никому до нее нет дела. Солдат или мальчишка из гитлерюгенда, женщина или мужчина, все равно.

Тот из них, кто угодил в бурлящий котел войны, обречен на смерть. Приказы всего *одного* человека приводят остальных к одной и той же точке, и если эта точка означает для них смерть, то ни ему, ни другим нет до этого никакого дела. Лучше быть убитым, чем медленно умирать с голоду в наших подвалах, как только что сказал один четырнадцатилетний мальчишка.

Здания казарм превращены в огромный полевой госпиталь. Тела мертвых складывают перед восточным корпусом. Серая солдатская форма лежит рядом с гражданской одеждой ополченцев фольксштурма и коричневой гитлерюгенда. Среди мертвых есть несколько женщин, случайно оказавшихся ночью на улицах. Сами казармы сильно пострадали, а от лазарета снарядом оторвало целый угол. В стенах зияют дыры, кое-где их успели заткнуть мешками с песком. Все это работа танка, который сейчас неподвижно застыл перед воротами. Окна разбиты, несколько машин, что накануне стояли перед штабом батальона, покорежены до неузнаваемости, теперь это просто груды металлолома. Здесь тоже повсюду валяются убитые.

Мы спускаемся в подвал и кладем оружие. Унтер-офицер Ритн и его взвод получили приказ охранять бункер с боеприпасами рядом с киностудией, я должен присоединиться к ним позже. Обер-фельдфебель Кайзер, взводный роты, вернулся, побывав в плену у русских. Его взяли врасплох прошлой ночью, посадили на русский броневик, однако он по дороге сумел с него спрыгнуть. После этого он спрятался в подвале одного из дачных домиков. Другой солдат их роты попал в плен ночью и тоже вернулся. По его словам, обращались с ними хорошо. Всех угостили шнапсом и сигаретами, и даже дали хлеба. Однако он уверен, что это была лишь уловка, чтобы удержать их от бегства к своим. Мы до сих пор не знаем всей правды.

Глава X. Туннели

Суббота, 28 апреля 1945 года (Вторая половина дня)

Я измучен и валюсь с ног от усталости. Голова тяжелая и мешает мне ясно мыслить. Впрочем, это же обстоятельство убивает также и тяжкие мысли, которые во время затишья время от времени нисходят на нас подобно жутковатым ночным теням. На нас серая форма, такие же серые и наши предчувствия будущего, что лишает нас даже последнего лучика надежды. Мне хочется одного — спать, чтобы неожиданно проснуться и обнаружить, что это был лишь дурной сон, что нет никакой войны, никаких руин, никаких растерзанных тел. Зато есть мир, есть солнце, жизнь по-прежнему бьет ключом и ей не грозит вероятность оборваться в любой момент. Увы, это лишь мечты. Мы обречены на смерть, хотя и не знаем, почему. Не знаем мы и того, почему нам нельзя жить.

В комнату входит лейтенант. Значит, еще ничего не кончено, потому что Рулебен нужно освободить от врага. Несколько боевых отрядов уже отправились в разных направлениях. Один такой отряд ушел через Рейхсштадион в направлении Хеерштрассе, чтобы очистить от врага Пихельберг. Другой отряд охраняет Рулебен к северу от вокзала городской железной дороги до самой Шпрее. Нам приказано идти вдоль ветки метро и подойти как можно ближе к центру города. Тем временем еще одна боевая группа должна пробиться вдоль дороги на Шпандау и далее к Шарлоттенбургу, чтобы тем самым укрепить слабую связь с центром Берлина. Поговаривают, будто сам Гитлер намеревается прибыть в Рулебен[109].

Рота строится рядом со зданием. Унтер-офицер Ритн взял под свою ответственность бункер с припасами, поэтому его с нами нет. Блачек тоже с нами не пойдет, как вестовой он остается при командире роты. Таким образом, я один среди не знакомых мне солдат, причем все как один старше меня. Но, думаю, со временем привыкаешь к тому, что тебя как мячик перекидывают из одного взвода в другой. Оно даже лучше — нет времени заводить дружбу, нет времени думать о погибших и раненых товарищах.

К нам со стороны казарм шагает пополнение, главным образом это те, кто отбился от своих подразделений. Они прибыли сюда вчера вечером и были вынуждены отражать ночную атаку. Теперь нам дано новое задание, такое же бессмысленное,

как и все предыдущие, потому что никак не влияет на конечный исход войны. Среди этой усталой, измученной массы людей каждый думает только о себе. Все гонят от себя тягостные думы и чувства, чтобы только не было так тяжко на душе. Стараются не думать ни о будущем, ни о настоящем, просто растворяются в общей массе, крошечные шестеренки огромного механизма, у которых нет своего назначения.

Мы строимся и выходим через ворота казармы, затем поворачиваем в направлении станции подземки. На трамвайных путях, прямо перед воротами стоит сожженный «Т-34». От указателя остановки почти ничего не осталось, однако, если присмотреться, на металлической пластине можно прочесть номера маршрутов — 54 и 154. Мы движемся вдоль улицы длинными колоннами, нас примерно пятьсот человек. Я обменял свою винтовку на автомат, что гораздо удобнее в ближнем бою. Правда, патронов для него маловато. Что толку от сотни патронов, если не знаешь, что ждет тебя впереди?

Возле станции метро мы останавливаемся. Ее невозможно узнать. Все, что не было прикреплено прочно, сорвано, вплоть до выключателей. Не иначе, это обитатели лагеря для иностранных рабочих — того, что рядом с ипподромом — помогали русским. По словам местных жителей, которые укрылись в бомбоубежище рядом со станцией, эсэсовцы устроили в лагере облаву и расстреляли тех его обитателей, у кого нашли оружие.

Мы движемся дальше вдоль линии подземки. Судя по всему, справа от нас, рядом с бассейном, русские установили пулемет, потому что здесь повсюду валяются мертвые тела — солдат и гитлерюгендовцев. Рядом со станцией «Рейхсштадион» — разбитое противотанковое орудие и его боевой расчет[110]. Несколько солдат и гражданских лиц копают в ближней части кладбища могилы и собирают мертвые тела, главным образом мальчишек из гитлерюгенда. Тех, что ранены, помогают донести до перевязочного пункта, который устроен тут же, на станции метро.

Нам приходится соблюдать меры предосторожности, потому что мы не знаем, как далеко отступил враг. Мы широким фронтом бредем вдоль линии подземки, прочесывая район. Переходим Вестенд-аллее и движемся к станции Ной-Вестенд. Русских здесь нет. Местные жители говорят нам, что враг отступил к Грюнвальду[111]. Прямо за станцией — желтый автобус BVG, окна выбиты, но сам он цел. Врага по-прежнему не видно, но издалека доносится грохот боя. Похоже, что боевая группа, отправленная через Шпандау к Шарлоттенбургу, пробилась в город, и теперь там идут уличные бои[112]. Мы оставляем справа

Пройсен-аллее, а слева — Кастаниен-аллее. Последняя ответвляется от шоссе, что ведет к Шпандау, и где-то посередине ее расположена площадь Бранитцер-платц.

На площади Адольф-Гитлер-платц[113] русских также нет, лишь там и здесь валяется русское и немецкое оружие, а также несколько мертвых тел — вот и все свидетельства того, что здесь был бой. Местные жители говорят нам, что враг отступил к станции метро Эйхкамп. Наш командир, капитан люфтваффе, который, судя по всему, понятия не имеет, как действует пехота, отправляет многочисленный отряд к Выставочному комплексу, чтобы узнать, нет ли там врага. Вскоре они возвращаются назад, дойдя почти до Дойчланд-аллее и нигде не попав под обстрел.

Судя по всему, враг занял позиции по обе стороны Кайзердамм и возле радиовышки на Мазурен-аллее. Капитан отдает приказ части бойцов двигаться дальше вдоль туннеля подземки, чтобы выйти врагу в тыл и атаковать его. Другая часть должна двигаться вдоль улицы к «Колену».

Мы бредем в направлении туннеля по пустой и заброшенной станции. На рельсах застыл поезд, кажется, мгновение — и он сдвинется с места. Или вот-вот раздастся крик начальника станции: «Осторожно, двери закрываются!» И вот мы уже под сводом туннеля — темного и затхлого. Мы на ощупь движемся вдоль путей, стараясь не производить лишнего шума, но это получается у нас плохо. Под нашими сапогами хрустит и перекатывается гравий. Жутковато брести в темноте, нащупывая путь, когда впереди — кромешная тьма. Наша путеводная нить — это электрический кабель, который подобно веревкам тянется вдоль стен. Стоит впереди кому-то замешкаться, как я налетаю на того, кто идет передо мной, и тогда у меня из глаз сыплются искры. Но затем мы вновь бредем дальше, двигаясь на ощупь, словно слепцы. Я натыкаюсь на какое-то препятствие и пытаюсь его обойти. Это брошенный поезд подземки, который стоит прямо посередине перегона. Выходит, следующая станция уже совсем близко? Здесь, под землей, любые расстояния кажутся гигантскими. Вскоре поезд остается позади. Впереди на рельсах вижу какое-то светлое пятно. Это отверстие вентиляционной шахты, которая выходит на улицу. Теперь нас от внешнего мира отделяет лишь чугунная решетка. Мне не хочется идти дальше, после кромешной тьмы этот скудный свет — сама жизнь, но на меня сзади напирают, и мы идем дальше.

Каждый раз, стоит нам миновать вентиляционную шахту, как темнота становится еще более пугающей и невыносимой. В любое мгновение жизнь каждого из нас может оборвать вражеская пуля. Нервы у всех на пределе — жутко брести вдоль путей, когда нет

ничего, кроме электрических кабелей, которые должны где-то закончиться и быть готовыми к тому, что в любую минуту по нам откроют огонь. А может случиться и так, что там, впереди, немцы, и они могут принять нас за русских. В таком случае они сразу начнут поливать нас свинцом. Наконец туннель становится шире. Теперь по нему тянется не один путь, а два, значит, скоро станция. Но нет, это лишь участок с двойными рельсами. Мы взбираемся на платформу. Обычно путь от одной станции подземки до другой занимает две-три минуты, но мы бредем уже как минимум полчаса. Выходы на платформы перегорожены железными решетками. Несколько ударов прикладами, и путь свободен. В тусклом свете виден указатель с названием станции. Мы на Кайзердамм. Огромный рекламный плакат призывает посмотреть новый фильм, «Opfergang» (Жертвоприношение). Но нам не нужно никакое кино, мы немало насмотрелись в этой жизни, мы видели смерть и сейчас тоже обречены на заклание — тупое, бессмысленное жертвоприношение.

Несколько бойцов вышли на улицу. Со стороны «Колена» доносятся звуки перестрелки, похоже, там также задействованы танки. Мне видно, как вторая часть нашего отряда движется от Адольф-Гитлер-платц. Некоторые из нас ждут, когда они подойдут ближе, другие же вновь спускаются вниз, и мы движемся дальше, прокладывая себе путь в кромешной тьме подземного лабиринта, от тайн которого у нас порой перехватывает дыхание, и тогда начинаешь чувствовать себя полным ничтожеством. Никто не мечтает о солнце и воздухе так горячо, как мы. Здесь, в темноте, нас сковывает первобытный страх. Он словно следит за нами из темноты, словно некое затаившееся злобное животное, готовое в любой момент обрушиться на нас и безжалостно уничтожить.

И вновь у нас на пути очередная вентиляционная шахта, и издалека доносится грохот боя. Где-то там, над нашими головами свистят пули, отчего по туннелю разносится громкое эхо. Вскоре оно перерастает в оглушающий гул, и мы устремляемся вперед, во тьму. Пули отскакивают от стен, впиваются в гравий, и тот взрывается фонтанчиками. Затем перестрелка неожиданно стихает, и нашим ушам становится больно от неожиданной тишины. Мы медленно бредем вперед. Мы не стреляем, потому что можем попасть в тех, кто впереди. Постепенно туннель расширяется, и мы выходим на платформу. На ней — несколько гитлерюгендовцев с фаустпатронами и бойцы войск СС. Это они открыли по нам огонь, приняв нас за русских. Их ошибка стоила нам четырех погибших и раненых. Они говорят нам, что русские заняли район, прилегающий к Рихард-Вагнер-платц. Станции

наземки Весткройц и Шарлоттенбург тоже в их руках. А еще русские заняли Бисмарк-штрассе, в промежутке между Софи-Шарлотте-платц и оперным театром, то есть вогнали клин между обеими станциями. Мы бросаем взгляд на улицу. Судя по грохоту, бой там идет нешуточный. Движущийся по улице отряд старается держаться как можно ближе к стенам домов.

Мы делимся на группы и продолжаем путь по подземному лабиринту. Наша задача — незамеченными проскользнуть мимо врага. Те гитлерюгендовцы, что прошли курс специальной подготовки и готовы к подземному бою, идут вместе с нами. Мы спрыгиваем на рельсы и медленно движемся дальше, стараясь держаться ближе к стенам. Подземные туннели то здесь, то там описывают плавный поворот, за которым вполне может скрываться враг. Мы движемся медленно, шаг за шагом. Дойдя до вентиляционной шахты, мы останавливаемся. Грохот боя снаружи доносится до нас подобно отдаленным раскатам грома, и у нас перехватывает дыхание. Похоже, что стреляют где-то рядом, возможно, прямо над нашими головами. Мы идем дальше, прижимаясь к стенам, словно они способны защитить нас от смерти и разрушения. А то, что так будет — сомневаться не приходится, особенно если учесть, что враг уже занял следующую станцию. Мы следуем дальше. Время от времени сквозь решетку очередной шахты пробивается солнечный свет и доносятся звуки боя. Как вдруг происходит то, что должно произойти, и тотчас становится легче на душе, по крайней мере, теперь мы знаем, что нас ждет.

Я бросаюсь на землю и прижимаюсь головой к прохладному рельсу. Он вибрирует, словно по нему приближается поезд. Темнота взрывается ослепительной вспышкой, и грохот взрыва тысячным эхом отскакивает от стен. Кажется, барабанные перепонки не выдержат и вот-вот лопнут. За первым взрывом следует второй, и вновь на мгновение туннель озаряется светом, и видно, как по нему бегут человеческие фигуры. Мы бежим вперед, словно нас притягивает к себе гигантский магнит, стреляя на бегу, спотыкаясь о мертвых и раненых. Из юных глоток наружу рвется дружное, оглушительное «Ура!». Мы несемся вперед, поливая свинцом темноту, ведомые слепым желанием убивать, лишь бы только не быть убитыми.

Выстрелы доносятся из туннеля откуда-то слева и рикошетом отскакивают от стен. Мы бежим вперед под смертоносным огнем. Спотыкаюсь, падаю и ползу по земле, пытаясь найти безопасное место. Неожиданно туннель вновь озаряет яркая вспышка, и на какое-то мгновение мне видны бегущие фигуры, рельсы, тянущиеся кабели вдоль стен и гитлерюгендовец, который только

что выстрелил из фаустпатрона в ответвление туннеля. Затем снова возникает темнота. На мгновение кто-то зажигает фонарик, и мне видны лежащие между рельсами тела. Я снова бегу, как сумасшедший, не чуя под собой ног и поливая свинцом темноту. Автоматная очередь неожиданно оборвалась. Магазин пуст — как и тот, что я израсходовал перед этим. Мы натыкаемся на мертвые тела, которых уже заметно больше, в основном это — гитлерюгендовцы, которые шли впереди вместе с эсэсовцами. И вновь на нашем пути вентиляционная шахта. Бой за нашими спинами не стихает. Мы не знаем, куда бежим — то ли прямо в руки врагу, то ли он атакует нас сзади.

Наконец перед нами очередная станция — Немецкая Опера. Теперь можно только воображать, какая жизнь когда-то пульсировала в этих туннелях, как по ним проносились ярко раскрашенные поезда, как они изрыгали на платформы тысячи людей, чтобы взять в опустевшие вагоны новых пассажиров. С трудом укладывается в голове, что теперь вместо этого — нескончаемый забег наперегонки со смертью. Уж лучше сражаться там, наверху, при свете солнца, где хотя бы видишь свою судьбу в виде танка и врага, чем в этих катакомбах, которые уже стали могилой для тех, кого смерть настигла между рельсов. Неожиданно я думаю о том, как нам потом попасть назад в Рулебен — ведь враг наверняка заблокировал этот участок пути, а сам туннель простреливается точно так же, как и улицы наверху. Но времени на размышления у нас нет, мы можем лишь двигаться вперед, если хотим когда-нибудь выйти из этих катакомб и вновь увидеть солнечный свет.

Мы на ощупь бредем вперед. Такое впечатление, что этой тьме не будет конца. Движемся вдоль стен, словно тени в ночи, думая лишь о том, что нас ждет дальше. Бой и не думает стихать. Позади нас стоит оглушительный грохот, от которого делается страшно, а в следующее мгновение из темноты на нас вновь обрушивается адский огонь. То здесь, то там тьма взрывается вспышками выстрелов, несущих с собой смерть. Устремляемся вперед, падаем, вновь поднимаемся на ноги, ищем укрытия за мертвыми и ранеными, потому что нам больше негде прятаться. Стреляем во тьму впереди нас. Схватка жестокая и ужасная. И вновь позади нас ухает взрыв и, подобно волне, грозящей вот-вот накрыть нас, прокатывается эхом по всему туннелю. Ударная волна катит мимо, и у нас вибрируют каски. Что это? Неужели враг взорвал участок путей, оставшийся у нас за спиной? А если он взорвет и те, что впереди? Тогда нам верная смерть, мы угодили в мышеловку, из которой нет выхода. Спотыкаясь, бредем вперед, стреляя, падая и поднимаясь вновь. Перестрелка

впереди стихает, и неожиданно перед нами появляется свет. Это взорвана вентиляционная шахта над нашими головами. Кто-то из ребят говорит, что русские несколько дней обстреливали улицу из танков и снесли крышу туннеля.

Наконец мы добрались до «Колена» — темная станция маячит перед нами как тихая гавань, даже если она не такая чистая и опрятная, как раньше. Неожиданно мне на ум приходит соседний с ней театр имени Шиллера — теперь это груда развалин. Мы стоим посреди станции и обсуждаем, что нам делать дальше. Враг еще глубже проник в туннель, но мы наверняка выйдем к своим — говорят, наши войска до сих пор удерживают в своих руках станцию «Зоопарк». В таком случае нам следует поторопиться, потому что враг вернется с минуты на минуту.

Мы идем дальше в туннель. Берлин превратился в огромный, разорванный на части, горящий лоскут. Враг уже в Тиргартене и пытается проникнуть в правительственный квартал, а вот в районе зоопарка по-прежнему немецкие войска, они словно островок посреди наводнения.

Огонь не прекращается. Мы рассредоточиваемся еще больше, и часть из нас остается на месте, чтобы сдерживать натиск врага. Позади станции «Зоопарк» снесло дорожное покрытие, и туннель обвалился. Мы вынуждены прокладывать себе путь среди лабиринта перекореженного бетона, перекрученных рельсов, обрушившихся балок перекрытия и оборванных электрокабелей. При этом мы пытаемся не попасть под огонь преследующего нас врага, огонь, который обрушивается на нас буквально отовсюду. Преодолев очередной разрушенный участок, мы вновь исчезаем под землей. Я не знаю, который час, поздно сейчас или рано. Я полностью утратил чувство времени. Странно, что я вообще еще жив. Наши ряды поредели, но гитлерюгендовцы сражаются остервенело, постоянно подгоняемые своими командирами из войск СС.

Вижу зияющее в потолке отверстие. Улица над нашими головами простреливается, вниз летят камни, и нет никакой надежды преодолеть этот опасный участок. Те, кто шел позади, догоняют нас — их лица испуганы и белы, как мел. Они тотчас устремляются вперед. Враг простреливает вентиляционные шахты противотанковыми ружьями, он уже взорвал отрезок путей за нашими спинами. Мы в западне, и нам отсюда ни за что не выбраться. Затем кто-то неожиданно перепрыгивает через завалы из остатков взорванной крыши, которые наполовину заполнили шахту, и, несмотря на свинцовый дождь, исчезает в полуразрушенном продолжении туннеля. Я следую его примеру, как и он, не обращая внимания на летящие со всех сторон пули. Я

падаю и качусь вперед, кое-как поднимаюсь и с силой сжимаю в окровавленных ладонях автомат, пока мне не становится больно. Наконец я у цели. Влетаю в туннель и ложусь на рельсы. Мне хочется одного — покоя, только покоя.

Один за другим все остальные тоже совершают прыжок. Многие остаются лежать, давая скудное прикрытие тем, кто следует за ними. Кто-то ранен и пытается ползком добраться до туннеля. Мы идем вперед, оставляя все позади себя, словно дурной сон. Неожиданно впереди нас раздаются голоса, они эхом отскакивают от стен. Кто-то кричит нам. Мы кричим ответ и ускоряем шаг. Это немцы. Мы дошли до станции Виттенберг-платц.

Садимся на платформу и устраиваем передышку, поджидая, пока к нам подойдут остальные. Один за другим они появляются из темноты и растягиваются на платформе. Они лежат повсюду, словно мертвецы. Солдаты, удерживающие станцию, опасаются, что сюда могут нагрянуть русские. Бой в туннелях метро идет безжалостный, не на жизнь, а на смерть, говорит один из них. В туннелях от своих оказались отрезаны и немцы, и русские. Многие погибли под завалами. Среди жертв гитлерюгендовцы, которые прошли курс противотанкового боя и которых потом послали в туннели. Я спрашиваю про ситуацию на станции «Зоопарк», и кто-то говорит мне, что там самые надежные укрепления — оба бомбоубежища[114], и что враг постепенно приближается к ним. Он уже достиг площади Ноллендер-платц и под прикрытием танков пробивается дальше.

Между солдатами вдоль стен сидит темная молчаливая масса — это беженцы, которые устремились в метро, чтобы найти здесь убежище от обстрелов. Они наверняка сомневаются в правильности своего решения, потому что выстрелы гремят теперь повсюду. Беженцы вопрошающе смотрят на нас, пока мы проходим мимо них. Матери прижимают к себе сыновей или пытаются закрыть их собой. Неужели они думают, что мы отнимем у этих несчастных их последних детей?

Выходим из станции в вестибюль. Он полон битого стекла, оно лежит на полу толстым слоем, словно ковер. Поверх противотанкового барьера между зданиями на Тауэнциен-штрассе и далее в направлении Ноллендорф-платц доносится отдаленный треск перестрелки. Говорят, будто район вокруг Мемориальной церкви освобожден от врага. Собираемся в кассовом зале и пересчитываем наши ряды. Из пятисот тех, кто вместе с нами спустился в туннель, осталось совсем немного, жалкая горстка. Кто-то откололся от нас на Адольф-Гитлер-платц, кто-то остался лежать в туннелях. Вместе с мальчишками из гитлерюгенда нас

теперь меньше сотни человек, и мы не знаем, что нам делать дальше.

Суббота, 28 апреля 1945 года (вечер)

Командование берет на себя унтер-офицер, по его приказу мы выходим на улицу. На город подобно темной вуали опускаются сумерки, и очертания людей становятся смазанными, нечеткими. Со стороны Ноллендорф-платц доносятся выстрелы. Мы движемся к Мемориальной церкви — некогда это был символ самой престижной улицы в Берлине, а сегодня — полусожженная развалина с одинокой башней. Вокруг — каменная пустыня, ни единого целого здания, лишь отдельные дома на Курфюрстендамм не пострадали. На перекрестке Курфюрстендамм и Харденбергер-штрассе застыл бронетранспортер. Сержант спрашивает, есть ли где поблизости место, где можно расположиться на ночь, и нас направляют в бомбоубежище. Бредем вдоль Будапештер-штрассе и сворачиваем налево в сторону зоопарка. Там рядом со станцией наземки высится монументальный бункер. Нам преграждают дорогу часовые и танки, однако как только выясняется, кто мы такие, нас ведут к бункеру, который превращен в огромный полевой госпиталь. Буквально на всех кроватях — а это, как правило, раскладушки и временные нары — раненые. Коридоры и огромные помещения бомбоубежища забиты солдатами, беженцами и ранеными. Нас ведут в просторное помещение, которое забито уже под завязку. Нам приказано ждать здесь дальнейших распоряжений. Мы разбредаемся и пытаемся найти себе место, но и без нас здесь яблоку негде упасть. Я валюсь с ног от усталости, от этих бесконечных хождений туда-сюда, оттого, что я забыл, когда последний раз нормально спал. Похоже, что я вряд ли высплюсь и сегодня.

В помещении стоит гул голосов. К тому же здесь беспрестанно работают вентиляторы, и их монотонное жужжание утомляет еще больше. На сознание давит духота, отчего начинает болеть голова. В помещение вваливается еще одна группа солдат. Они шагают, бесцеремонно расталкивая перед собой других, и вскоре располагаются рядом с нами. По их словам, русские пробились к площади Ноллендорф-платц. Савиньи-платц тоже в их руках. Враг пытается вклиниться между зоопарком и Виттенбергер-платц от угла Аугсбургер-штрассе и Пассауэр-штрассе. Харденбергер-штрассе удалось очистить от русских только до «Колена». Кольцо вокруг зоопарка сжимается все

плотнее.

Гражданские утверждают, что в бункере находятся Ханна Рейч и майор Рюдель[115]. Из этого следует, что бункер будут защищать до последнего солдата. Это будет последний оплот рейха, если вдруг случится так, что правительственный квартал перейдет в руки большевиков. В бункере можно разместить до десяти тысяч человек, из них половина — это беженцы и раненые[116].

Поговаривают также о каком-то секретном оружии, которое вот-вот должны применить, оно якобы изменит ситуацию в нашу пользу. Если верить слухам, это какая-то новая бомба, которую можно сбросить на Америку, причем она обладает такой разрушительной силой, какую трудно себе представить. По-моему, это очередная газетная утка, призванная поднять в нас боевой дух. Из рук в руки передают газету, в которой говорится, будто к Берлину движется некая резервная армия, которая вскоре вступит в бой[117].

Уснуть в таком шуме невозможно. Мы лежим в бункере словно в огромном гробу со стенами толщиной в метр. Кого здесь только нет: и солдаты, и мирное население со всех концов Берлина. Женщина из Вайсензее все корит себя за то, что не осталась дома, тем более что русские овладели этим районом практически без боев. Здесь, в бункере, начинаешь понимать: некоторые люди тронулись умом, и все из-за уличных боев. Мирные граждане оказались втянуты в военную мясорубку. И вот теперь они сидят здесь, потеряв всякую надежду, и молятся о том, чтобы их страданиям как можно скорее пришел конец.

Геббельс приказал защищать бункер до последнего солдата. Ходят слухи, что в отношениях между русскими и американцами наметился раскол. Накануне дня рождения Гитлера, когда мы еще стояли на Одере, Геббельс произнес по радио речь. В ней он говорил примерно то же самое. Вслед за газетой по кругу пошла листовка. Мне ее почитать дает пожилая женщина с ребенком. Она также сообщает мне, что она бабушка малыша, а мать ребенка погибла. Противоестественный союз между западными плутократами и большевиками вот-вот распадется. Их преступный заговор сокрушен самой судьбой. Той самой судьбой, которая позволила Гитлеру 20 июля 1944 года встать во весь рост целым и невредимым среди развалин, среди мертвых и тяжелораненых людей. Я ни разу не видел его колеблющимся или потерявшим присутствие духа. Он всегда и во всем идет до конца и ждет того же от нас, своего народа. Нет, не крушение ждет нас впереди, а новый подъем немецкого духа и счастливое процветание Германии.

Этот призыв напоминает мне голос из могилы. Когда мы были на Восточном фронте, нас заставляли поверить в то, что вот-вот произойдет чудо. Нам говорили, будто англичане и американцы заключили с нами мир и что у нас остался только один враг — русские. Тысячи солдат отдали свои жизни, потому что поверили в эту ложь, хотя им уже не раз лгали раньше. Те же, кому повезло вернуться в Берлин живыми, были обмануты вновь — им говорили, будто город занят войсками западных держав.

За толстыми стенами бункера нашли укрытие не только простые люди, но и важные персоны — повсюду расхаживают высокопоставленные партийные чины, я даже заметил несколько обладателей Рыцарского креста.

Какой-то солдат неожиданно говорит, что на платформе наземки «Потсдамер-платц» какой-то гаулейтер[118] устроил свой командный пункт. В коричневом кожаном пальто и с автоматом под мышкой он якобы расхаживает по платформе и ухмыляется. Он и его штабные ведут веселую жизнь в небольших железнодорожных будках на платформе, мол, у них там вино и шампанское, в то время как беженцы на противоположной платформе голодают и не знают, где им укрыться от артобстрела. Похоже, что этот «вождь народа» пытается насладиться последними каплями из чаши изобилия. То, что рассказывают многие мирные жители, с трудом укладывается в голове. Однако достаточно взглянуть на их скорбные лица, как тотчас начинаешь видеть вещи в новом свете.

Один солдат говорит, что вчера в бункере под рейхсканцелярией Гитлер сочетался браком[119]. Это что, очередной слух? Хотел бы я посмотреть на это бракосочетание, когда вокруг громыхают пушки! И мы по-прежнему должны сражаться ради этого человека, которому Германия больше не принадлежит. И лишь потому, что мы принесли ему присягу верности, все мы — и солдаты, и мирное население — должны идти на смерть. Кто-то говорит, что Гитлер женился на актрисе и что на новой банкноте в двадцать марок она будет изображена в виде крестьянки-молочницы.

Всех охватывает уныние. Мало кто в это верит, в том числе и я. Думаю, что многие люди, потрясенные слухом о том, что Гитлер женился, наконец призадумались. Кто-то говорит, что, как только Берлин падет, Гитлер вместе со всем правительством вылетит самолетом из Рулебена в Бразилию, чтобы оттуда руководить сражением — ну, если не в Бразилию, то все равно как можно дальше от фронта — туда, где его жизни ничто не угрожает. Другой солдат утверждает, будто видел Гитлера, когда тот 27 апреля садился в броневик и требовал, чтобы его отвели к

месту боев в районе Тиргартена[120]. По-моему, это очередная байка, как и другие, ей подобные. Несколько лет назад говорили, будто Гитлер лично сидел в окопах на передовой на русском фронте и даже вел за собой в атаку солдат. Правда, эта байка очень скоро испустила дух.

Мимо рядов идут медсестры Красного креста. Говорят, будто отсюда удалят всех гражданских, потому что бункер хотят превратить в оборонительный рубеж. В этом бункере нашли убежище самые разные люди, пришедшие сюда со всех концов Берлина. Они бежали сюда от ужасов войны, которая могла в любую минуту настичь и их самих. Здесь, за метровыми стенами, они чувствуют себя в безопасности и могут переждать самые тяжелые часы войны. Как их теперь отсюда выгнать? Это ведь огромный госпиталь, последнее прибежище берлинцев. Да и найдется ли место в этом истекающем кровью городе, где тысячи раненых смогут ощутить себя в безопасности?

Вызывают группу солдат, что пришли сюда после нас. Они уходят. Неожиданно все начинают нервничать. Говорят, будто русские внезапно пробились вперед. Где и когда, этого никто не знает.

Вскоре входит наш рулебенский командир и приказывает нам приготовиться. Война продолжается. Затем он исчезает снова. Мы встаем и направляемся к выходу, где останавливаемся и ждем. Глядя на нас, мирное население выказывает признаки беспокойства. Вскоре возвращается наш командир, и мы колонной шагаем следом за ним по коридору, и по мере того, как мы идем, к нам присоединяются солдаты из других помещений. Затем мы спускаемся вниз по ступеням, минуем часовых и выходим в ночь.

Тяжелые бронированные двери захлопываются вслед за нами. Оказавшись после яркого света в темноте, мы на мгновение теряем зрение. Где-то совсем рядом рвутся снаряды и громыхают артиллерийские орудия и танки. Насыпь наземной линии метро тянется справа от нас, по ту сторону от нее — еще один бункер[121]. Мы длинными колоннами движемся вперед. Темная громада бункера угрожающе высится за нашими спинами.

Воскресенье, 29 апреля 1945 года

Мы подходим к линии наземного метро и движемся в сторону станции. Зоологический сад остается слева от нас. Мы движемся вдоль обеих сторон улицы длинными колоннами, примерно 250 бойцов. Боевая группа, которая на Адольф-Гитлер-платц

разделилась на две и пробивалась с боями вдоль улицы, понесла тяжелые потери и вышла к бункеру после нас. Враг же с наступлением темноты затаился в соседних переулках.

Грохот боя доносится одновременно со стороны Виттенбергерплатц и Нюрнбергерплатц, причем все громче и ближе. Кольцо окружения вокруг бункера у Зоопарка сомкнется в ближайшие часы. Территория к востоку от Хоф-Егер-аллее и до Виттенбергерплатц уже перешла в руки к врагу, который одновременно пытается пробиться и к правительственному кварталу и через Большую Звезду к Бранденбургским воротам. По крайней мере, так говорит штабс-фельдфебель, который проходит вдоль наших рядов и велит нам сомкнуться. Если нам повезет, то мы пробьемся к Рулебену без потерь, что в данный момент вполне возможно, так как грохот боев доносится лишь с юга и с востока. Я удивлен, что нам позволили уйти от зоопарка, где каждый человек на счету, однако штабс-фельдфебель говорит, что здесь для нас нет провианта и что твердыня в Рулебене требует, чтобы мы вернулись к ней, поскольку наш отряд первоначально был сформирован именно для ее обороны.

Вскоре из темноты вырастает здание станции наземки. Улица усыпана битым стеклом и камнями. Мы проходим под мостом на Херденбергер-штрассе и направляемся к «Колену». Над нашими головами в железнодорожных путях зияет дыра, сквозь которую видно звездное небо, — по всей видимости, результат прямого попадания снаряда.

Мы движемся дальше, стараясь держаться как можно ближе к домам и руинам. Где-то вдали за нашими спинами, словно раскаты грома, грохочет бой, тишину ночи взрывают артиллерийские залпы. Мимо нас торопятся последние мирные жители — они тащат на себе свои пожитки и вскоре исчезают в направлении бомбоубежища возле зоопарка. Какой-то ребенок заблудился в темноте и плачет. Впереди виднеется полуразрушенная баррикада из перевернутых трамваев, позади нее заняли боевую позицию какие-то солдаты[122].

Затем в ночи вырастает еще одна баррикада. Трамваи — на одном даже можно разглядеть табличку с номером маршрута 58 — образовали дополнительное заграждение позади стены из камня и бетона. Солдаты, которые ее обороняют, говорят, что этим вечером враг отступил на вчерашние позиции, правда, они не знают, к какой улице и заняты ли русскими здания на Кайзердамм.

Мы перелезаем через баррикаду и вновь оказываемся на ничейной земле в самом сердце Германии, в центре Берлина. Мы, крадучись, движемся вдоль стен — ведь в любую минуту враг

может обрушить на нас дождь огня и стали. Вокруг нас — бесконечная каменная пустыня, и нам становится не по себе посреди безжизненных развалин. Мы на ощупь продвигаемся вперед, шаг за шагом, внимательно прислушиваемся к ночным звукам. Вот где-то залаяла собака, и мы тотчас сбиваемся вместе. В темноте ночи собачий лай звучит печально и жалобно. Снова становится тихо, и мы продолжаем путь. Наконец мы приближаемся к «Колену». Отсюда к Большой Звезде справа от нас пролегла улица Шарлоттенбургер-шоссе[123]. Справа от нас высится баррикада, правда, брошенная. Из станции метро на мгновение выглядывает чье-то лицо, но затем исчезает вновь.

Два часа ночи. Нам предстоит еще одна бессонная ночь, еще одна ночь, полная страха, когда не знаешь, доживем ли мы до утра. Неожиданно от Лейбниц-штрассе доносятся выстрелы, и мы тотчас стряхиваем с себя сонливость, хотя только что по улице мы двигались, как в полусне. Впереди что-то происходит. Мимо нас свистят пули и врезаются в стены. Мы наугад открываем ответный огонь и перебегаем на другую сторону улицы. Продолжаем на ощупь двигаться вперед, только теперь все наши чувства предельно обострены. Оставляем позади наших мертвых. Похоже, что враг сильно проредил наши ряды, потому что стрельба позади нас усилилась. Минутой позже сзади раздаются шаги, и из темноты вырастают человеческие фигуры. Сначала мы думаем, что это русские, но потом оказывается, что свои.

Кажется, что Бисмарк-штрассе не будет конца. Неожиданно перед нами вырастает станция метро «Немецкая опера». Решетка вырвана и покорежена пулями, вывеска сорвана и валяется в канаве. Мы останавливаемся, и несколько бойцов осторожно спускаются вниз, чтобы проверить, нет ли там случайно неприятеля. Какое-то время спустя они возвращаются и приводят с собой еще несколько других солдат, которые остались здесь вместе с беженцами. Их так мало, что они решили — им нет смысла в одиночку пробиваться назад в Рулебен. Как нам сказали еще сегодня днем, враг, судя по всему, занял Рихард-Вагнер-платц и станцию наземки «Шарлоттенбург». Они точно не знают, есть ли враг на этой улице. Очевидно одно — в руках русских значительный отрезок Бисмарк-штрассе.

Мы пытаемся двигаться вперед как можно тише, но это плохо у нас получается. Наши кованые сапоги мешают нам шагать бесшумно. Нам вновь дают команду стоять, и мы подходим ближе, чтобы посмотреть, что там происходит. Впереди, в сотне метров от нас, маячит баррикада, а перед ней какой-то темный силуэт, похоже, что русский танк. Мы стоим, боясь пошелохнуться. Кто-то негромко просит подать ему фаустпатрон,

и мы передаем его впереди идущим. Затем мы вновь медленно движемся вперед, и каждое мгновение тишина может взорваться выстрелом, который отправит нас в царствие небесное. Те, кто идут впереди, уже, должно быть, дошли до баррикады, но мы не слышим ни единого звука. Это вселяет в нас надежду. Мы ускоряем шаг и проходим мимо сожженного бронированного монстра. Это наш сгоревший «Тигр». Люк на башне откинут, ствол пушки слегка погнут, вокруг валяются мертвые тела. По шлемам видно, что здесь и немцы, и русские. Среди убитых есть даже русская женщина в коричневой форме, она лежит на земле, волосы ее растрепались.

У нас вырывается вздох облегчения. Мы Осторожно перелезаем через баррикаду и быстрыми шагами идем дальше. Наша колонна извивается вдоль улицы, как змея. В сердцах даже проснулась надежда на то, что все будет хорошо, что мы доберемся до казарм без боя и жертв. Время от времени нам на пути попадаются убитые — кто-то лежит один, кто-то группами, среди них есть даже те, кто вчера вышел вместе с нами из казармы. На одной стороне улицы застыл сожженный бронетранспортер войск СС, ближе к стене дома — противотанковое орудие, его расчет погиб, все до единого. Повсюду также виднеются подстреленные машины вермахта и гражданские автомобили. На мостовой лежит убитая лошадь, все еще запряженная в телегу. Два человека с тазами и ножами вырезают из ее тела куски мяса. Вот они пытаются отрезать целиком ляжку. Третий мужчина стоит рядом, взяв на себя роль часового. Они с испугом смотрят на нас, но мы гордо проходим мимо. Неужели они думают, что мы отнимем у них мясо или заставим пойти вместе с собой?

Впереди в полутьме вырисовывается очередная станция подземки. Мы делаем короткую передышку. Это площадь Софи-Шарлотте-платц. Здесь тоже, как и во всем Берлине, станция метро до отказа забита беженцами, сумками, тюками и даже кое-чем из мелкой мебели. Мы спускаемся вниз, чтобы проверить, нельзя ли дальше пойти вдоль подземных путей. Оставляем на улице пару часовых, пока не решим, где лучше идти дальше — по верху или под землей.

Решено разделиться на две группы. Одна команда пойдет вдоль улицы к Адольф-Гитлер-платц, другая попробует идти туннелем. Я присоединяюсь к той, что пойдет улицей, так как хотя внизу и безопасней, я не хочу вновь оказаться под землей. Уж если сражаться, то лучше здесь, на поверхности, чем в подземном туннеле, который легко может стать твоей могилой.

Вторая группа спускается в метро. Наша группа до

определенного времени будет ждать их на Адольф-Гитлер-платц. Если мы к тому моменту не встретимся, то каждая группа продолжит путь сама по себе.

Неожиданно нас догоняет кое-кто из солдат, тех, кто первоначально должны были возвращаться назад туннелем. Судя по всему, здесь, наверху, все же приятней, чем в темноте под землей, где смерть из-за угла может настичь тебя в любую минуту. Мы продолжаем идти вперед, стараясь держаться как можно ближе к домам. Наши шаги громким эхом отдаются по мостовой. Время от времени мы останавливаемся и прислушиваемся. Где-то вдалеке гремит выстрел, в темноте он похож на раскат грома. Замираем на месте, ни живы ни мертвы от страха, тревожно вглядываемся в темноту. В какой-то момент улицу перебегает какая-то фигура. Мы уже готовы открыть по ней огонь, как вдруг оказывается, что это лишь огромный пес, который преодолел улицу в несколько прыжков. Откуда-то доносятся голоса. Кто это? Пьяные, которые выясняют отношения, враг или все-таки свои, немцы? Мы проходим мимо баррикады, позади которой лежат мертвые гитлерюгендовцы. У одного в руках фаустпатрон — он так и не успел из него выстрелить. У другого вместо головы кровавое месиво. Продолжаем идти дальше. Мы, как загнанные звери, то и дело принюхиваемся к воздуху, замираем и прислушиваемся. Неужели на этих вымерших улицах мы одни? Баррикады в переулках пусты, и лишь кое-где среди руин высится неповрежденное здание, впрочем, тоже пустое. Небо затянуто тучами, сквозь которые лишь кое-где проглядывают звезды. По улицам дует ветерок, поднимая с земли обрывки бумаги и жженых тряпок, которые медленно кружатся в воздухе.

Мы доходим до темного провала под улицей — это линия наземки, соединяющая Витцлебен и Сименс-штадт. На мосту сооружена баррикада из нагроможденных друг на друга машин. Протискиваемся между простреленных автомобилей и выходим к станции метро Кайзердамм, последней перед Адольф-Гитлер-платц. На станции мы интересуемся, не подошла ли сюда наша вторая группа. Нам отвечают, что нет. Мы садимся на платформу, не выпуская из рук винтовок, готовые в любую минуту открыть огонь, и ждем. Из темноты туннеля доносятся звуки шагов. Берлинцы, которые расположились здесь на ночь на ящиках и стульях, зажгли несколько свечек. Свечи отбрасывают тусклый свет, и на кафельных стенах станции, подобно призракам, пляшут огромные тени. Со стен свисают рваные афиши кинофильмов и театральных спектаклей — напоминания о жизни, которой больше нет. Улыбающаяся женщина на одном из плакатов

рекламирует крем «Нивея».

Поворачиваю голову и прислушиваюсь. До меня доносятся шаги кованых сапог — примерно так же, как громыхание рельсов, когда к платформе приближается поезд. Затем из темноты появляется первая человеческая фигура и вскарабкивается на платформу. Постепенно за ним подтягиваются и остальные, и мы еще какое-то время ждем. Ночь уже почти позади, еще одна бессонная ночь. Сколько их было таких, начиная с тех пор, как начались бомбежки? Тело уже успело привыкнуть к ним — так же, как оно привыкло почти обходиться без пищи.

Мы вновь отправляемся в путь. Наши товарищи из «подземной» группы вновь спрыгивают на рельсы и один за другим исчезают в туннеле. Некоторые из нас, кто до этого предпочел остаться на поверхности, присоединяются к ним.

Стало заметно светлей. Ночь близится к концу, но как медленно! На небе еще кое-где слабо мерцают звезды, словно провозвестники нового дня, низко бегут облака. Мы продолжаем двигаться мимо зданий, почти уверенные в том, что последняя станция метро не станет для нас препятствием. Я едва ли не сплю на ходу. Наш отряд теперь совсем малочисленный, человек пятьдесят, не больше, потому что остальные предпочли идти подземным маршрутом.

Кое-где на улице виднеются остовы сожженных зданий. Налево от нас высится задние Дома Радио[124]. Правда, отсюда, где мы сейчас находимся, радиовышка на территории выставочного комплекса нам не видна. Неожиданно перед нами открывается площадь Адольф-Гитлер-платц, бывшая Рейхсканцлер-платц.

Вторая часть нашего отряда нас опередила и уже дожидается нас на станции метро. Вместе мы продолжаем идти вдоль ветки метро. Теперь нам можно не опасаться, что нас остановят. Рядом со станцией метро «Ной-Вестенд» виднеется еще одна баррикада, из-за которой на нас с удивлением выглядывают немецкие солдаты.

Мы наконец доходим до станции наземки, спускаемся с насыпи и идем вдоль нее по направлению к мосту через Шпандауэр-шоссе, где вновь выходим на дорогу. Затем проходим мимо станции метро «Рулебен», напротив которой солдаты из казарм выставили часовых. Не доходя до ворот казарм, сворачиваем налево и идем мимо съемочных павильонов киностудии «Марс». Я останавливаюсь, когда мы подходим к бункеру-складу, и пропускаю остальных вперед. Вегнер, который сегодня стоит здесь на часах, засовывает мне в карманы банку тушенки и плитку шоколада. Затем я устало бреду в направлении

здания, где располагается рота выздоравливающих, откуда ушел вчера днем. На небе гаснут последние звезды, и на востоке медленно занимается новый день.

Когда я докладываю о своем возвращении, мне велят идти в соседнюю комнату, в которой расположился командир нашего взвода, обер-фельдфебель Кайзер и его солдаты. Блачек как вестовой приписан к другому помещению. Я ищу взглядом свободное спальное место и буквально ползу к койке в углу. Снимаю шинель и ложусь. В помещении темно и стоит тяжкий дух. Кто-то громко храпит, и этот храп сливается с глубоким дыханием солдат, но я почти ничего не слышу, потому что мгновенно проваливаюсь в сон.

Глава XI. Снова в казармах

Воскресенье, 29 апреля 1945 года (после полудня)

Просыпаюсь поздно. Уже давно светло. Лейтенант приказал освободить меня от караула, и поэтому мне удалось нормально выспаться. Мои новые товарищи, главным образом пожилые солдаты, имеющие многолетний опыт службы в рядах вермахта, лежат на койках или едят из котелков водянистый суп, который им выдали в полдень. Встаю, чувствуя во всех конечностях свинцовую усталость. Подхожу к Блачеку и прошу ложку супа. Это водянистая похлебка из капусты. Спрашиваю, какая обстановка на фронте. Блачек отвечает, что враг снова захватил Рейхсшпортфельд, но, очевидно, не проявил интереса к казармам или недостаточно силен и поэтому не желает в данный момент наступать. Вчера захватили несколько пленных, среди них даже был один комиссар. После допроса их всех расстреляли. Стоит ли тогда удивляться, что русские точно так же поступают с нашими пленными!

Позднее получаю приказ поступить в распоряжение обер-фельдфебеля Кайзера и вместе с его отделением обыскать лагерь иностранных рабочих, расположенный возле линии наземки. Нас двадцать человек, мы хорошо вооружены — как для настоящего боя. Когда спрашиваю соседа, зачем мы туда идем, то получаю ответ, что я скоро сам все узнаю.

Идем вдоль линии наземного метро, затем сворачиваем налево, прямо напротив киностудии, и проходим под мостом. Лагерь иностранных рабочих, который нам нужен, находится по ту сторону насыпи. Когда мы входим через ворота лагеря, несколько мужчин и женщин с испуганными лицами торопливо разбегаются по домикам. Получаем приказ окружить жилые помещения, а обер-фельдфебель отправляется в караулку, которую охранники устроили в здании кухни. Затем начинаем обыск домов. Очевидно, оружие и боеприпасы иностранного производства спрятаны там.

Каждому из нас достается по комнате. Когда я вхожу в свою, несколько женщин испуганно забиваются в угол и со страхом смотрят на меня. Без особого рвения обыскиваю постели и шкафчики, затем сажусь на стул. Женщины немного успокаиваются и осмеливаются выйти из угла.

— Оружия нет, оружия нет! — монотонно бормочут они. Из соседней комнаты доносится громкий женский голос,

сопровождаемый ударами винтовочного приклада по полу. Девушка, немного говорящая по-немецки, неожиданно сообщает, что теперь будут убиты еще несколько человек, так же, как и вчера. Другие женщины, те, что постарше, начинают плакать. Шум за дверью становится еще громче. Здесь находятся главным образом иностранные рабочие из Бельгии, Голландии и Франции. Чтобы немного успокоить плачущую женщину, выполнявшую роль переводчицы, я спрашиваю ее о мужчинах. «Расстреляны, — коротко отвечает она. — Живы только те, что находятся в кухне. Все остальные расстреляны».

В соседней комнате неожиданно становится тихо. Голоса переместились куда-то во двор. Вздрагиваю от резкого выстрела. Женщины крестятся и снова начинают плакать. Одна из них бросается ко мне и начинает целовать руки. Потрясенный, я не знаю, как остановить ее, и резко отталкиваю. Женщина отпускает меня и тихонько пятится назад. Теперь женщины следят за каждым моим жестом, в их глазах читается страх. Когда они понимают, что я не причиню им никакого вреда, охватившее их напряжение немного спадает. Они по-прежнему плачут, но уже совсем тихо, почти беззвучно.

Слышу из соседней комнаты приказ выходить наружу и строиться. Обер-фельдфебель Кайзер стоит во дворе. Мы один за другим выходим из домиков. Обер-фельдфебель держит в руках пулемет русского производства, обнаруженный в одном из домов.

— Во мне закипает отвращение! — Это единственное, что он произносит. Нам приходится снова обойти жилища иностранных рабочих и посмотреть, не спрятано ли оружие в тайниках под домами. Позади одного из бараков лежит куча мертвых тел. Это мужчины, которых перенесли сюда женщины, мужчины, которых расстреляли вчера за то, что в одном из бараков был обнаружен радиоприемник и оружие. Среди убитых и несколько женщин. На песке видны еще свежие следы крови — там, где только что застрелили женщину, в шкафчике которой нашли кинжал, какими вооружают членов гитлерюгенда.

Лагерная стража, мальчишки в мундирах войск СС находятся в кухне, где все кастрюли за исключением одной разбиты вдребезги. Это постарались иностранные рабочие в награду за вчерашние «подвиги» немцев. В углу сидят несколько гражданских из числа кухонной обслуги. Им посчастливилось остаться в живых после вчерашней бойни, спровоцированной обыском. Эсэсовцы хвастаются тем, как быстро они перестреляли «этих паршивцев». Я ужасаюсь при мысли о том, что эти молодые парни могли получить приказ стрелять не только в иностранных рабочих, но и в таких солдат, как мы. Неожиданно вспоминаю о

том, как нас заставляли «добровольно» вступить в войска СС, когда мы отбывали трудовую повинность[125].

Нас заставили бегать вечером под проливным дождем. Мы были одеты лишь в спортивные костюмы, которые позже нам приказали снять. Все промокли до последней нитки. Стоял февраль, и мы продрогли до костей. Нас гонял тот самый баварец, капитан Нойхофф, которого я окрестил «баварской галушкой» и который особенно «полюбил» меня за это. Он приказал нам остановиться прямо посреди поля, покрытого вязким месивом из грязи и снега, и спросил: «Кто желает вступить в войска СС?» Никто не выразил такого желания, потому что подобное днем нам уже предлагал лейтенант СС. «Что? По-прежнему никто не хочет?» После этого начались измывательства. Нам пришлось лечь лицом в снег и лужи с ледяной водой, держа в руках наши спортивные костюмы. После этого снова последовало предложение: «Те, кто добровольно согласится поступить в войска СС, могут прямо сейчас вернуться обратно в лагерь. Они получат три дня отдыха». Свое согласие выразил Хауффе и был тут же отпущен в лагерь. Но в тот вечер он оказался единственным, кто поддался на уговоры Нойхоффа. Нам же снова пришлось бегать по мокрым полям и лесам, шлепая по лужам и перепрыгивая через ручьи, дрожа от холода и думая лишь одно — «Это неправильно!». Нам велели остановиться лишь тогда, когда уже практически начало светать. «Так, значит, эта безмозглая деревенщина не понимает меня», — цинично заявил Нойхофф. Только тогда он разрешил нам вернуться в лагерь, умыться и надеть форму. Настало утро. После завтрака военная подготовка продолжилась, однако о вступлении в войска СС речь больше не шла.

Мы прошли через ворота лагеря для иностранных рабочих, дав возможность оставшимся в нем несчастным облегченно перевести дух. Им подарена жизнь, но кто знает, надолго ли?

Останавливаемся возле подземной станции метро. Несколько гражданских появляются из бомбоубежища и просят у нас еды. Они не ели три дня, но мы ничем не можем помочь им, потому что у нас самих нет ни крошки.

Возвращаемся по городским улицам в казармы. Нам навстречу идет одна из спешно набранных вспомогательных рот, она возвращается с передовой. Это седоволосые пожилые мужчины и совсем мальчишки в форме гитлерюгенда. Среди них всего несколько кадровых солдат. Практически у всех на обычной штатской форме видны военные знаки различия. На многих мундиры с обычными брюками и пилотка. Эта масса усталых людей обрела судьбу пушечного мяса.

Вернувшись в казарму, ложусь на койку и тщетно пытаюсь забыть события последних часов. Немного позже отправляюсь прогуляться по казармам, которые кажутся мне необычными, будто я впервые вижу их. Развешенные на стенах таблички «маршевая рота», «боевая рота» — теперь выглядят почему-то иллюзорно. Теперь вместо них впору вешать другие — «1-й госпитальный блок», «2-й госпитальный блок», «1-й блок для беженцев», «2-й блок для беженцев» и «3-й блок для беженцев». Табличка должна указывать в направлении Рейхсшпортфельда, а на плацу следует разместить таблички «1-е кладбище» и «2-е кладбище». После этого не мешало бы поставить следующие указатели — «1-я братская могила», «2-я братская могила», «100 убитых» и «200 убитых».

Вот во что должны бы превратиться казармы — в огромное кладбище тел и душ. На полу конюшни, присыпанном песком и соломой, лежат беженцы с детьми. В помещении гуляют сквозняки, потому что окна выбиты, а стены зияют пробоинами от снарядов и завешены попонами и тряпьем. Люди сильно истощены, не имея нормальной еды и воды вот уже несколько дней. Они живут на скудных остатках пищи из самых последних запасов.

Перед корпусом вещевого склада стоит желтый автобус, до верха набитый обувью и военной формой. Солдаты переносят их на склад, а стоящий рядом чиновник аккуратно пересчитывает каждый предмет и заносит его в огромную амбарную книгу. Все это уже не нужно солдатам, и батальонные командиры отказались от этих вещей, однако они тщательно складируются и будут лежать на полках, видимо, до тех пор, пока их не захватит враг или не разнесет в клочья вражеский снаряд. Но тут уже ничего не исправишь, приказ есть приказ, или, как говорит квартирмейстер, шнапс есть шнапс. Поэтому все регистрируется самым скрупулезным образом, причем в трех экземплярах. Военные процедуры нужно выполнять в любом случае, даже под страхом смерти.

За столовой по-прежнему стоят ведра с объедками из офицерской столовой, в которых когда-то любили копаться венгры. Кто знает, что теперь случилось с этими мадьярскими бедолагами?

Возвращаюсь в подвал. Приходит Блачек и делится со мной несколькими сигаретами. Чуть позже распределяют часы караула. Мне везет, я могу спокойно спать до восьми утра.

Медленно приближается вечер. На столе горят коптилки, освещая лица собравшихся вокруг него солдат. Вестовой обер-фельдфебеля пытается заполучить мой пистолет. Старый

опытный солдат, он пытается выманить его у меня, однако это ему не удается, и он удаляется, сделав недовольное лицо. Вскоре приходит обер-фельдфебель и раздает пайки — одну упаковку хлеба в целлофане на четверых человек. Открываю одну из банок консервов, которые мне дал Вегнер, и съедаю ее. Затем отламываю шоколад долька за долькой и ем, пока не чувствую себя насытившимся.

Сейчас почти восемь часов. От ровного гула голосов погружаюсь в сонное состояние, глаза мои слипаются. Кто-то неумело наигрывает на губной гармошке, ему пытаются негромко подпевать. Меня окутывает со всех сторон низкий басовитый рокот различных звуков, напоминающих шум моря, мощный, но в то же время мирный. Медленно погружаюсь в мир сновидений.

Понедельник, 30 апреля 1945 года

Стою в карауле у входа в подвал. Хотя окружающий мир неуклонно рушится, ритуал несения караула все равно соблюдается. С серьезным лицом мне придется делать положенное количество шагов по битому кирпичу и осколкам стекла.

К счастью, рота выздоравливающих не участвует в караульной службе казарм. Эта обязанность возлагается на маршевую роту, которая в ее нынешнем состоянии не отправляется на передовую, потому что русские находятся еще далеко. Ее используют в качестве охранной роты, находящейся под началом командира батальона. Она, пожалуй, представляет собой единственный личный состав, обслуживающий казармы, которые превратились в подобие голубятни для вспомогательных подразделений.

В нашу задачу входит охрана нашего здания. Ротный обер-фельдфебель считает, что иначе мы разучимся подчиняться уставу. Караульная служба символизирует солдатские обязанности, которые никто не в силах отменить. Однако каждый раз, когда представляется такая возможность, мы стараемся сократить священные часы караула, утроив короткий перекур. Мы уже не те невинные глупыши, которыми были в первые дни после призыва.

Оставив дверь полуоткрытой, пытаюсь развлечься чтением книги, которую начал читать еще раньше. Ко мне подходит какой-то мальчишка в истрепанной до состояния лохмотьев одежде с огромной хозяйственной сумкой и еле слышно просит что-нибудь поесть, уверяя меня, что не видел еды вот уже несколько дней.

Мне до слез жалко его, сильно истощавшего ребенка со старческим печальным личиком. Я бы с радостью поделился с ним едой, но у меня, к несчастью, ничего не осталось. По вечерам мы получаем лишь тонкий ломтик хлеба, который приходится растягивать на целый день. Провожаю его полным сочувствия взглядом, когда он грустно уходит.

Гражданское население не получает никакой еды с тех пор, как русские заняли окраины города. Полиция и войска СС охраняют продуктовые склады, расположенные на берегах Шпрее, до тех пор, пока враг не оказывается в опасной близости, угрожая захватить их. В подобном экстренном случае они взрывают их. Хотя берлинцам вот уже несколько дней нечего есть, продуктовые склады взлетают на воздух из-за бессмысленной ярости охраняющих и их безумной страсти к разрушению.

После девяти часов меня сменяет Хюзинг. Ложусь на койку, но уже через несколько минут ротный обер-фельдфебель сгоняет меня с места, заставив отправиться, захватив оружие, на второй этаж. Лестница усыпана кирпичным крошевом и битым стеклом. Герке стоит на лестничной площадке и сообщает, что нам приказано охранять вещи, разбросанные среди обломков. Чуть позже на втором этаже появляется ротный обер-фельдфебель с несколькими солдатами и приказывает расчистить пустые комнаты. Большая часть столов и настенных шкафов перевернуты и разбиты, в стенах зияют огромные дыры — следы выстрелов танковых орудий. Среди устилающего пол мусора валяются продавленные каски и разорванная в клочья военная форма. Обер-фельдфебель с пафосом заявляет, что на это имущество вермахта могут покуситься разместившиеся по соседству с нами гражданские, и мы должны поставить охрану, чтобы не допустить случаев мародерства. Того, кто посмеет взять хотя бы клочок военного имущества, следует расстреливать месте. Это просто смехотворно. Абсурдно охранять этот хлам, без которого вермахт явно не обеднеет. Похоже, что нас заставляют охранять обычный мусор.

Вскоре после десяти часов меня сменяет на посту Шомберг. Я запомнил его имя потому, что штабс-фельдфебель сунул мне листок со списком личного состава нашей роты. Передаю список своему сменщику. Мы с Блачеком не видим ни одного знакомого лица среди наших новых сослуживцев. Нам повезло, что мы оказались в новоиспеченном подразделении, а не в нашей старой роте, которая будет переброшена прямо на передовую, в какую-нибудь другую часть города.

Отправляюсь к складу, где находятся мои остальные товарищи, которые призывались вместе со мной и были ранены

при бомбежке 23 апреля. Этим парням посчастливилось получить ранения и избежать смерти и тех испытаний, что выпали на нашу долю. За их участие в обороне казарм под началом унтер-офицера Ритна им было в качестве награды доверено охранять склады, и тем самым они получили возможность немного подкормиться. Кроме того, они были избавлены от придирок ротного обер-фельдфебеля и прочего начальства.

Вегнер приносит мне смазку. Я разбираю пистолет, начинаю его чистить и смазывать. Затем мы делаем по выстрелу в воздух, каждый из своего пистолета. Раньше за подобное самовольство, рассказали старые солдаты, нам пришлось бы дня три «прохлаждаться» на гауптвахте. Должно быть, это были счастливые времена, потому что тогда не было войны. Я бы предпочел гауптвахту, лишь бы любую стрельбу запретили полностью.

Вестовой обер-фельдфебеля Кайзера снова пытается забрать у меня пистолет. Он говорит, что Кайзер конфискует его у меня за нарушение воинской дисциплины и за то, что он не занесен в мою расчетную книжку. Этот самый вестовой, берлинец по фамилии Айнзидель, один из тех немногих из нас, кто верит в чудо. Он всегда докладывает лейтенанту о тех из нас, кто высказывается против войны или говорит что-нибудь плохое о Гитлере. Такие наши высказывания ему очень не нравятся. К счастью, обер-фельдфебель и лейтенант, похоже, придерживаются тех же взглядов, что и мы, и хотя делают нам строгие замечания, относятся к этому, как к ненужной формальности. И еще одна особенность есть у ротного обер-фельдфебеля. Он сам не верит в успешный конец войны, но он такой «хороший солдат», что пойдет даже в ад, если получит подобный приказ начальства, и потащит нас с собой, даже зная о том, что это бессмысленно.

Иду повидаться с Виндхорстом, который охраняет русских, находящихся в медицинском пункте. Он поставил стол под подвальное окошко и читает газеты вместе со стариками из батальона ландсвера[126]. Виндхорст дает мне одну из них. Это «Панцербэр», боевой листок защитников Большого Берлина. В глаза стразу же бросаются заголовки, набранные красной краской. «Мы выстоим!» «Наступают часы свободы». «Оплот борьбы с большевизмом». «Берлин — братская могила для советских танков». «Берлин сражается за рейх и Европу». Передовая статья подписана доктором Геббельсом. Газетный логотип изображает берлинского медведя с двумя панцерфаустами в лапах.

В одной из заметок сообщается, что рейхсмаршал Геринг болен. У него больное сердце, и сейчас болезнь достигла кризиса.

В то время, когда от немцев требуется полная отдача всех сил, в том числе и от здоровых вождей рейха, он попросил освободить его от обязанностей командующего люфтваффе. Гитлер удовлетворил просьбу Геринга и назначил на его место никому не известного генерал-полковника Риттера фон Грайма. Грайм получил звание фельдмаршала и стал командиром без армии — военной авиации больше не существует[127].

В другой заметке рассказывается об армии Венка, приближающейся к Берлину. Заголовок такой — «Резервные части движутся к Берлину со всех сторон». Эта армия уже должна была выйти к Николасзее со стороны Потсдама и принять участие в боях на подходе к столице. Новая армия, как сказано в газете, была сформирована в Померании под прямым командованием гросс-адмирапа Деница. Через несколько дней она примет участие в боях за Берлин. Со стороны Котбуса выступила еще одна армейская группировка, состоящая из частей, прибывших из чешского протектората[128]. Тем временем берлинские женщины и подростки вместе с вермахтом являются оплотом борьбы против большевизма.

Армия Венка, которую мы уже обсуждали раньше, как представляется мне, имеет все шансы вовремя прийти на помощь защитникам Берлина. Об этой армии, руководимой молодым боевым генералом, рассказывают настоящие чудеса. Как явствует из газетных заметок, она уже давно должна быть в Берлине, поскольку газета четырехдневной давности.

Знакомлюсь с отрывком из речи, с которой 28 апреля по радио выступал статс-секретарь Науман: «Солдаты, сражающиеся под началом верховного главнокомандующего, убеждены в том, что их стойкость исправит сложившуюся обстановку и они смогут победить врага. Мы явственно ощущаем личное участие фюрера в ведении этой великой битвы».

Затем Виндхорст передает мне еще одну листовку с приказом дня, адресованным армии генерала Венка: «Солдаты армии Венка! По приказу огромной важности вы переброшены с запада на восток. Ваша цель ясна: Берлин всегда останется немецким».

Мы вслух прикидываем, когда армия Венка сможет освободить нас из вражеских тисков, и приходим к выводу, что это будет 3 мая. Нам необходимо во что бы то ни стало продержаться до этого дня. Численность войск, спешащих нам на выручку, воодушевляет меня.

Получаю от Виндхорста газетную вырезку из другого номера «Панцербэра».

«Ответ генерал-майора Бэренфенгера: «Отказываюсь! Убирайтесь прочь!» Командир боевого участка в северо-восточной

части Берлина, кавалер Рыцарского креста с мечами генерал-майора Бэренфенгер сообщил, что его солдаты приготовили на Франкфуртер-аллее прекрасную могилу для советских танков. На его командном пункте появились советские парламентеры, потребовавшие немедленной капитуляции. Бэренфенгер гневно ответил им: «Отказываюсь! Убирайтесь прочь!» Все прочие слова оказались просто ненужными».

Однако и эта заметка уже устарела, поскольку газета с ней вышла несколько дней назад. Согласно последним сводкам боевых действий, противник уже занял Паризер-платц и вышел к Фридрихштрассе. Это означает, что центр города отрезан, и правительственный квартал нами потерян. Даже если врагу и удастся добраться до бункера Гитлера, расположенного под зданием рейхсканцелярии, то он все равно не узнает, какие подземные ходы сообщения выходят наружу и в какой части города. И все-таки сражение за Берлин теряет всякий смысл.

Вместе с Виндхорстом и его товарищами обсуждаем перспективы армии генерала Венка, которая представляется нам якорем, способным удержать нас в мощном водовороте разрушения. Один из товарищей Виндхорста высказывает свое скептическое отношение к этому. Он считает, что если армия Венка успеет прийти нам на помощь, то легко освободит районы города между Шпандау и Рулебеном, а затем двинется в центр Берлина. Это будет нетрудно, особенно при наличии нового оружия и новых боеприпасов. Уже давно ходят разговоры о том, что использование некоего боевого газа поможет нам одержать победу.

Приближается полдень, и мой желудок настойчиво напоминает о себе. Даже если мы получим и не слишком питательный жидкий супчик, то он все равно самым волшебным образом подарит удовлетворение, пусть даже всего на несколько секунд. Ротный обер-фельдфебель зачитывает список тех, кому причитается пол-литра супа. Получив полагающиеся порции, садимся на открытом воздухе и торопливо едим.

Вместе с пополнением, прибывающим сегодня в казармы, появляются девушки в форме войск СС, которые несколько дней назад добровольно вступили в эти части. Среди них также несколько юных женщин из вспомогательных зенитных частей. Они определенно не старше 15–16 лет. Большинство из них несколько дней назад были призваны на строительство противотанковых сооружений. Чуть позже они просто надели выданную им военную форму и, будучи отрезанными от родного дома, записались во вспомогательные роты, чтобы не умереть от голода. Так же, как и мы, эти девушки жертвы этой войны.

После полудня появляется обер-фельдфебель Кайзер и называет фамилии нескольких из нас. Нам приказано привести себя в порядок. По мере возможности обтряхиваю форму и чищу сапоги. После этого мы выходим наружу и строем отправляемся к входу в подвал. Сержант Ритн выходит из бункера вместе с Вегнером, Леффлером и Бройером. Ритн сообщает мне, что я должен добиться назначения в караул для охраны продуктового склада. Тогда мне не придется стоять на часах день и ночь, а кроме того, я смогу вовремя получить свой паек. Лейтенант обязательно согласится, поскольку я состоял в боевой группе Ритна. Однако мне больше не хочется этого, хотя я часто мечтаю о том, чтобы сходить к складу и попросить какой-нибудь еды.

К нам подходит лейтенант, и обер-фельдфебель докладывает ему о нашем прибытии. Мы представляем собой пеструю смесь солдат и командиров сержантского состава. Проводим перекличку, после чего лейтенант зачитывает нам список. Один из нас отсутствует, его фамилия Зоргатц. Он остался охранять продовольственный склад. Нас восемнадцать человек. Лейтенант отдает приказ отправляться в штаб батальона. Придя на указанное место, мы останавливаемся. Затем нас отправляют в столовую. Никто из нас не понимает, что происходит. Лейтенант остается снаружи, а обер-фельдфебель ведет нас в столовую. Входим в просторное помещение. Следом за нами заходит лейтенант и командир батальона. Отдав нам команду «вольно», командир батальона объявляет нам, что фюрер и главнокомандующий наградили его дубовыми листьями к Рыцарскому кресту за героическую оборону крепости в Рулебене. В этом оплоте борьбы против большевизма он будет стоять до конца, до последнего человека. Далее мы узнаем о том, что в знак признания стойкости вверенного ему гарнизона комендант города поручил ему наградить особо отличившихся бойцов.

Командир батальона вызывает обер-фельдфебеля Кайзера и награждает его Железным крестом 1-го класса. У Кайзера уже есть Железный крест 1-го класса, который он получил в Первую мировую войну. Некоторых из нас щедро награждают званием ефрейтора и Железным крестом. Среди нас осталось мало тех, кто сражался до самого конца. Многие награждены за то, что вернулись в крепость, чтобы избежать плена. Остаемся мы с Ритном. Командир батальона вызывает нас и громко хвалит, самых молодых, за проявленную нами стойкость. Неожиданно вспоминаю траншеи и угрозы унтера, обещавшего сурового расправиться с дезертирами. Его слова сыграли немалую роль в том, что мы не устремились обратно в казармы, когда решили, что совсем пропали. Сейчас унтер, судя по всему, больше не

вспоминает о том, что мы когда-то могли проявить трусость.

Какое-то время спустя мы выходим из столовой. Последнее, что я услышал, это обещание выдать каждому из нас по пол-литра шнапса. Это единственное, что запечатлевается в моей памяти. Мне показалось, что я, должно быть, сплю, когда услышал, что нам присваивается звание обер-гренадера. Какое напыщенное звание! Более того, нас обещают наградить Железным крестом, но прежде командир батальона должен выяснить, можем ли мы одновременно получить и новое звание, и награду. Впрочем, я не хочу думать об этом. Для меня и для моих ровесников медаль кажется величайшей наградой, которой можно когда-либо удостоиться, однако теперь я думаю лишь о том, какое количество жизней заплачено за жалкий металлический кружок.

За дубовые листья нашего батальонного командира, видимо, было отдано особенно много человеческих жизней. Груды мертвых тел солдат, фольксштурмовцев и мальчишек из гитлерюгенда — вот цена этой награды. Он получил ее, сидя в бомбоубежище, посылая вестовых с приказом бросать в топку войны все новых и новых солдат. А теперь он пытается поднять боевой дух солдат щедрым дождем наград и новых званий, однако добиться этого уже невозможно, потому что он давно угас из-за призывов к новым бессмысленным жертвам.

Иду к Виндхорсту, чтобы снова поговорить с ним, но не нахожу его. Через окно забираюсь в подвал, где лежат русские, они мирно о чем-то беседуют. Я сажусь и принимаюсь перелистывать невесть откуда появившийся иллюстрированный журнал. Вскоре в подвал так же, как и я, через окно, спускается Виндхорст. Когда я спрашиваю, где он был, тот отвечает: «В столовой». Я уже знаю об этом. Ему присвоили звание обер-ефрейтора и наградили Крестом военных заслуг 1-го класса и Железным крестом 2-го класса. На роты, размещавшиеся в казармах, и роты, которым случилось оказаться сегодня в казармах, пролился дождь наград. Похоже, что начальство решило выдать все имеющиеся у него награды, чтобы вдохновить солдат на новые боевые подвиги.

Виндхорст жалуется по поводу того, как смехотворно распоряжаются наградами. Он считает, что теперь уже все возможно, после того как награды начали раздавать как попало. Эти слова вызывают у меня улыбку. Действительно, абсурдно и смешно, что нам, 16—17-летним парням, присваивают звание обер-гренадер всего после пяти недель службы наравне со старыми солдатами, которые раньше подолгу ждали подобного повышения. Подобными жестами невозможно избавить нас от мук, вызванных войной, или заставить забыть тех, кто погиб на

наших глазах. Неожиданно мне вспоминается штабс-фельдфебель из Литцена с грубыми чертами лица и его «подвиги».

Возвращаюсь в нашу комнату, ложусь на свою койку и вскоре засыпаю. Просыпаюсь вечером. На столе горят коптилки, слабо освещая помещение. Меня это нисколько не смущает, к такому освещению я давно привык. После ужина объявляют график караула. Нам с Бекером заступать в караул с одиннадцати часов вечера до полуночи. Сегодня я иду в караул уже в третий раз за день. Позднее мы получаем немного жиденького супа и кусок хлеба толщиной пять миллиметров. Съев все это, я почувствовал себя голоднее прежнего.

В комнату неожиданно влетает обер-фельдфебель. «Быстро пошли за мной! Гражданские пытаются разграбить состав с продовольствием!» Быстро застегиваю ремень, хватаю пистолет и выбегаю наружу. На улице уже совсем темно, и мы спотыкаемся о груды мусора. Караульный у ворот показывает нам, в каком направлении находится железнодорожная насыпь, где должны находиться гражданские. Я бы с огромным удовольствием повернул обратно, но мысль о том, что мне, может быть, удастся раздобыть хоть крошку съестного, удерживает меня от соблазна. Перелезаем через забор, отделяющий железнодорожное полотно от улицы, и карабкаемся вверх по насыпи. Затем пролезаем под несколькими вагонами и видим товарный вагон, который разгружают несколько гражданских лиц. Окружаем вагон, и обер-фельдфебель спрашивает грузчиков, чем они занимаются. Один из них отвечает, что вагон разгружается по приказу батальонного командира одной из частей фольксштурма, размещенной на территории «Дойче Индустри Верке». Обер-фельдфебель приказывает штатским немедленно прекратить разгрузку и объявляет, что тот, кто не подчинится его приказу, будет расстрелян на месте. У гражданских недоумевающий вид. Один из них предлагает обер-фельдфебелю отправиться к батальонному командиру и расстрелять его за то, что он приказал им разгружать вагон. Обер-фельдфебель соглашается и исчезает во тьме, в том направлении, где находится «Дойче Индустри Верке».

Стоим рядом с вагоном, не зная, что нам делать. Мы получили приказ ждать обер-фельдфебеля, но чувствуем себя неловко, нам неудобно перед фольксштурмовцами, которые так же голодны, как и мы. Становится холодно, но наши шинели остались в казарме. Несколько моих товарищей уже незаметно исчезли среди вагонов. Фольксштурмовцы негромко переговариваются. Затем к нам подходит человек, выносивший массивные картонные коробки из вагона, и пытается уговорить

нас уйти. Старый солдат из нашей роты спрашивает, что в коробках. «Тушенка», — отвечает гражданский и разрывает картон. Солдат берет две банки и растворяется в темноте.

Нас остается всего четверо. Гражданские немного успокоились от только что пережитого страха и теперь посмеиваются над той поспешностью, с которой обер-фельдфебель Кайзер собирался пристрелить их на месте. Мы смущаемся еще больше. Мне очень хочется поскорее вернуться в казарму, потому что обер-фельдфебель отсутствует уже больше получаса. Скорее всего, командир фольксштурмовцев угостил нашего Кайзера бокалом шнапса, от которого тот никогда не отказывается. Не исключено, что они сейчас пьют за боевое братство и совсем забыли о нас. Я подхожу к вагону и беру сначала одну банку тушенки, затем еще и еще и засовываю их в карманы штанов. Однако я никак не решусь уйти в казарму. Нас четверо, и мы внимательно следим друг за другом, ждем, когда уйдет первый, и за ним последуют остальные. Но никто из нас не может решиться, и мы остаемся возле вагона. Неподалеку стоят всего трое гражданских, остальные разошлись. Отданный нам приказ теряет всякий смысл. Чувствую, что замерзаю все больше и больше, на чем свет стоит проклинаю себя за то, что не ушел вслед за гражданскими. Однако уйти раньше было бы гораздо сложнее.

Наконец, я решаюсь. Обер-фельдфебель отсутствует почти час, и неизвестно, когда он вернется. Кроме того, скоро мне заступать в караул. Отхожу в сторону и ныряю в тень.

В казарму я вернулся почти вовремя с остальными моими товарищами, задержавшимися у вагона. Они жалуются на обер-фельдфебеля, втянувшего нас в сомнительную авантюру. Между тем я должен готовиться к караулу. Кайзера по-прежнему нет. Большая часть моих товарищей уже лежит в койках и спит. Натягиваю на себя шинель, беру винтовку, тушу коптилку и выхожу сменять караульного.

Ночь тиха, над ночным городом ясное звездное небо. Ветви больших деревьев тихо шуршат на ветру, как будто ведут спокойный неспешный разговор. Иногда над землей проплывают редкие тучи. Со стороны ворот казармы иногда видны вспышки фонарика. Зажигаю сигарету и неторопливо курю, пряча ее в ладонях. У ворот снова зажигают фонарик, освещая солдата, вошедшего со стороны улицы. Его шаги гулко отдаются в ночи, не нарушаемой никакими другими звуками. Солдат останавливается прямо перед моим входом. Я быстро прячу в карман руку с сигаретой, чтобы он не заметил ее огонька. Не заметив меня, солдат быстро ныряет внутрь помещения. Это обер-фельдфебель

Кайзер, он явно нетрезв. Похоже, что из затеи с «расстрелом» ничего не вышло.

Как только он исчез в подвале, я быстро вытаскиваю из кармана сигарету и спокойно докуриваю ее. Справа от себя вижу еле различимый огонек в ночи. Время от времени он гаснет и зажигается снова.

Вторник, 1 мая 1945 года

Уже полночь, а моей смены все еще не видно. Солдат, заступивший в караул вместе со мной, также ждет у соседнего входа. Мои глаза слипаются от усталости, в животе отчаянно урчит. Тонкий кусочек хлеба, выдаваемый утром и вечером, не способен заглушить чувство постоянного голода. Даже масло, которое нам выдают довольно щедро и которым можно полностью намазать кусок хлеба, не спасает положения. Есть хочется постоянно.

Смотрю на часы. Смена опаздывает на десять минут. Подхожу к соседнему входу, но часового там уже нет. Спускаюсь по лестнице в наше жилище. Внутри стоит тяжелый дух, кажется, будто вошел в конюшню. Бекер, находившийся в карауле вместе со мной, уже лежит на своей койке и безмятежно спит. Список с фамилиями караульных лежит на столе. С полуночи до двух часов ночи караул должны нести Гешке и Копп. Эти солдаты мне незнакомы, и я не знаю, кого будить. Обер-фельдфебель Кёстер, лежащий на походной койке, как раз переворачивается на другой бок. Я бужу его и сообщаю, что не знаю, где спят солдаты, которые должны сменить меня. Кёстер точно не знает, на каких местах они спят, ему известно лишь, что они в соседней комнате. Сказав это, он снова засыпает.

Иду в соседнюю комнату, где расположились «избранные». Обер-фельдфебель Кайзер, два унтер-офицера и шесть обер-ефрейторов спят вповалку вместе с девушками из войск СС, которые прибыли вчера в казармы. Судя по всему, тут недавно имела место настоящая оргия, потому что девушки полураздетыми лежат рядом с солдатами. Похоже, что здесь они чувствуют себя гораздо лучше, чем в тот момент, когда поклялись воевать до последней капли крови.

Коптилка, стоящая на столе, вот-вот погаснет. Трясу одного из спящих за плечо, и он просыпается. Спрашиваю, как его зовут. Он недоуменно смотрит на меня и бормочет, что я должен знать его, и снова падает на койку. Пытаюсь разбудить следующего, сообщаю ему, что пора заступать в караул. На этот раз мне

повезло. Это тот самый Копп. Когда он встает, одеяло сползает, открыв взгляду полностью обнаженную девушку, спящую рядом с ним. Почувствовав холод, она быстро натягивает на себя одеяло. Я поворачиваюсь кругом, возвращаюсь в свою комнату и ложусь на койку.

Чувствую нестерпимый голод и лезу под койку, где я припрятал принесенные вчера консервы. Открываю банку штыком. Мне повезло, это мясная тушенка. Вычерпываю ее ложкой и с разочарованием обнаруживаю, что под тонким слоем мяса — холодная каша. Тем не менее проглатываю ее и бросаю пустую банку под кровать. Завершаю трапезу конфетой. Хотя несколько дней я спал лишь урывками, не чувствую себя сильно уставшим. Видимо, мой организм уже приспособился к этому и функционирует подобно механической машине.

Наконец караульные из соседней комнаты готовы. Уже час ночи, и они будут стоять в карауле недолго. Коптилка в последний раз мигает и гаснет совсем. Комната погружается во тьму. В нее через дверную щель соседней комнаты проникает лишь узкая полоска слабого света.

Неожиданно раздается какой-то шум. Полусонный, я приподнимаюсь на постели, плохо соображая, что происходит. Между рядами коек проходит обер-фельдфебель, напевая: «Май наступил!» Просыпаюсь и ищу свой котелок, который кто-то, видимо, забрал у меня. Нахожу его в соседней комнате, из него ест одна из девушек. Если не ошибаюсь, она провела здесь ночь.

Около святая святых, командного пункта лейтенанта, стоит огромный котел с горячей дымящейся едой. В честь праздника — я не знаю, что можно праздновать сегодня, когда никто не работает, а фабрики лежат в руинах — помимо ломтика хлеба мы получаем суп из капусты, в котором с трудом можно отыскать микроскопические кусочки мяса. Я не могу есть в комнате, где стоит невыносимая вонь немытых тел, и выхожу наружу. Сажусь на поваленное дерево и наслаждаюсь настоящей майской погодой. С неба ярко светит солнце, вокруг повсюду царит покой. Хочется отправиться на экскурсию, как когда-то в детстве.

Откуда-то возникают две собаки, которые не замечают прекрасного весеннего дня. Собака поменьше разыгралась не на шутку, и ее спутница кусает шалунью за хвост и загоняет в угол. Неподалеку от меня на свежем воздухе устроились несколько человек из вспомогательных подразделений. Поскольку они находятся в казармах менее двенадцати часов, то еды им не полагается. Зато их, возможно, скоро снова бросят в бой. Это фольксштурмовцы в возрасте от 14 до 70 лет, вид у них такой, будто они готовы дезертировать при первой подвернувшейся

возможности.

Появляется ротный обер-фельдфебель, который замечает меня и приказывает поскорее заканчивать завтрак и отправляться на уборку казарм. Как только он уходит, ухожу и я, не желая больше попадаться ему на глаза.

В стенах столовой видны огромные пробоины, оставленные вражескими снарядами. Окна разбиты, и груды стекла лежат на траве и дорожках. Грязный флаг Красного креста развевается над входом в восточный блок казарм. Кажется, будто все казармы превратились в огромный полевой госпиталь. Из зданий выходят санитары с носилками. Они снимают с них мертвые тела и небрежно сбрасывают их на землю возле военного мемориала, там, где вырублены кусты и выкопаны могилы для массовых захоронений. Большая прямоугольная могила уже наполовину заполнена трупами, положенными рядами, как дрова.

Большая дверь оружейного склада открыта. Я вижу, как несколько гражданских отвинчивают тиски с верстаков. Внутри все перевернуто вверх дном. С одной стороны, все находится в состоянии запустения. С другой стороны, все должно быть в надлежащем порядке. Иду к продуктовому складу и по пути слышу звуки выстрелов, доносящихся со стороны Райхсшпортфельда, где вздымаются в воздух клубы дыма. Вегнер сидит у входа в бункер и смазывает разобранный на части пистолет. У него имеется трофейный русский пистолет, принцип автоматического устройства которого он пытается понять и который ему никак не удается разобрать. В его арсенале также немецкий автомат, русский автомат с круглым диском и русский 9-мм револьвер. В данный момент он пытается заново собрать полицейский 98-мм пистолет. В дверях, ведущих в бункер, появляется лицо Лоффлера. Узнав меня, он подходит ко мне. Он также вооружен до зубов. По сравнению с ним я выгляжу миролюбивым обывателем с моим 7,65-мм «маузером».

Спускаемся в бункер. Казначей, отвечающий за продуктовые запасы склада, производит ревизию, сверяясь с длинным списком, в котором перечислено количество ящиков и мясных туш. За ним неотступно следует Ритн, помогающий проверять наличие продуктов. В последней комнате, где стоят их койки, громоздятся ящики с тушенкой и консервированной колбасой, шоколадом и конфетами. В любой момент, когда они проголодаются, у них есть возможность без всяких церемоний утолить голод. Эта комната кажется мне чем-то вроде сказочной страны. Мы живем рядом всего в нескольких шагах от нее, но вынуждены довольствоваться всего двумя кусками хлеба в день.

Кроме этих продуктов, у них больше ничего нет, однако

благодаря им они прекрасно могут обходиться и без хлеба.

Вегнер предлагает отправиться на станцию метро Рулебен, где сегодня были расстреляны новые иностранные рабочие. Набиваем карманы конфетами и отправляемся в путь. Мы не успеваем отойти далеко, как наталкиваемся на Бройера, который одет в кожаную куртку русского комиссара, которого он взял в плен и убил. Карманы Вегнера набиты оккупационными марками, обнаруженными у того же комиссара.

Когда мы выходим из бункера, где-то совсем рядом раздается громкий треск пулеметных очередей. Мы быстро ныряем в укрытие. Немного позже отправляемся к станции метро и проходим мимо домиков, в которых жили венгры. Они располагались позади обгорелых развалин киностудии. Сами венгры пропали неизвестно куда. Стены домиков обрушились, открыв взгляду внутреннюю обстановку жилищ — лохмотья одежды и тюфяков, кучи экскрементов, стаканы и тарелки, полные мочи. На столах валяются разорванные в клочья подушки, на полу лежат разломанные двухъярусные нары. Шкафчики и стулья разбиты вдребезги, как будто над ними потрудились настоящие вандалы.

Осторожно пробираемся через дыры в разбитом заборе и отправляемся в сторону метро. Слева от нас на железнодорожной насыпи валяются перевернутые вагоны, которые должны были перегородить улицу, но подобно легким игрушечным домикам были сметены в сторону русскими танками. Расположенный на территории «Дойче Индустри Верке» танк, который был залит бетоном, нацелил орудие на казармы, однако русские войска обошли его с противоположной стороны, и поэтому превращенная в долговременную огневую точку бронемашина оказалась беззащитной перед натиском врага.

На небольшом расстоянии от станции метро, которая находится на правой стороне улицы, откуда рукой подать до Райхсшпортфельда, старые деревья взрывами вырваны с корнем из земли. Упав на землю, они перегородили дорогу.

В подземной части станции метро мы увидели большое число женщин и детей, которые, видимо, прибежали сюда из домов, расположенных вокруг Райхсшпортфельда, когда в эту часть города ворвались русские. Они также успели привести сюда и раненых, которым не нашлось места в казармах. Усталые горожане давно съели свои скудные съестные припасы, а кроме того, мучаются от жажды, потому что воды у них нет совсем. Молодые женщины вынуждены с ведрами отправляться к казармам, чтобы под колонкой наполнить их, а затем разделить воду буквально по капле между страждущими. Мы раздаем детям

все конфеты, что у нас есть, и уходим. Предлагаем девушкам вечером прийти в бункер за едой, чтобы накормить тех, кто прячется в метро.

Мы снова выходим на улицу. Билетные кассы и киоски перед турникетами разбиты вдребезги, как будто их рубили топорами. Среди куч мусора лежат несколько убитых в гражданской одежде. Вегнер говорит, что это иностранные рабочие из трудового лагеря, расположенного неподалеку от станции метро. Они устроили здесь погром, и за это их застрелили.

Возвращаемся в казармы. Часовой на воротах удивляется нашему появлению, потому что мы выскользнули из казарм незамеченными. Перед продовольственным складом стоит лошадь, запряженная в повозку. Наши товарищи вместе с казначеем грузят на повозку ящики с продовольствием. По всей видимости, эти запасы предназначены для боевой группы, расположенной на территории «Дойче Индустри Верке», но мне почему-то кажется, что начальник склада решил перепрятать продукты в безопасное место на тот случай, если нам придется оставить казармы. После того как повозка полностью нагружена, он исчезает, захватив с собой ключи от комнат, видимо, не зная, что у Ритна есть запасной комплект.

Снова набиваю карманы тушенкой, пару банок с консервированной колбасой прячу за пазуху и иду с этим богатством в нашу казарму. Несколько наших солдат и парней из гитлерюгенда по приказу обер-фельдфебеля самодельными метелками подметают двор. Быстро прохожу мимо них и спускаюсь в подвал. Прячу банки под кроватью и снова выхожу наружу. Перед корпусами казарм, в которых раньше размещалась маршевая рота, а ныне беженцы, находятся две водопроводные колонки. Теперь здесь берут воду не только обитатели казарм, но и жители соседних домов. Перед ними выстроилась длинная очередь с ведрами, кастрюлями и консервными банками. Два солдата накачивают воду в огромный бак, явно предназначенный для кухни.

Перед большим подвальным окном медицинского пункта, заложенным кирпичами, стоит Виндхорст. Он охраняет русских, которые раньше работали на кухне и складах, но сейчас признаны ненадежными. Вместе с еще одним солдатом он день и ночь караулит их. Виндхорст добился для пленников некоторых послаблений, например, им выдали одеяла. Отношения между охранниками и русскими сложились вполне добросердечные. Несколько человек отодвигаются от стола, давая нам возможность пролезть в комнату через окно.

Виндхорст достает из кармана газету. Это старый номер

«Фелькишер Беобахтер». Он разворачивает газету и дает мне какую-то брошюрку. Она оказывается боевым листком, точнее, текстом специального радиосообщения, которое прозвучит завтра утром. Читаю: «Ставка фюрера сообщает о том, что наш фюрер Адольф Гитлер сегодня днем пал за Германию на боевом посту в рейхсканцелярии, до последнего вздоха борясь против большевизма. 30 апреля фюрер назначил своим преемником гросс-адмирала Деница, ставшего президентом и главнокомандующим рейха. Рейхсканцлером Германии назначен рейхсминистр Геббельс»[129].

У меня возникает ощущение, будто я только что получил сильный удар по голове. Это, конечно, удивительное известие, однако услышанное мало волнует меня, потому что уже давно прошло то время, когда я думал, что со смертью фюрера рухнут небеса и мир прекратит существование. Мы начинаем обсуждать эту новость, и вскоре она понемногу теряет свою важность. Испытываю огромную радость при мысли о том, что теперь, после смерти человека, которому я давал клятву верности, я совершенно свободен. Однако Виндхорст добавляет, что Гитлер объявил, что клятва, данная ему, распространяется и на его преемника.

Земля перед нашим зданием теперь идеально вычищена, возникает ощущение, будто ее вылизали. В подвале раздают пищу, и я спешу туда, захватив котелок. На это раз мы получаем густую перловую кашу, которая сразу притупляет чувство голода. Человек, раздающий кашу, сообщает, что теперь еда полагается и солдатам из вспомогательных подразделений, но их отправили на передовую, и мы можем получить их порции.

Когда я попадаю в подвал, там кипит жаркий спор. Обер-фельдфебель Кайзер пересказывает нам известие о смерти Гитлера, и все приходят в небывалое возбуждение. Становится тихо, когда он говорит о том, что фюрер мог принять яд, чтобы не стать жертвой расправы недовольных солдат. Все мы сейчас думаем про себя о том, означает ли смерть Гитлера конец войне.

В три часа я заступаю в караул. Блачек отправляется охранять другой вход. У ротного штабс-фельдфебеля имеется свой пунктик — он обожает ставить часовых при любых обстоятельствах, независимо от того, имеет это какой-то смысл или нет. Он не дает покоя подчиненным, заставляя их выполнять никому не нужные приказы. Большинство из нас старается спрятаться от него и весь день не показываться ему на глаза. Сейчас он прохаживается по улицам вместе с пресловутым унтер-офицером Рихтером, похожим на надсмотрщика с колониальной плантации. Они буквально охотятся за солдатами, вынуждая их собирать руками

осколки стекла и заравнивать распаханную снарядами землю.

После караула мы строем выходим из здания. Лейтенант Штихлер ведет нас к столовой, где нам должны выдать денежное довольствие. В подвалах уже стоят длинные очереди, которые двигаются очень медленно. Наконец мы оказываемся в нужной комнате. Чиновник берет у нас расчетные книжки и делает в них отметку о выплате денег. После этого мы расписываемся в ведомости и получаем каждый по 60 марок. За соседним столом сидит кассир. Он быстро заглядывает в наши расчетные книжки и элегантным жестом выдает нам банкноты. Это новенькие банкноты по 20 марок, только что сошедшие с печатного станка, образца 1939 года. Некоторые наши товарищи получают банкноты, которые похожи на листы фотобумаги с подписью Гиммлера. Возвращаемся в казарму. Кто-то из нас шутит: «Этих новых денег вполне хватит, чтобы заказать место в братской могиле возле окна».

Снимаю мундир и ложусь на кровать. В подвале очень темно. Замечаю, что за время нашего отсутствия появились новые девушки в форме СС. Они сидят за столом и кокетничают с солдатами. Меня удивляет, что наш ротный командир ничего не сказал по поводу этих дел. Впрочем, удивляться нечего, у него на командном пункте живет одна из этих девиц. Если девушки так мило любезничают сейчас, то к полуночи здесь будет совсем весело. Тем из них, кто уже ночевал в нашей казарме, придется подождать, пока солдаты не «опробуют» новоприбывших. Днем в казармы приходит жена ротного обер-фельдфебеля с двумя сыновьями. Обер-фельдфебель явно не рад этому, потому что теперь у солдат появится прекрасный повод рассказать о его амурных подвигах, если он начнет придираться к ним. Его жена совсем не похожа на него, она изящна и деликатна. Конечно, не каждый обер-фельдфебель может выбирать себе жену по размеру, и, конечно же, он таскал бы домой гораздо больше, чем та малость продуктов, украденная из наших скудных пайков…

Я выхожу на улицу. Теперь казармы представляют собой не только огромный полевой госпиталь, но и приют для беженцев. Сейчас солдат здесь гораздо меньше, чем гражданских. В основном это женщины и дети.

Вспомогательная рота, которая почти полностью состоит из штатских, входит в ворота казармы. Они останавливаются перед зданием, в котором находится штаб батальона. Им выделяют место жительства, но всего лишь на одну ночь. Завтра их расформируют и отправят на передовую. Их юный обер-фельдфебель, 19-летний парень маленького роста, похожий на карлика, щеголяет в высоких, начищенных до блеска сапогах. Я

же несколько дней не чистил свои сапоги и не переодевал нижнее белье. Кроме того, я несколько дней не мылся, а этот щеголь расхаживает в начищенных сапогах, старательно обходя кучи мусора, боясь испачкаться.

В штабе батальона устроен импровизированный оружейный склад. Здесь собраны старые винтовки и ружья всевозможных видов и стран-изготовителей. Их более или менее привели в порядок и теперь раздают ротам фольксштурма и солдатам вспомогательных подразделений. Очень часто боеприпасы не подходят к оружию, и люди получают винтовки без патронов. На каждом углу казарм и в придорожных кюветах защитники Берлина чистят и смазывают оружие, которое долго пролежало без дела.

Вскоре начинает темнеть. Только что сформированные боевые отряды выходят из ворот казармы и отправляются на передовую. Их места в казармах занимают новые группы беженцев. Отряды фольксштурмовцев сопровождают солдаты войск СС, которых следят за тем, чтобы никто не разбежался и не покинул поле боя.

Ложусь на койку и пытаюсь уснуть. Этому мешает неожиданный громкий шум, заставляющий меня вскочить с постели. Оказывается, лейтенант дал приказ принести из столовой шнапс. Затем в комнату заходит обер-фельдфебель и сообщает нам последние новости. Согласно приказу гросс-адмирала Деница завтра утром части берлинского гарнизона должны прорваться на запад для воссоединения с армией генерала Венка[130], и запасы продуктов, находящиеся в казармах, необходимо раздать солдатам и гражданским, чтобы не уничтожать их из опасений, что они достанутся врагу.

Кто-то из наших товарищей приносит в комнату картонные коробки. Затем коробки ставят на стол и открывают. Все с удивлением рассматривают их содержимое. Упаковки хлеба в целлофане, банки с жиром, пачки масла, конфеты, консервированная колбаса, тушенка. Каждый берет себе столько, сколько пожелает. Садимся на кровати и начинаем пиршество, торопливо набивая желудки самой разной пищей. Скоро чувствую себя каким-то домашним животным, откормленным на убой. Я так объелся, что с трудом могу двигаться. Мы продолжаем есть всю ночь, ни о каком сне не может быть и речи. Обер-фельдфебель где-то раздобыл большую канистру и отправляет меня в столовую за шнапсом. В подвале столовой замечаю огромные емкости со шнапсом. Здесь же открыто раздают ящики с банками концентрированного молока и фруктами — и солдатам, и гражданским. Похоже, что все пребывают в состоянии

нескрываемой эйфории. Наверное, всем кажется, будто это сон. Казармы теперь не узнать. На нас нахлынула целая волна еды, ранее сдерживаемая необходимостью экономить и в микроскопических дозах распределять самое необходимое. Беженцы вылезают из подвала с чемоданами, набитыми едой. Опьяневшие от шнапса солдаты радостно обнимаются. Шлюзы дисциплины резко распахнулись, и нас уже больше ничто не сдерживает. Каждый пытается утащить продуктов столько, сколько сможет. Еще неизвестно, что с нами случится завтра, так зачем же омрачать чем-то день сегодняшний и лишать себя даже простых удовольствий!

Казармы напоминают растревоженный муравейник. Солдаты снуют туда-сюда по плацу с большими котелками, наполненными шнапсом, и исчезают в зданиях. Гражданские стоят в тени казарменных корпусов и ждут родственников, которые выносят им сумки с продуктами.

Все лихорадочно укладывают коробки и банки с едой в рюкзаки и ранцы. Все остальное, кроме съестных припасов, безжалостно выбрасывается. Обер-фельдфебель приносит сигареты. Каждый из нас получает по пятьсот штук. Я не знаю, куда мне поместить все это добро, поскольку у меня имеется лишь ранец и карманы шинели. Мы прячем сигареты, курим, пьем шнапс, затем рассовываем в очередной раз по карманам и ранцам все то, что представляется нам наиболее ценным.

Садимся за стол и начинаем болтать. Наши языки развязались от выпитого, мы уже несколько раз заново наполняли канистру шнапсом. Выпито удивительно много. Вместе с девушками, которые не уступают нам в выпивке, нас всего около тридцати человек. Старюсь пить не очень много и каждый раз закусываю.

Время тянется медленно. Канистра снова оказывается пустой, и один из нас отправляется за новой порцией шнапса. Атмосфера становится еще более оживленной и раскованной. Я пытаюсь держать себя в руках и закусывать после каждой стопки спиртного. Это не дает мне сильно опьянеть, и я сохраняю относительно трезвую голову. Обер-фельдфебель уже совершенно пьян и заводит длинную речь о победе немецкого оружия.

Иду в комнату, где расположились вестовые. Хочу увидеться с Блачеком. Он тоже занимается укладкой продуктов и сигарет. Здесь тоже рекой льется шнапс. Блачек показывает мне листовку с обращением гросс-адмирала Деница к армии, которое недавно передавали по радио. Оно написано теми же словами, что и подобные речи Гитлера, поэтому кажется, что ничто практически не изменилось, несмотря на смерть фюрера.

Обращение «Ко всему немецкому народу» облечено в следующую форму: «Немецкие мужчины и женщины! Солдаты немецких вооруженных сил![131] Наш фюрер Адольф Гитлер умер. Осознавая возложенную на меня ответственность, я принимаю руководство над немецким народом в это судьбоносное время. Моя главная задача состоит в спасении немецкого народа от уничтожения ордами большевиков. Мы будем неустанно бороться с ними. В настоящее время достижению этой цели препятствуют англичане и американцы. Мы должны и далее держать оборону и защищать себя от большевизма»[132].

Другой приказ дня озаглавлен «К вооруженным силам!».

«Немецкие вооруженные силы, мои боевые товарищи! Фюрер мертв, оставшись верным великой идее защиты народов Европы от большевизма. Он беззаветно отдал за это свою жизнь и погиб, как герой[133]. Он стал одним из великих героев Германии. В знак уважения и скорби мы приспускаем наши флаги. Фюрер назначил меня главнокомандующим вооруженными силами рейха. Я выполняю его волю для борьбы против большевизма и останусь верным ей до того момента, как она будет завершена. Вы совершаете великие подвиги, чувствуя, что война скоро будет окончена, и поэтому сегодня Германия вправе требовать от вас дальнейших усилий. Я требую от вас безоговорочного подчинения и дисциплины. Выполнение моих приказов позволит избежать ненависти и разрушения. Тот, кто нарушит свой долг — трус. Клятва верности, данная фюреру, распространяется сейчас на меня, назначенного приказом фюрера главой государства и преемником главнокомандующего вооруженными силами. Немецкие солдаты, сохраняйте верность своему долгу! Жизнь вашего народа зависит от вас!»

Я поражен. Ни слова о мире. Нас призывают лишь проявить стойкость. Неужели война станет еще ожесточеннее? Но ведь Гитлер мертв. Тогда почему? Приказ дня ничем не отличается от тех приказов, которые мы получали тогда, когда фюрер был еще жив. Англичане и американцы упомянуты лишь вскользь, наш главный враг — большевики. Неужели верны слухи последних дней, в которых утверждается, что Гиммлер вел в Гамбурге переговоры с англичанами?[134] Во всяком случае, ему следует поторопиться, потому что не занятой врагом немецкой земли уже почти не сталось, за исключением немногих участков фронта на севере, чешского протектората и, видимо, некоторых мест южнее Берлина, где должна находиться армия Венка.

Возвращаюсь в свою комнату. Под воздействием алкоголя мои товарищи пребывают в самом хорошем расположении духа, они от души веселятся. Кто-то сообщает, чем он решил

заниматься после войны. Все присутствующие разделяют мнение, что Дениц не станет продолжать войну. Тем временем канистра наполняется шнапсом снова и снова. Мои товарищи пьют невероятно много, и обер-фельдфебель с лейтенантом, а также другие офицеры смотрят на это сквозь пальцы. До меня вскоре доходит причина их снисходительности. Они позволяют нам напиться потому, что знают, что завтра далеко не все из нас останутся в живых.

Неожиданно в комнату входит ротный командир и знаками разрешает нам не вставать и оставаться на своих местах. Он присаживается и выпивает с нами стопку шнапса. Затем неожиданно заговаривает о приказе дня, отданным новоявленным главой рейха, и пытается объяснить нам, почему следует продолжать войну. «Через несколько дней мы заключим мир с Англией и США, — заявляет он. — После этого нашими единственными врагами будут большевики. Бои продлятся недолго, летом война закончится. Тогда вы сможете отправиться по домам. Клятва, данная нашему великому фюреру, распространяется теперь на его преемника. Тот, кто посмеет дезертировать и покинуть поля боя, будет расстрелян. Война продолжается!»

Когда он уходит, в комнате становится тихо. Все задумались над услышанным. Только что мои товарищи говорили о долгожданном мире, а им заявили, что мир наступит еще не скоро и для того, чтобы он наступил, еще придется повоевать, и еще многим суждено погибнуть.

Несколько человек уже спят на своих койках, впрочем, недолго, потому что их будят и зовут к столу, чтобы продолжить попойку. Открывается дверь в соседнюю комнату, где девушки в форме войск СС сидят за столом или лежат на кроватях рядом с солдатами. Настроение присутствующих поднимается еще больше, однако еще не выливается в пьяный гвалт. Похоже, что у всех никак не идут из головы слова нашего ротного командира. Неожиданно перед нами появляются две девушки, закутанные в одеяла, которые они быстро разматывают и оказываются совершенно голыми. Присутствующие взрываются одобрительным хохотом. Затем снова воцаряется тишина, и девушки, как побитые, поспешно скрываются в другой комнате.

Входит караульный, принеся с собой волну холодного ночного воздуха. В комнате полная неразбериха. Несколько солдат сидят за столом. Из углов доносится храп тех наших товарищей, кто перебрал спиртного и незаметно уснул. Входят две другие девушки и присаживаются за стол рядом с обер-фельдфебелем. Мы продолжаем пить, желая отогнать тревожные

мысли о завтрашнем дне. Хочется не думать о смерти, потому что никто из нас не желает умирать.

Глава XII. Прорыв

Среда, 2 мая 1945 года (раннее утро)

На столе горят две коптилки, отбрасывая слабый дрожащий свет. Мы сидим на стульях и ящиках и продолжаем пиршество. Мы все еще никак не можем привыкнуть к свалившемуся на нас изобилию продуктов. За эту ночь мы, наверное, съели масла столько, сколько за всю нашу военную службу. В углу стоит коробка с банками жира и масла, на которые уже никто не может смотреть. На столе возвышается канистра со шнапсом, и мы продолжаем беспечно опрокидывать стопку за стопкой, не зная, что принесет нам грядущий день. Обер-фельдфебель Кайзер уже нетвердо стоит на ногах и пьет с нами на брудершафт. В его глазах стоят слезы, он обнимает нас и целует в обе щеки. Он плохо выбрит, и его щетина жутко колется. Мы с воодушевлением называем его Артуром и обращаемся к нему на «ты». Об этом раньше нельзя было даже мечтать.

За столом сидит унтер-офицер и о чем-то разговаривает с девушкой из войск СС, которая в данный момент одета в гражданскую одежду. Между ними явно установились близкие отношения, поскольку они называют друг друга «Шнуки» и «Франци». Неожиданно унтер-офицер выхватывает пистолет и кричит, что застрелит соперника, о котором только что узнал. Пытаюсь вырвать у него пистолет, чтобы он не успел натворить бед, но ревнивец неожиданно теряет сознание и погружается в сон. Два солдата перетаскивают его безвольное тело в соседнюю комнату, укладывают на койку и возвращаются обратно. Обер-фельдфебель Кайзер смотрит в пространство остекленевшими глазами и бормочет что-то неразборчивое. Мы уговариваем его прилечь и тоже укладываем на койку. Вскоре раздается громкий храп, свидетельствующий о том, что он наконец уснул.

В комнату входит лейтенант Штихлер и делает нам знак — просит не вставать. Затем достает из кармана какие-то бумажки. Подзывает меня и передает наградные листы о присвоении Железных крестов. Обер-фельдфебель Кайзер, который был награжден Железным крестом еще в Первую мировую войну, получает еще один. Пьяный унтер-офицер, спящий в соседней комнате, тоже удостаивается Железного креста. Мы берем наградные листы и засовываем их в карманы спящих. Лейтенант также дает мне наградные листы для Ритна, Вегнера и других и приказывает отправиться к складу, где они несут караул.

Надеваю шинель и выхожу из казармы под чистое ночное небо. Солдаты торопливо снуют по плацу и исчезают в тени зданий. Возле ворот несколько человек разбирают остатки баррикады, перегораживающей улицу. У входа в восточный блок казарм тускло светит фонарь. Над ним на ветру развевается флаг Красного креста.

Вегнер сидит перед входом и разбирает автомат. Мы вместе спускаемся в бункер. Возле стен стоят ряды ящиков, полных консервных банок с тушенкой, маслом, жиром, шоколадом, фруктами. Несколько комнат открыты, потому что начальник склада, у которого были ключи, вынес коробки с продуктами, загрузил ими повозку и скрылся. Тем не менее еда здесь еще остается, и комнаты до потолка заставлены всевозможными ящиками и коробками. Когда из спальной комнаты появляется Ритн, я передаю ему наградной лист. Садимся на какие-то ящики и едим шоколад и масло, запивая каждый кусочек шнапсом. Мы все ошеломлены последними новостями и рассуждаем вслух о том, чем будем заниматься, когда соединимся с частями армии Венка. Засиживаться с Вегнером и Ритном долго я не могу, потому что мне нужно возвращаться к лейтенанту. Снова набиваю карманы продуктами и ухожу.

Со стороны Рейхсшпортфельда доносятся выстрелы. Пули попадают в здания. Слабые огоньки мерцают в окнах некоторых домов. Время от времени мимо пробегают похожие на тени человеческие фигуры. Перед военным мемориалом штабелями сложены трупы. Ветром частично сорвало брезент, которым они накрыты. Подхожу к медицинскому пункту, где Виндхорст охраняет русских, запертых в подвале. Он уютно устроился за столом и перечитывает старые письма. Лежащие на полу русские настороженно смотрят на меня, когда я влезаю в комнату через окно. Быстро прощаюсь с Виндхорстом, мы обмениваемся адресами, и я возвращаюсь обратно.

Тщетно ищу взглядом часового возле нашей казармы. Спускаюсь по лестнице в подвал. В нашей комнате шумно, звучат песни и смех. К компании присоединились и караульные. Обер-фельдфебель Кайзер снова сидит за столом и поет громче всех. Несколько солдат, стоя на коленях, безуспешно пытаются застегнуть туго набитые ранцы. Кто-то ложкой перекладывает жир из банки в котелок. Рядом стоят несколько открытых ящиков с продуктами.

Уже два часа ночи, и мне пора заступать в караул. В комнате стало тише, все лежат на кроватях, правда, один солдат разлегся прямо на столе. Рядом с тускло мерцающими коптилками стоит канистра со шнапсом. Беру фляжку и наполняю ее про запас.

Затем ложусь на койку. Входит унтер-офицер и вызывает караульных. Четвертый час ночи. Я переворачиваюсь на другой бок и засыпаю. Двое солдат, отчаянно чертыхаясь, встают и выходят из комнаты.

Пытаюсь открыть глаза, но они слипаются, будто намазанные клеем. Голова болит так, словно по ней били молотком. Наконец мне удается разлепить веки. Солдаты стоят возле стола, заканчивая укладку продуктов в ранцы. Кто-то пытается разбудить обер-фельдфебеля Кайзера. Осторожно встаю и выхожу на улицу. Часовых у входа нет. Над казармами висит гнетущая тишина. Свежий воздух постепенно приводит меня в чувство. Головная боль понемногу проходит, однако вместо нее приходит ощущение разбитости и огромной усталости. Возвращаюсь в подвал. Дверь в командный пункт открыта. Ротный штабс-фельдфебель стоит в дверях кладовки. Он зовет нас и приказывает взять еще продуктов. Из комнаты для вестовых приходит Блачек. Он сообщает, что ротного штабс-фельдфебеля ждет жена с детьми. Быстро съедаю несколько ломтей хлеба и опустошаю целую банку консервированной колбасы. Двое девушек из войск СС, одетых в гражданские платья, шлепают Кайзера по щекам, пытаясь привести его в чувство. Неожиданно в комнате появляется лейтенант. Заметив бесчувственного Кайзера, девиц и пьяного, еле стоящего на ногах унтер-офицера, он яростно кричит и, хлопнув дверью, уходит.

Унтер-офицер неожиданно приходит в себя и полностью трезвеет. Даже обер-фельдфебель Кайзер поднимается наконец с кровати. Мы надеваем шинели, берем винтовки и в последний раз оглядываем нашу казарму. Прохожу по коридорам. Мешки с песком, каски, клочья мундиров и снаряжения валяются среди куч мусора рядом с брошенным оружием и боеприпасами. Дыры в полу и пробоины в стенах — свидетельства урона, нанесенного ночной атакой. На стене караульного помещения висят старые военные сводки. Русские уже на Одере, англичане и американцы в Баварии и Гессене. Геттинген и Ганновер заняты вражескими войсками. Это все, что осталось от «немецкого жизненного пространства».

На стенах также висят клочки сорванных власовских пропагандистских плакатов. Многие столы и койки в казарменных помещениях перевернуты. На полу валяются обрывки старых газет. Я спускаюсь вниз по разломанной в некоторых местах лестнице. В куче мусора валяется брошенный кем-то панцерфауст. В комнатах с разбитыми оконными стеклами гуляет ветер.

Из темной комнаты подвального помещения доносится чей-то

могучий храп. Удивленный, открываю дверь и застываю на месте. Это комната рядом с оружейным складом, в которой живет штабс-фельдфебель Рихтер. Через полуоткрытое окно проникает слабый свет. На столе стоит бутылка шнапса рядом с прочими бутылками со спиртным, лежат куски хлеба, масло и жир. На стуле рядом с кроватью стоит выгоревшая до дна коптилка. Через спинку стула переброшен мундир. На полу валяется женское платье, ботинки на шнуровке и пара дамских туфелек. Штабс-фельдфебель лежит, храпя, на кровати рядом с очень молодой девушкой, в которой я узнаю официантку из столовой, которая несколько дней назад добровольно вступила в ряды войск СС. Пресловутый «надсмотрщик с плантации», штабс-фельдфебель Рихтер, которого многие солдаты за глаза называют «бульдогом», встреч с которым мы всегда старались избежать, оказывается, не чужд мирских удовольствий.

Где-то раздается громкий свист. Храпение переходит в стоны. Я поворачиваюсь кругом, шагаю за порог, с силой захлопываю дверь и громко барабаню в нее кулаками. Мне кажется, что сейчас обрушится потолок. Из комнаты доносится сдавленный крик, и я быстро выхожу в коридор. Навстречу мне идут солдаты, нагруженные плотно набитыми ранцам, рюкзаками, коробками, боеприпасами. Они поднимаются вверх по лестнице и выходят на плац. Похожу к своей койке, чтобы забрать винтовку. Обер-фельдфебель Кайзер все еще не протрезвел, он просит оставить его в покое. Две девушки и несколько солдат пытаются поднять его, но вскоре отказываются от своих намерений и уходят. С Кайзером остается лишь одна девушка. На столе лежат несколько коробок с пистолетными патронами. Я быстро засовываю их в карман, надеваю фуражку, беру каску и винтовку и выхожу из казармы.

Весь личный состав роты выздоравливающих собрался возле входной двери. Вместе с солдатами находится ротный командир, лейтенант Штихлер. Он задумчиво прохаживается из стороны в сторону и посматривает на часы. Он еще сильнее подволакивает ногу и опирается на трость. Лицо у него усталое, но взгляд по-прежнему живой и бодрый. В дверном проходе стоит ящик конфет, из которого мы время от времени угощаемся. Стоящая рядом с ним огромная коробка с сигаретами стремительно пустеет. Многие из нас нагружены припасами, как вьючные животные. Рюкзаки набиты настолько плотно, что их лямки вот-вот порвутся. Карманы шинелей заполнены до отказа. Многие держат в руках тяжелые картонные коробки. К нам подходит ротный обер-фельдфебель вместе с женой и двумя детьми. За спиной у жены тяжелый рюкзак, в руках две полные сумки. Дети

также нагружены едой. Они живут неподалеку от станции метро и бежали в казармы после того, как русские подошли совсем близко к их дому. Им пришлось бросить все имущество и бежать к мужу и отцу, чтобы вместе с ним отправиться в последний поход на восток. В дверях появляется штабс-фельдфебель Рихтер, следом за ним выходит девушка в мятом платье и такой же неопрятной блузке. Пилотка криво сидит на ее голове. У нее темные круги под глазами и чрезвычайно смущенный вид. Лейтенант Штихлер посылает солдата за обер-фельдфебелем Кайзером. Солдаты из склада и Ритн пока еще не пришли, и за ними отправляется Блачек.

Рота за ротой выходит из казарм и направляется к воротам. На улицу выходят гражданские. Мы строимся. Женщины и девушки, которые хотят воевать вместе с нами, ждут в стороне. Затем мы уходим, вливаясь в густой людской поток, и медленно двигаемся вперед. Гражданские из подразделений фольксштурма быстро догоняют нас, торопясь к своим домам. Наконец мы достигаем ворот. «На месте, стой!» Это командует наш лейтенант. Мы сворачиваем и оказываемся в главном потоке людей и транспорта, текущем по улице, и быстро рассредоточиваемся, потому что дорога буквально забита всевозможными транспортными средствами. Это трактора, тянущие артиллерийские орудия, мотоциклы, доверху набитые офицерские автомобили. Во многих из них сидят женщины в роскошных шубах. Даже повозки с лошадьми пытаются вырваться вперед, проезжая вдоль трамвайных путей. Солдаты отчаянно пытаются проложить путь в этом транспортном хаосе. Основная масса войск в данный момент пробивается на запад для соединения с частями армии Венка, которая находится неподалеку от Потсдама[135]. Отдаю себя на волю человеческого потока, стараясь не отставать от товарищей в мешанине солдатских колонн и транспорта. Справа от меня военные и гражданские торопливо двигаются вдоль железнодорожной насыпи. Кто-то пытается опередить других и карабкается вверх по склону. Слева тянутся садовые участки, владельцы которых стоят у ограды и наблюдают за происходящим. Двигаться вперед становится все сложнее и сложнее. На дороге возникают пробки. Легковым автомобилям приходится останавливаться, офицеры вылезают их них, возбужденно расхаживают поодаль, успокаивают своих жен или подружек. В окнах машин можно увидеть дорогие чемоданы, ковры и тюки с одеждой. Эти господа явно поняли, что надеяться на победу больше не стоит, и хотят, чтобы солдаты проложили им путь, выбивая противника из зданий, вытесняя его с улиц, чтобы они могли ехать в шикарных

машинах, набитых дорогим барахлом, и, вырвавшись из адского котла, сомкнуться с армией Венка.

Проходим под мостом линии наземного метро. Вдоль улицы тянутся фундаменты и развалины сожженных домов. Перед нами масса людей, не способных двигаться. Слышны звуки выстрелов. В гуще солдат вижу женщин с сумками и рюкзаками, многие из них ведут за руку детей. Большинство гражданских — это жители городских окраин, которые устремились на запад, убегая от наступающих советских войск. Кое-кто из солдат исчезает в соседних домах. Неожиданно замечаю нашего ротного обер-фельдфебеля с женой и детьми. На короткое мгновение в толпе мелькает лицо нашего лейтенанта. Пытаюсь пробиться к нему, локтями прокладывая путь, но мне это не удается, потому что улица полностью перекрыта, и я крепко прижимаюсь к зданиям. За баррикадой волнуется людское море. Прямо на глазах события начинают развиваться с ошеломительной быстротой. Передвижная четырехствольная зенитная установка выпускает залп по ратуше Шпандау, откуда прямо по баррикаде бьет враг. Мост через Хафель взорван, его обломки лежат в воде[136]. Справа линия наземного метро, идущая от главной железнодорожной станции Шпандау, проходит между зданиями, а за баррикадой находится подземный переход. Вражеский огонь немного ослабевает из-за залпов нашей зенитки, посылаемых на ту сторону реки. Перескакиваю через баррикаду и выбегаю на улицу. На тротуаре и проезжей части дороги лежат трупы. Раздается треск пулеметных очередей и винтовочных выстрелов. Пули свищут у меня над головой, впиваясь в стены домов. Наконец я оказываюсь в подземном переходе, где могу немного отдышаться. Находящаяся за моей спиной улица почти пуста, только над баррикадой время от времени появляются солдатские каски. Иногда кто-нибудь перебегает улицу удачно, иногда падает, сраженный пулей.

Над головой снова свистят пули. Под мостом собралось несколько солдат, у них мокрые от пота лица. Нашему ротному обер-фельдфебелю и его жене удалось живыми и невредимыми добраться до подземного перехода. Их дети, дрожа от страха, стоят рядом с ними. Неожиданно откуда-то из переулка появляется грузовик, мчащийся прямо по телам убитых и раненых. Ветровое стекло расколото, лицо водителя перекошено и исполнено решимости любой ценой двигаться вперед. Когда он проезжает мимо нас, мы выскакиваем из укрытия и, прячась за машиной, перебегаем на противоположную сторону улицы. Начинается настоящий ад. От пулеметных очередей и взрывов гранат обрушиваются стены домов. Нам, к счастью, удалось

прорваться в безопасное место.

Слева и справа от нас сплошные руины. Поток людей немного ослаб, все стараются спрятаться за той стороной баррикады, которая остается недосягаемой для огня противника. Лишь изредка отдельный солдат или гражданский пробегает вдоль стен домов, остальные пережидают, прячась в развалинах. Надеваю каску и выглядываю на улицу, вслушиваясь в звуки боя. Окружающие дома выглядят так, будто их спилили гигантской пилой на уровне первого этажа и стены обрушились внутрь и вниз, в подвалы. Люди пытаются пробраться через груды кирпича с одной лишь целью — вырваться на запад к армии Венка, подальше от Берлина, превратившегося в безжизненные руины, в одно гигантское кладбище. Гонимые паническим страхом люди бегут сквозь огонь пожарищ. Берлин охватила безумная пляска смерти, незримая коса которой безжалостно косит солдат и гражданских, мужчин и женщин, стариков и детей. Улица заканчивается, и перед нами появляется дорожная развилка. Здесь тоже сплошные развалины, среди которых столпилась масса людей. Слева улица идет наверх, к мосту. Именно туда устремляется человеческий поток. Один за другим люди выбегают из укрытий и, поднявшись по лестнице, бегут по мосту. Позади нас вырастает целая толпа. Рядом со мной и другими солдатами бегут женщины с детьми на руках, дети постарше, старухи, подростки обоего пола. Я опасливо посматриваю на верхние ступеньки лестницы. Русские по-прежнему обстреливают мост, который буквально залит кровью. Мне становится страшно.

Те, кто находится сзади, кричат, чтобы мы не задерживали движение, и, напирая на нас, выталкивают вперед. Делаю глубокий вдох и совершаю рывок. Мы попадаем под пулеметный огонь и оказываемся в кровавой мясорубке, поливаемые свинцовым дождем пуль. Поверхность дороги скользкая от крови. Трупы валяются на мосту и свешиваются с перил. Машины и танки мчатся к другому берегу, с хрустом раздавливая мертвые тела. Бросаюсь вперед, ничего не видя, движимый лишь мыслью о том, что нужно поскорее перебежать мост.

Падаю на землю и прячусь за бетонным столбом. Рядом со мной лежит труп. Неизвестно откуда возникший грузовик врезается в пролет моста и перегораживает путь потоку людей и машин. Какой-то солдат и женщина прячутся под ним от вражеского огня. Теперь по мосту бьют артиллерийские орудия. Я снова поднимаюсь на ноги. Вижу перед собой фигуры бегущих и тут же падающих людей. Ничего не ощущая, бегу вперед, перескакивая через тела мертвецов и наступая на раненых. Сейчас каждый озабочен лишь самим собой и собственной

безопасностью. Думать об окружающих сейчас нет времени. Достигаю края моста и прячусь за баррикадой, судорожно хватая ртом воздух. Пули свистят над моей головой, попадая порой в находящихся рядом людей. Количество человеческих фигур, бегущих по мосту, с каждым мгновением становится все меньше. Изрешеченные пулями и истекающие кровью женщины с детьми, девушки, парни из гитлерюгенда и старики падают, увлекая за собой остальных. Смерть снова затевает свою жуткую пляску. По мосту катят танки, давя живых и мертвых людей, превращая их в жуткое месиво, перемалывая своими гусеницами человеческую плоть в кровавую кашу.

Перебегаю дорогу, чтобы укрыться среди развалин домов, потому что там безопаснее, ведь сейчас враг ведет огонь только по мосту. Какой-то генерал люфтваффе[137] уже собирает вокруг себя солдат и расчеты зенитных орудий. На мосту неожиданно раздается взрыв. Это снаряд попал в грузовик с боеприпасами, который вспыхивает, как факел. Люди с криками отскакивают от него. Пролет моста рушится, и люди падают в воду уже на другой стороне Хафеля. Кажется, будто снова разверзся настоящий ад.

Ползем, старясь держаться ближе к развалинам зданий, один за другим. Мост теперь превратился в непреодолимое препятствие. Мы приближаемся к охваченной огнем ратуше Шпандау. На улицах идет стрельба, вражеский огонь не ослабевает ни на минуту. Повсюду валяются трупы гражданских с белыми повязками на рукаве. Как свечки, горят подбитые машины. В подземном переходе станции метро пожар, но нам все равно приходится бежать через огонь. Справа линия наземного метро, ведущая к станции Шпандау-Вест, слева — взорванный мост, ведущий к главной железнодорожной станции Шпандау.

Взяв оружие на изготовку, идем мимо разрушенных зданий. Стреляем в переулки и окна домов при первом же подозрительном движении. Улицы переходит какой-то гражданский с тяжелой сумкой. Солдат останавливает его. Гремит выстрел, и солдат опускается на землю. Гражданский тут же исчезает в ближайшем здании. Несколько солдат бросаются вслед за ним.

На улице вспыхивает подбитый немецкий танк. В следующее мгновение взрывается боекомплект. В воздух взлетают осколки, и мы бросаемся врассыпную.

Над головой свистят пули. Иногда в окнах домов появляются и тут же исчезают испуганные лица местных жителей. Вражеская истребительная авиация поливает улицы огнем пулеметов и пушек, загоняя нас в дома[138]. После того как самолеты противника улетели, мы выбираемся наружу и двигаемся дальше.

Однако огонь вражеской артиллерии не прекращается ни на минуту, и мы запрыгиваем в щель-убежище, тянущуюся вдоль дороги и упирающуюся в забор между домами. Мы то высовываем головы, то прячем их в песок[139]. Траншея постепенно заполняется другими солдатами. Какой-то офицер СС пытается отправить нас в бой, чтобы выбить противника с садовой дорожки слева от нас. Однако его угрозы тщетны, потому что мы больше не подчиняемся ничьим приказам.

Огонь противника немного ослабевает, и на улице появляются знакомые мне лица. Лейтенант Штихлер, штабс-фельдфебель Рихтер с его подружкой, Блачек и другие солдаты из роты выздоравливающих. Вокруг нас не только военные, но и гражданские, женщины, старики и дети, которым удалось вырваться из ада, разразившегося на берегах Хафеля. Пляска смерти продолжается, и над трагедией Берлина занавес опускается пока еще очень медленно. Мы все еще пробиваемся навстречу армии Венка, в которой видим свое последнее спасение. Однако никто из нас не знает, что произойдет с нами после того, как мы доберемся до цели.

Атака истребительной авиации русских закончилась. Мы медленно бредем мимо домов. На улице справа протянулась красная кирпичная стена какой-то фабрики. Зданий за ней больше нет. Некоторое время спустя мы снова оказываемся в жилом квартале. На перекрестке стоит бронетранспортер войск СС. Несколько солдат пытаются установить на лице пулемет, но вскоре погибают. При попытке перебежать поле штурмовая группа выбита полностью. Солдаты рассредоточиваются по соседним домам, ожидая прекращения огня. Снова замечаю лицо нашего лейтенанта за фабричными воротами на другой стороне улицы и перебегаю к нему. Офицер-эсэсовец говорит, что на садовых участках находятся лишь части снабжения русских. Неужели он думает, что мы готовы умирать ради этого? Часть солдат из нашей казармы собрались возле фабричных ворот. Артиллерийский обстрел неожиданно возобновляется. Мы двигаемся дальше, проходим через здания цехов с массой токарных и фрезерных станков. Потолки зияют огромными дырами. Проходим через лесопильный завод. Стены сараев разбиты, повсюду разбросаны недавно распиленные доски, в свежих воронках, оставленных взрывами, лежат тела убитых. С грохотом ступаем по доскам, затем шагаем по траве и перелезаем через невысокий забор. Где-то вдалеке справа находится железнодорожная линия. Приближаемся к небольшим дачным домикам, окруженным садами. Мы вышли к Штаакену, району садовых участков[140]. Артиллерийский обстрел усиливается.

Снаряд попадает в сарай, только что оставшийся у нас за спиной. В воздух взлетают обломки досок. Вскоре снаряды ложатся среди деревьев и тропинок, попадают в дома. Вырытое в песке укрытие-щель, перед которым мы оказываемся, полно людей. Мы заходим в один из домов и спускаемся в подвал. Следом за нами подходят раненые, их тут же начинают перевязывать. От взрывов в оконных переплетах дрожат стекла. Подвал и лестница битком набиты людьми. В воздухе стоит запах крови и пота. Слышен громкий детский плач. Снаружи доносится несмолкаемый грохот взрывов. Не в силах больше оставаться в подвале, поднимаюсь наверх, но из дома не выхожу. Если снаряд угодит в подвал, то мы превратимся в кровавое месиво. На стенах и двери видны свежие следы крови. Захожу в гостиную комнату, дверь в которую открыта. Богатое убранство свидетельствует о хорошем вкусе хозяев. Окна разбиты, пол усеян осколками стекла. Из кухни видна железнодорожная ветка, за которой предположительно находятся русские.

Какой-то человек бежит по садовой дорожке и исчезает в соседнем доме. Захожу в спальню и выглядываю в сад. В том месте, где было небольшое укрытие от воздушных налетов, теперь огромная воронка, возле которой валяются трупы и оторванные конечности. Двое солдат приводят в дом раненого. Ему попал в живот осколок, наверное, он долго не протянет. Нет ни врачей, ни санитаров, которые могли бы оказать ему медицинскую помощь.

Когда обстрел немного утихает, из подвала выходят мои товарищи. Лейтенант говорит, чтобы мы не отставали от него. Выходим из дома и шагаем по садовой тропинке. Человек из соседнего дома показывает нам путь, и мы двигаемся дальше, перелезаем через забор, избегая дорожек, по которым ведется огонь. Снова перебираемся через забор и оказываемся в саду. Входим в дом и спускаемся в подвал.

Нас двадцать человек, пришедших из Рулебена. Хозяева дома, пожилая пара, приносят нам стулья и табуретки. Наш приход, видимо, напугал их, потому что над входом все еще висит белый флаг. Они говорят, что нашего наступления русские не ожидали. Находившийся у них на постое офицер ушел рано утром, посоветовав им бросить все и уходить. Сегодня он снова вернется сюда. Я сижу, не снимая каски, и незаметно для самого себя засыпаю. Лейтенант Штихлер достает из кармана карту, разворачивает ее и объясняет, что мы должны делать. Нам надлежит из Штаакена добраться до учебного центра в Деберитце. Армия Венка располагается за деревней Деберитц, где она заняла позиции, ожидая нашего прихода. Мы получим несколько недель отдыха. Нас разместят в домиках, которые

подготовила для нас армия Венка. Сам рейхспрезидент Дениц разъяснит нам сложившуюся обстановку. Частями генерала Венка у русских отбиты Потсдам и Науэн.

В комнате осталось уже не так много молодых лиц. Среди тех, кто был вместе со мной призван пять недель назад, вижу одного только Блачека. Вегнер и другие куда-то бесследно исчезли. Нас было 150 молодых людей, из которых в живых осталось только восемь. Интересно, что стало с остальными? Живы ли они?

На улице снова стало немного тише. Откуда-то доносится рев танковых моторов. Мы выходим из подвала. Несколько солдат и офицеров расхаживают на углу улицы возле танков, машин и штурмовых орудий, установленных под деревьями. Генерал люфтваффе, прислонившись к танку, о чем-то разговаривает с офицером СС. Солдаты стоят в саду и на улице.

Двигаемся дальше. Женщины и дети сидят на броне танков, прижимая к себе свой жалкий скарб, держась за стволы пушек. Танки выезжают на улицу, проезжая рядом со стоящими грузовиками и легковыми машинами. Двигатели оживают, и все новые танки приходят в движение, лязгая гусеницами. Они сворачивают за угол и исчезают из поля зрения. Танки один за другим проезжают мимо нас. Они все нагружены едущими на броне гражданскими и солдатами. Неожиданно возобновляется стрельба. Сначала отдельные орудийные выстрелы, затем грохот взрывов превращается в сплошной нескончаемый шум. По проезжающим танкам и машинам враг ведет ожесточенный огонь из домов. Мне кажется, что я снова оказался в аду.

Грузовики переполнены солдатами. Хотя согласно приказу в кузов следует брать одного раненого, это требование не соблюдается. Никто не хочет терять место, полученное с такими усилиями. Те, кому не нашлось места в машинах, пытаются следовать дальше, отправляясь в обход.

В кузовах грузовиков все плотно сбились в кучу — солдаты, женщины, дети и старики. Я сажусь на левое крыло. Держаться мне не за что, и я вцепляюсь в прорези капота. На левом крыле устраивается какая-то девушка. Люди цепляются за машину, повиснув на бортах. Грузовик берет с места, и мы мчимся по улице. Сильный поток воздуха бьет мне в лицо, и глаза начинают слезиться. Продолжаю крепко держаться за капот, упираясь ногами в передний бампер. Грузовик резко сворачивает за угол, и я чуть было не слетаю на землю. Из домов ведется огонь. Враг прячется за воротами и фонарными столбами, стреляя по проезжающим машинам.

Прямо на дороге сидит раненый. Он видит, как мчимся прямо

на него, но не может отодвинуться. В следующее мгновение его уже не видно, потому что грузовик переехал его и покатил дальше. Раздается громкий крик, и на правом крыле машины уже никого нет. Две руки цепляются за металлическую поверхность капота и тут же соскальзывают. Навстречу нам летят дома и деревья. Грузовик бросает из стороны в сторону. Не разбирая дороги, он едет по телам и живых, и мертвых. Мы каждую минуту рискуем перевернуться, закладывая виражи на огромной скорости. Каска съехала мне на глаза, и я ничего не вижу. Слышу лишь свист ветра.

Мы неожиданно останавливаемся, и я спускаюсь на землю на негнущихся ногах. В поле за деревней идет бой. Откуда-то сзади слышатся выстрелы, взрывы и крики — адская музыка войны. С грузовика сбрасывают тела тех, кого убило по пути. С едущей впереди машины «Скорой медицинской помощи», которая сворачивает за угол, на землю стекает кровь. Снова забираюсь на машину. Двигатель грузовика снова оживает, и мы заходим на очередной круг безумного танца смерти. Мимо нас снова мелькают деревья, дома, трупы. Противник по-прежнему поливает нас дождем пуль. Из-за угла какого-дома нас обстреливает вражеский пулемет, однако мы благополучно уходим от смертельного огня. Дороге, кажется, не будет конца, как не будет конца обстрелу. Неужели весь день будет так?

Наконец стрельба немного стихает, и шум боя остается позади. Грузовик сбрасывает скорость. Проезжаем какую-то деревню и едем по следам, оставленным гусеницами танков. Снова попадаем под вражеский огонь. Стреляют из траншеи, выкопанной в поле слева от нас. В сторону траншеи летят несколько ручных гранат, и обстрел прекращается. Несколько машин с простреленными шинами застряли в песке, несколько других, буксуя, пытаются ехать вперед. Восьмерка лошадей вытягивает съехавшую в кювет пушку. В том же направлении двигаются пешие солдаты и гражданские, среди них даже есть женщины.

Удивительно, как им удалось живыми выбраться из этого ада.

Перед нами возникает дорожная пробка. Дорога поворачивает направо к ферме. На повороте застрял какой-то грузовик. Неожиданно рядом с дорогой начинают рваться снаряды. Стоящая перед нами машина вспыхивает, как спичка. Пассажиры поспешно спрыгивают на землю и в горящей одежде бегут в поле. Снаряд попадает еще в одну машину, и в воздух взлетают развороченные тела и оторванные конечности, заливая все кровью. Другая машина, стоящая впереди нас, не может двигаться, потому что между ее колесами застряли мертвые тела. Вокруг нас неумолчно

гремят взрывы. Снаряды попадают в сбившиеся в кучу машины, разбрасывая во все стороны осколки и куски окровавленной плоти. Следующий снаряд вполне может попасть в наш грузовик, и поэтому я спрыгиваю на землю и бегу вправо, в направлении траншеи, проходящей под забором. Неожиданно что-то ударяет меня, и я падаю. В ужасе пытаюсь понять, что это такое. Это человеческое тело, вернее то, что осталось от него, кровавый обрубок, один лишь торс, без головы, рук и ног. Выскакиваю из траншеи с такой прытью, будто меня хлещут плетками сотни разъяренных демонов. Моя форма вся заляпана кровью, которая, как мне кажется, льется с небес. Пробегаю по траншее, которая полна солдат и гражданских, и устремляюсь в открытое поле. Вражеские истребители летят на бреющем полете, поливая землю снарядами и пулями. Вокруг меня фонтанами взлетают вверх осколки и комья земли. Воздух оглашают пронзительные крики раненых. На повороте дороги целая куча подбитых, опрокинутых и горящих машин и бестолково мечущихся людей. Вижу человеческие фигурки, бегущие по полю под свинцовым дождем. Кто-то падает, сраженный пулей или осколком. Траншея проходит под забором, и две девушки пытаются просунуть в дыру велосипед. Поняв тщетность своих попыток, они бросают его. Повсюду лежат убитые и раненые, с каждой новой воронкой, образовавшейся в земле, их становится все больше и больше. Стадо коров, пасшихся неподалеку, похоже, обезумело от страха. Животные мечутся во все стороны, сбивая людей с ног. По полю, рыча моторами, катят танки. Они сметают все на своем пути, давят тяжелыми гусеницами живых и мертвых. Я бегу вперед и слышу, как над головой свистят пули и с ревом пролетают вражеские истребители, огнем пулеметов безжалостно выкашивая находящихся на поле людей.

Я останавливаюсь. Бежать бессмысленно. Смерть все равно быстрее, она выбирает, кого хочет. От нее не уйти. Вокруг меня настоящий ад. Заползаю в погреб дома, стоящего у дороги. Мимо, спотыкаясь и падая, бегут люди. Иногда рядом с домом проезжает танк. Зажимаю уши, чтобы не слышать хруста раздавливаемых человеческих тел. Стрельба и взрывы, как мне кажется, сделались еще громче. Вылезаю из погреба и бросаюсь вперед.

Неожиданно меня обдает фонтаном земли, и я падаю. Чувствую острую боль в ступне. Неужели это конец? В глазах у меня темнеет. Боль в ноге не прекращается. Несмотря на боль, поднимаюсь. Меня едва не сбивает с ног неизвестно откуда взявшаяся лошадь, но я, не оглядываясь, бегу дальше. Я хочу жить, просто хочу жить.

Пробегаю еще несколько метров и оказываюсь возле леса.

Обстрел немного ослабевает, шум становится тише. Ускоряю шаг, чтобы поскорее углубиться в лес, где можно укрыться от смерти. Бросаюсь на землю, вжимаясь лицом в мягкий мох. Адский грохот в моей голове понемногу стихает.

Осматриваю ногу. В мой правый сапог впился осколок, так сильно затруднявший ходьбу. Чувствую, что боль усиливается. Заставляю себя не думать о ней, понимаю, что нужно встать и идти по дороге бегства и отступления.

Среда, 2 мая 1945 года, после полудня

Чувствую, что мое тело немного расслабляется, освобождаясь от былого напряжения. Шум боя, оставшийся у меня за спиной, не утихает. Люди, с трудом вырвавшиеся из ада, бросаются на землю, найдя приют и спасение под кронами деревьев. Там, на поле, все еще идет бой, свистят пули, снаряды перепахивают землю. Между ними отчаянно лавируют машины, пытающиеся проложить путь между огромными воронками. Иногда откуда-то появляются танки, на броне которых жмутся перепуганные люди. Им повезло больше остальных, потому что они вырвались из-под обстрела быстрее, чем те, кто пересек поле на своих двоих. Танк останавливается у кромки леса. Открывается башенный люк. Командир бронемашины сбрасывает убитого, которого насмерть посекло осколками. После этого танк катит дальше и вскоре скрывается в чаще леса.

Встаю и иду дальше, не желая отстать от других. В лесу повсюду разбросаны рюкзаки, узлы с одеждой, оружие и боеприпасы, продукты, обмундирование. Все это бесполезный балласт, совершенно ненужный в безжалостной пляске смерти. Тем не менее некоторые солдаты и гражданские упорно продолжают тащить какие-то вещи, очевидно, не в силах расстаться с ними. Это абсолютно ничтожное барахло, не имеющее никакой ценности по сравнению с человеческой жизнью. Рядом со мной медленно едет танк. На его броне лежит раненый. У него почти полностью оторвана нога ниже колена, она держится всего на одном лоскуте кожи и медленно покачивается взад-вперед, когда танк подскакивает на ухабе или попадает в рытвину. По броне на гусеницы стекает кровь, оставляя следы на песке. Рядом с раненым сидит женщина. Она поглаживает его руку, изуродованную осколком снаряда. Ее пальцы перепачканы его кровью. Раненые, которые из последних сил доковыляли до леса, теперь лежат в лесу возле дороги, медленно истекая кровью. Они все еще находятся в ясном сознании и видят, как армия

проходит мимо них, не оказывая им никакой помощи. Ни врачей, ни санитаров нигде не видно, но даже если они и есть, то все равно равнодушно проходят мимо.

Изо всех сил сдерживаюсь каждый раз, когда делаю шаг и чувствую, что ногу пронзает острая боль. Когда мимо проезжает машина медицинской помощи, хватаюсь за дверь и иду рядом. Машина переполнена и медленно катит вперед на шинах, из которых выпущен воздух. Тяжелораненые лежат даже на крыше. Людей со слабыми ранениями, способных передвигаться самостоятельно, просто не принимают в счет. Отпускаю дверцу и медленно иду по дороге.

Мимо меня проезжает грузовик с прицепом. Шина одного из задних колес прострелена, и машина виляет из стороны в сторону, рискуя застрять между деревьями. Чем дальше в лес мы уходим, тем тише становится шум боя, звучащий у нас за спиной. Время от времени залпы шрапнели срезают верхушки деревьев, и на нас градом летят осколки. Все разом останавливаются на несколько секунд, затем снова продолжают идти вперед. На дороге лежит раненый, свалившийся с танка. Он стонет и просит помочь ему, но тут же замолкает, когда его переезжает какая-то машина. Бесстрастно прохожу мимо него. Трупы во множестве валяются повсюду. Их стараются обходить.

Неожиданно вспоминаю о том, что где-то потерял винтовку. Должно быть, я выпустил ее из рук, прыгая в окоп. Достаю из кармана пистолет. Сжимаю горячей рукой его гладкую прохладную поверхность, затем засовываю за поясной ремень. Время от времени присаживаюсь на поваленное дерево и немного отдыхаю. Некоторые солдаты и гражданские, тупо глядя перед собой, ложатся на землю. Среди нас несколько женщин, которым посчастливилось остаться в живых после ураганного огня вражеской артиллерии.

Вскоре страх перед врагом заставляет нас ускорить шаг. Ускоряемся каждый раз, когда вдали раздается новый, более громкий орудийный залп или сверху слышится гул авиационных двигателей. Страх не оставляет нас даже в те минуты, когда становится тихо. Ползучий, мерзкий, безмолвный страх не дает нам спокойно двигаться вперед. В моих ушах зловеще звенят слова «героическая жизнь» и «героическая смерть». Люди идут в основном поодиночке, иногда парами. Лес напоминает огромный лабиринт, которому, похоже, никогда не будет конца. Каждый следит лишь за человеком, идущим впереди него, и машинально повторяет его движения, например, так же, как он, перешагивает через поваленное дерево. На правой стороне дороги видны следы гусениц, глубоко впечатанные в песок. Идем по этим следам как

за путеводной нитью, способной вывести нас в безопасное место.

Мы движемся уже очень долго, наверное, несколько часов, представляя собой смертельно усталую массу людей. Иногда с ветвей взлетает птица или прямо из-под ног выскакивает заяц, тут же бросающийся наутек. В лесу становится тихо. Все идут молча. Нас со всех сторон окутывает величавая тишина природы, позволяющая нам спокойно вздохнуть. Расстояние между идущими становится все больше. Уже очень трудно различить фигуру, идущую впереди тебя. Наконец лес заканчивается.

Шагаем по полю, поросшему густым кустарником. Справа находятся лесопосадки, где высажены сосны примерно в рост человека. Со стороны кромки леса время от времени раздаются одиночные выстрелы. Перехожу на другую сторону дороги и начинаю продираться сквозь заросли сосен. Колючие ветки больно хлещут по лицу. Мои руки скоро становятся липкими от сосновой смолы. На тропинке лежит раненый с перебинтованной ногой. Вдали слышится новый выстрел, и я торопливо ускоряю шаг. «Помоги мне, товарищ, прошу тебя, помоги!» Я ничем не могу помочь этому бедняге и зажимаю уши, чтобы не слышать его жалобных криков.

Слышу у себя за спиной лошадиное ржание и оборачиваюсь. Какой-то человек ведет в поводу навьюченную тяжелыми тюками лошадь. Вскоре лесопосадки заканчиваются. Справа дорога начинает подниматься вверх. Неожиданно появляются старые заброшенные дома, стены которых поросли мхом. Похоже, что в них давно никто не живет. На одном висит табличка с размытой дождями надписью — «Деберитц». Дома и наполовину сгнившие ветхие сараи с виду не внушают никакой угрозы, однако я ускоряю шаг, потому что за мирными фасадами вполне может прятаться враг. Наконец дома остаются позади, и снова начинается лес. Вижу указатель, из которого явствует, что мы приближаемся к аэродрому Штаакена. Рядом должен находиться и военно-учебный центр, где заняла позиции ожидающая нас армия генерала Венка. Мне кажется странным, что она не стала пробираться к Штаакену, поскольку противника в лесу не оказалось. Однако я стараюсь не слишком задумываться об этом, и мои мысли переключаются на долгожданный отдых и покой, который мы скоро обретем. Идем по следам танковых гусениц, которые хорошо видны на земле. Местность изменилась, стала всхолмленной, кое-где видны редкие сосны. Почва скудная, песчаная. Ноги вязнут в песке. Песок — явное свидетельство того, что мы находимся в самом сердце Бранденбурга. На вершинах отдельных холмов стоят деревянные дома, ярко раскрашенные, наполовину скрытые густым кустарником. Многие из них

полностью разрушены. Вижу вросшие в землю бетонные долговременные огневые сооружения. Повсюду валяются заржавевшие осколки снарядов, земля распахана многочисленными воронками. Шагаем через стрельбище, где когда-то проходили стрелковую подготовку солдаты.

Дорогу перегораживает горящий танк. На его покрытых камуфляжной раскраской боках видны немецкие кресты. Неожиданно с громким хлопком и свистом взрывается боекомплект. Приходится идти в обход, и я вскоре теряю из вида человека, за которым шел следом. Он как сквозь землю провалился. Ищу следы танковых гусениц и наконец нахожу их, а также разбросанные вещи тех, кто шел впереди меня. С облегчением шагаю дальше.

Подлесок снова превращается в густой лес. Над верхушками деревьев пролетает самолет. Учебный полигон заканчивается. За спиной у нас остается табличка «Вход запрещен». Армии Венка по-прежнему нигде не видно, как не видно и приготовленных для нас домиков.

Снова чувствую боль в ноге, однако она уже не такая острая, как раньше. Метрах в ста позади себя замечаю какого-то гражданского. Дорога снова поднимается вверх. Вижу танк, стоящий прямо передо мной. Люди обходят его и садятся на поваленные деревья. Кто-то ложится на землю и принимается за еду или курит. Здесь смешались в одну кучу офицеры и солдаты, гражданские, фольксштурмовцы, девушки из отрядов трудового фронта, женщины-связисты в форме, даже дети. Водитель танка с темным от пыли лицом нервно ходит вокруг своей бронемашины, озабоченно рассматривая раскаленные броневые плиты над двигателями, работавшими без перерыва с самого утра.

Перед танком стоят несколько автомашин. Раненых выгружают из машины «Скорой медицинской помощи» и выкладывают на землю возле леса.

— Им уже ничем не помочь, — неожиданно произносит кто-то рядом со мной. — Они занимают места здоровых людей.

Два офицера СС в чине майора стоят рядом с генералом возле танка и рассматривают карту. Это тот самый генерал, который вместе с нами находился на мосту и сумел прорваться сюда. Подхожу к танку, ложусь на землю, достаю сигарету и прошу у майора спички. Затем вытягиваюсь во весь рост, курю и смотрю на деревья. Боль в ноге немного ослабла. Офицеры заигрывают с дамами, те радостно смеются. Звук чужих голосов смутно доносится до меня, замечтавшись, я плохо понимаю смысл произносимых слов. На землю летят обертки от конфет и пустые коробочки от шоколада.

Генерал подходит к офицерам СС и показывает на часы. Все медленно собирают вещи и встают. Женщин усаживают на танки, и они исчезают в башенных люках. Затем офицеры кладут вещи в машину «Скорой помощи». Ждем команды продолжать марш.

Два русских летчика с бритыми головами сидят на поваленном дереве. На обоих плотные комбинезоны. Один из них ранен в плечо. Они сидят молча и с любопытством наблюдают за происходящим. Рядом стоит эсэсовец с автоматом, не спуская глаз с пленных. Русским пришлось совершить аварийную посадку, после того как был пробит бензобак самолета, сообщает мне один из наших солдат. Их уже допросили и скоро расстреляют. Я без всякого интереса выслушиваю это, потому что сегодня видел слишком много смертей, но мне стыдно за тех, кто отдал такой приказ. Но если так поступают с немцами русские, то чему удивляться.

Танки и машины полностью заняты людьми. Оживают двигатели, и бронированные колоссы один за другим уезжают. Раненые, выгруженные из машины «Скорой помощи», лежат на земле, печально наблюдая за отъездом. Они уже распрощались с жизнью, которая еле теплится в их изуродованных войной телах.

Равнодушно, покорные судьбе, мы отправляемся в путь. Хорошо, что теперь не нужно, идя поодиночке, следить за идущим впереди человеком. Теперь мы уже точно не потеряемся. Подходим к дорожной развилке. Танки сворачивают направо. Они уже набрали скорость, и мы скоро отстаем от них. Когда танки с сидящими в них офицерами СС скрываются из вида, мы останавливаем машину «Скорой помощи» и выбрасываем из нее все вещи. Раскрываются замки чемоданов, и на землю летит разноцветная яркая одежда, ткани, обувь и прочее. Подбираем высыпавшиеся продукты. В одном из чемоданов оказываются пачки новеньких, только что вышедших из-под печатного станка денег. Кто-то разрывает пачки и раздает всем по нескольку банкнот. Солдаты держат водителя «Скорой» и отпускают только после того, как мы опустошаем все чемоданы. Тогда он пытается положить все обратно. Тем временем за руль садится другой солдат. Он заводит двигатель, и машина трогает с места. Растерянный водитель недоуменно и испуганно смотрит ей вслед. В следующее мгновение машина скрывается за поворотом.

Мы уже больше не являемся неорганизованной толпой, а образуем длинную колонну. Идем один за другим, следя за ногами впереди идущего. Но таким образом можно запросто уснуть на ходу. Мы представляем собой странное зрелище. Рядом с солдатами идут женщины и дети. Среди нас находятся и несколько партийных функционеров и государственных

чиновников, одетых в новенькую форму. Однако основную массу составляют усталые и грязные солдаты. Колонну возглавляет немолодой генерал, признанный всеми командиром нашего отряда. Он где-то потерял свою пилотку, и его седые волосы треплет ветер.

Справа протянулись траншеи. Неподалеку находятся несколько разрушенных домов. Брошенные автомашины разобраны на части, с них снято все ценное. Повсюду разбросано оружие, ящики с панцерфаустами и артиллерийскими снарядами. Перевернутая пушка без затвора представляет собой жалкое и печальное зрелище.

Один из чиновников в ранге майора неожиданно объявляет о том, что здесь находилась армия Венка. Я внимательно осматриваю окружающую местность, но нигде не вижу ни малейших свидетельств этого. Мне кажется странным, что мы с пяти часов утра идем на соединение с частями армии Венка, которая сначала должна была находиться в Деберитце, затём в лесах возле полигона, и мы после этого прошли большое расстояние, а ее все не видно. В позавчерашней боевой сводке сообщалось, что армия Венка ведет бои в Потсдаме и неуклонно приближается к столице. Она представлялась нам неким спасительным якорем, за который можно ухватиться в безумном водовороте разрушения. Именно поэтому мы с таким воодушевлением и доверием пробиваемся навстречу армии, которая должна освободить Берлин. Мы, пережившие настоящий ад, заглянувшие в лицо смерти, мы, солдаты и гражданские, мужчины и женщины, которые не хотят попасть в плен к русским, идем вперед, но так и не видим армии Венка.

К нам неожиданно подбегают несколько женщин с детьми. «Русские идут!» — кричат они и испуганно разбегаются в стороны. Мы потрясены услышанным и не знаем, что делать. Просим разъяснений у одной из женщин, и та говорит, что неподалеку отсюда лес заканчивается и там находится шоссе и что русские двигаются через поле с левой стороны дороги.

Мы осторожно идем через лес и выходим к открытому полю. Слева виднеются человеческие фигурки. Один из наших танков, находящихся впереди, открывает огонь по врагу. Справа виднеется какая-то деревня. Передняя часть нашей колонны двигается вслед за медленно едущими танками и машинами. Некоторые из нас продолжают идти вперед, но я сворачиваю в сторону и начинаю шагать по полю. Земля заболоченная, и сапоги вязнут выше щиколотки. Холодная вода просачивается в дыры сапог. Иду осторожно, будто ступаю по яйцам. Кроме осколка, сидящего в ноге, не испытываю другой боли, хотя знаю, что мои

ноги сильно потерты и покрыты волдырями, потому что сапоги мне тесны. С каждым шагом становится все труднее и труднее вытаскивать ноги из грязи. Искренне радуюсь, когда наконец выхожу с поля на дорогу.

Танки ушли вперед, чтобы оградить нас от всяких опасных неожиданностей. Остался лишь один тяжелый танк, который стоит у обочины и ведет огонь по той стороне дороги, что ведет к лесу. Мне нестерпимо хочется пить, но моя фляжка пуста, остатки шнапса выпиты еще ночью. Прибавляю шаг, чтобы догнать идущих впереди и пораньше выйти к водопроводной колонке, если таковая найдется. У нас осталось мало оружия. Нас примерно тысяча двести человек, военных и гражданских, но вооружена лишь половина этого числа.

Переходим через железнодорожные пути[141]. Возле будки путевого обходчика стоит колонка, вокруг которой сразу собирается масса народа. Слева расположен жилой дом за высоким деревянным забором. Толкаю ворота, которые, к моему удивлению, открываются, и вхожу во двор. Возле дома на скамейке сидит пожилая женщина. Прошу у нее воды. Она наполняет мою фляжку горячим кофе и приносит целый кофейник. Я быстро выпиваю его. Торопливо выхожу за ворота, опасаясь отстать от колонны.

Слева виднеется одинокая ферма, со стороны которой на дорогу выходят несколько женщин в пестрых косынках. Они угощают нас молоком. По всей видимости, мужчин в округе не осталось. Некоторые из этих женщин, судя по зеленым чулкам военного образца, служат во вспомогательных частях связи. С правой стороны дороги стоит трактор с двумя прицепами, нагруженными бочками с бензином. За рулем трактора сидит мертвый русский солдат, чье лицо обезображено пулями. Чуть дальше стоит еще один трактор с двумя такими же прицепами. Его водитель и еще несколько солдат тоже мертвы. Испытываю неприятное чувство. Мы находимся на территории, захваченной советскими войсками, и поэтому есть все основания опасаться русских снайперов. Женщины рассказывают нам, что очень перепугались, когда на дороге началась стрельба, и танкисты подбили водителей тракторов. Двигатели тракторов все еще работают, из выхлопной трубы в воздух поднимается голубоватый дымок. Мы забираемся в прицепы и пробиваем бочки, чтобы бензин вытек на землю.

Первый трактор отцеплен от прицепов и начинает двигаться вперед, рокоча двигателем, изрыгая дым из выхлопной трубы. Он чем-то напоминает старинный паровоз. Солдату, севшему на место водителя, с трудом удается управлять трактором, и он едва

не врезается в деревья, растущие вдоль дороги. Остальные солдаты цепляются за всевозможные наружные части «стального коня». Бродящие поблизости коровы разбегаются, недоуменно глядя на источник беспокойства.

К нам подбегают ребятишки из соседней деревни. Они принесли несколько ящиков с винтовочными патронами, которых нам так не хватает. Мы укладываем боеприпасы в прицеп, и трактор, вихляя, как пьяный, едет дальше.

Приближаемся к деревне, в центре которой над другими домами горделиво возвышается церковь. Некоторые здания, видимо, горят, потому что над ними в воздух поднимаются клубы дыма. Неожиданно трактор резко сворачивает вправо и едва не сваливается в кювет. Солдаты, чертыхаясь, спрыгивают и дальше идут пешком, бросив непокорное транспортное средство на дороге.

Приближаемся к деревне. На указателе читаем ее название — Фалькенреде[142]. У дверей домов стоят местные жители, они предлагают нам кофе и бутерброды. Садимся на крыльцо и мирно перекусываем. Группа наших солдат отправляется проверять дома, не спрятались ли там русские. Кто-то рассказывает, что в Приорте видели, как русские подбили одиннадцать наших танков, прорвавшихся с боями из Берлина. Лишь нескольким танкистам и женщинам, сидевшим на броне, посчастливилось остаться в живых.

Мы идем по деревенской улице мимо аккуратных домиков. Генерал сообщает нам, что мы можем идти только вперед, потому что русские якобы блокировали дорогу, оставшуюся позади нас, и только наши танки мешают им быстро нанести удар в спину. Теперь нас около тысячи человек. Женщины покинули нас. Они решили остаться на фермах и подождать, когда мы отойдем подальше. После этого они, лишившись последних надежд прорваться на запад, повернули обратно.

Танк, отправившийся на разведку, вернулся и остановился на центральной деревенской площади. Вокруг него восторженно бегают местные ребятишки. Они давно уже не видели немецких танков и непременно хотят забраться на броню, однако командир строго приказывает им отойти подальше. Три легких танка, отправившиеся вперед, останутся в тех деревнях, которые мы должны будем пройти сегодня до наступления темноты. На моих часах почти шесть вечера.

Мы снова отправляемся в путь. Дети провожают нас до конца деревни, затем бегут обратно, откликнувшись на зов обеспокоенных матерей.

Несколько гражданских, в том числе женщин, остаются в

Фалькенреде. Они решили сдаться на милость судьбы и ждать прихода русских. Ждать остается, видимо, совсем недолго. Сейчас мы, видимо, единственные, кто передвигается по занятой врагом территории. Идем пешком, потому что горючее закончилось, и грузовики за ненадобностью пришлось бросить на обочине, сняв с них все более или менее ценное. Некоторые солдаты даже продолжают нести автомобильные сиденья.

Деревня давно осталась позади. Справа лес, слева — широкое поле, на дальнем краю которого также видны деревья. Там же высятся какие-то башни — то ли мачты радиостанции, то ли буровые вышки какой-нибудь угольной шахты. Вдали можно также разглядеть железнодорожную линию.

Постепенно начинает смеркаться, и вскоре становится совсем темно. Солнце зашло, и первые ночные тени опустились на землю.

Мимо нас часто проезжает туда и обратно тяжелый танк, проверяя деревни, лежащие впереди и позади. Время от времени слышатся далекие приглушенные залпы артиллерии, и темное небо озаряется вспышками света. Изредка в лесах раздаются одиночные выстрелы, заставляя нас, как безумных, стрелять в ответ, правда, не зная точно куда. Разумеется, толку от нашей стрельбы никакой, однако мы все равно не осмеливаемся свернуть в лес. В большинстве деревень русских нет, они отошли в лес, увидев наш первый танк, поскольку их противотанковые орудия находятся в Вустермарке.

Неожиданно над полем недалеко от нас пролетает биплан. Он сворачивает к дороге. Танки посылают ему вслед пулеметные очереди. Самолет торопливо улетает в направлении леса и вскоре скрывается из вида. Я думаю о том, что случится с нами, если мы не доберемся до берегов Эльбы. Неужели русские поступят с нами так, как мы поступаем с их пленными? Когда же нас расстреляют — после допроса или сразу же? Они найдут своих убитых солдат возле тракторов и получат все основания без колебаний расправиться с нами. Если они подобьют наши танки, то мы останемся совсем беззащитными. Таким образом, сейчас у нас имеется только одна цель — идти вперед, на запад, навстречу частям армии Венка, которые, возможно, находятся где-то совсем рядом.

У обочины валяются мертвые лошади, издающие жуткое зловоние. Нам приходится зажимать носы, проходя мимо них. Перевернутая пушка, которую они тащили, валяется в кювете. Под ней лежит тело раздавленного солдата, видны лишь его ноги в сапогах.

Доходим до дорожного указателя с надписью «Кетцин». У

въезда в деревню нас ждет один из наших легких танков[143]. Он отправляется вперед, к противоположному концу деревни. Пока все идет удачно, и если только мы не наткнемся на врага, то у нас будет шанс благополучно добраться до цели.

Жители деревни стоят возле домов, но, судя по всему, не слишком рады нашему появлению. Мы не можем осуждать их за это, потому что наше присутствие может привести к самым трагическим последствиям. Один из домов, в котором совсем недавно находились русские, охвачен пожаром. Языки пламени ярко освещают соседние дома.

Покидаем деревню и подходим к временному мосту через Хафель. Несмотря на свою хрупкость, он выдерживает значительный вес, и танки без особых проблем переправляются по нему на другую сторону[144]. Дорога направо тянется параллельно Хафелю, дорога налево ведет к Потсдаму. Спрашиваем у местных жителей, где находится армия генерала Венка, но те ничего не слышали о ней. Нигде поблизости нет никаких немецких военных частей. Бои за Потсдам закончились несколько дней назад, и лишь на Пфлауэнинзеле оборона продержалась немного дольше. Возможно, армия находится в Бранденбурге, который удерживается вот уже десять дней[145].

Когда мы проходим мимо одного из домов, из него выбегает молодой парень из зенитных вспомогательных частей и говорит, что неподалеку находятся несколько немецких пленных. Они сидят взаперти. Их нужно освободить, взломав дверь, потому что русские ушли и унесли с собой ключи.

Охваченный любопытством, захожу во двор, чтобы самому узнать, как же русские обходились с этими несчастными. Несколько солдат выбивают дверь, затем молча застывают на пороге. Мы зовем тех, кто находится внутри дома. В ответ раздаются чьи-то голоса, и нам по-немецки велят убираться прочь.

На улице уже совсем темно. Прохладный ночной ветер усиливается. Мы дрожим от холода и испытываем сильный голод, несмотря на то, что в Фалькенреде нас угощали кофе с бутербродами. Сворачиваем налево. Направо видим дорогу, ведущую к сараю, от которого в направлении поля убегают несколько человеческих фигур. Вскоре беглецы скрываются в лесу. Скорее всего, это русские, находившиеся в деревне и дожидавшиеся нашего ухода. Возле деревенских домов стоят два русских грузовика с красными флажками на капотах. К одному из них прицеплено тяжелое противотанковое орудие. Местные крестьяне кувалдами разбивают его затвор. В поисках еды залезаем в кузова грузовиков. Кто-то из нас сбрасывает на землю

несколько ящиков, из которых на дорогу высыпается масса русских медалей. Весь грузовик нагружен ящиками медалей всевозможных видов. В кузове второго грузовика оказываются черный хлеб, сардины в масле, тушенка и пачки масла. Жители деревни охотно помогают нам разгрузить машину, и вскоре в ней ничего не остается. Спрыгиваю на землю, прямо на ковер из русских медалей и орденов, серебряных, золотых и покрытых красной эмалью.

Садимся под деревьями и жадно едим. Позади нас находится горящий сарай, из которого только что бежали русские. Он загорелся от снаряда, выпущенного из нашего танка. Несколько крестьян пытаются потушить огонь, однако это им не удается, и пожар разгорается еще сильнее. Пламя высоко вздымается в ночное небо.

Неожиданно со стороны леса доносятся выстрелы. Танк подъезжает ближе и выпускает несколько снарядов в направлении лесного массива. Затем разворачивается и возвращается обратно. Обсуждаем наши действия. Нам необходимо добраться до Гентина через Прицэрбе, а затем двигаться к Йерихову, откуда уже рукой подать до Эльбы. Крестьяне рассказывают нам, что русские находятся близ Прицэрбе. Таким образом, нам следует быть готовыми к тому, что нас в любом месте может ожидать засада. Отправляемся в путь. Нам приходится обходить главные дороги, где нас наверняка ждет враг. Сворачиваем на тропинку, ведущую к Эльцину. Темно настолько, что ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. Численность нашей колонны сократилась, теперь нас примерно восемьсот человек. На краю тропинки стоит горящий танк. Возле него столпились танкисты. У танка сломалась гусеница, и экипаж решил взорвать свою боевую машину.

Идем дальше. Неожиданно грохочут взрывы, и нас осыпает фонтаном земли. Выстрелы артиллерийских орудий распахивают местность, на которой мы оказались. Бежим по полю, прячась в воронках. Два офицера СС продолжают идти вперед, время от времени бросаясь на землю. Земля сырая и холодная, кажется, что холод сочится отовсюду. От него буквально немеет тело, теряя чувствительность. Взрывы теперь гремят чуть дальше от нас и слышны через разные промежутки времени. Мы инстинктивно падаем на землю каждый раз, когда слышим их. Многие солдаты где-то побросали оружие и теперь прячутся в поле. Темно стало настолько, что я практически ничего не вижу. Неожиданно чувствую непреодолимую усталость и засыпаю.

Чувствую какое-то прикосновение к лицу. Открываю глаза и жду, когда глаза привыкнут к темноте. Понимаю, что мои

товарищи куда-то исчезли и вперед ушли даже самые последние отставшие солдаты. Быстро поднимаюсь и изо всех сил бросаюсь вперед. Я продрог до костей и чувствую, что никак не могу сдержать дрожь. Двигаюсь как во сне и время от времени натыкаюсь на идущих впереди меня людей, которые громко выражали свое недовольство моей неловкостью.

Темнота вокруг такая, что невозможно разглядеть, кто идет впереди тебя. Где-то вдалеке мелькает луч прожектора. Он указывает на запад. Именно на запад я хочу быстрее попасть, потому что надеюсь, что русских там пока нет. Похоже, что мои спутники придерживаются такого же мнения.

Прибавив шаг, добираюсь почти до самой головы колонны. Самыми первыми идут офицеры СС, о чем-то негромко переговариваясь. По всей видимости, они единственные офицеры нашего отряда, потому что генерал куда-то исчез. Мы неожиданно останавливаемся. Один из офицеров, осторожно подсвечивая себе фонариком, изучает карту. После этого мы продолжаем движение. Сворачиваем направо и идем по какой-то узкой тропе.

Опускается туман. Далекий прожектор больше не виден. Это досадно, поскольку мы лишились хотя бы какого-то ориентира. Снова оказываемся среди сельскохозяйственных плантаций. Шагаем по длинным грядкам спаржи. Долго пытаемся найти тропинку и спустя какое-то время обнаруживаем ее — ту самую, с которой недавно свернули. К этому времени наша колонна изрядно убавилась количественно. Очевидно, арьергард не заметил, как мы свернули, и пошел прямо. Офицеры СС тоже куда-то делись, и мы останавливаемся, не зная, что делать дальше. Туман плотным одеялом укутывает нас, полностью лишая видимости. Наконец мы продолжаем движение. Ощущение такое, будто находишься в наполненной паром прачечной. У нас нет ни компаса, ни карты, чтобы сориентироваться на местности. Мы просто идем в том направлении, которое нам представляется западом.

Скоро тропа кончается, и мы оказываемся среди полей и лугов. Рядом с нами идут двое гражданских, толкая велосипеды. Они так же, как мы, переходят ручьи и пересекают поля. Чувствую, что у меня замерзли ноги. Идти тяжело от налипшей на сапоги глины. Снизу штаны влажные от росы. Я по-прежнему никак не могу согреться. Ничего не вижу вокруг, мне все так же кажется, будто я нахожусь в непроницаемом пару прачечной. Мы без конца чертыхаемся, спотыкаясь на неровном поле, и в туманном ночном воздухе наши голоса кажутся голосами бесплотных призраков.

Неожиданно нам приходится остановиться. Где-то совсем

рядом начинают грохотать артиллерийские орудия, отчетливо слышны голоса русских. Стараясь двигаться бесшумно, перебираемся на противоположную сторону. Перед нами лежит шоссе, здесь завеса тумана неожиданно обрывается, как будто обрезанная ножом. Залегаем в кювете и ждем, кто первым перебежит через дорогу. В конечном итоге все вместе перебегаем ее и снова слышим чужую речь, которая заставляет нас молча прижаться к земле и напряженно вслушаться в ночные звуки.

Затем мы торопливо бежим обратно и пересекаем железнодорожную ветку. Возвращаемся на те же поля. Иногда путь нам преграждает проволочная ограда, и мы меняем направление, стараясь обойти ее. Похоже, что мы заблудились и ходим кругами. Все поля и изгороди кажутся одинаковыми. Мы нередко натыкаемся на собственные следы.

Часть нашей колонны, видимо, оторвалась от нас и пошла своим путем. Во всяком случае, нас стало значительно меньше. Снова ныряем в полосу тумана и чувствуем, что заблудились. Выбираем новое направление и замечаем, что кто-то совсем недавно выбрал именно его. Трудно понять, чьи это следы, — то ли наши, то ли какого-то другого отряда.

Туман начинает редеть. Отдельные группки солдат снова соединяются и устало бредут по полям. Все измотаны и с трудом передвигают ноги. Иногда ненадолго останавливаемся посовещаться и спорим о том, правильной ли дорогой идем. После этого идем вслед за тем, кто свернул в ту или иную сторону. Снова устраиваем жаркий спор о том, куда идти, чтобы не попасть в открытом поле прямо в руки русским. У каждого имеется свое мнение на этот счет, и оно выражается настолько громко, что приходится взывать к тишине. Кто-то предлагает назначить командира из числа присутствующих среди нас офицеров, который возглавил бы колонну и повел туда, куда, по его мнению, следует идти.

Оглядываемся в поисках такого офицера и наконец находим. Это пожилой государственный чиновник в ранге майора. Выясняется, что он не умеет пользоваться компасом или ориентироваться по звездному небу. Кроме того, он не может взять на себя такую ответственность, ссылаясь на возраст. Однако, когда из толпы доносится крик «трус!», он все же соглашается взять бразды правления в свои руки. Затем указывает новое направление, и мы отправляемся в путь.

Позднее наш отряд разделяется, и часть солдат исчезает в темноте, отправившись туда, где, как они полагают, находится запад. Мы устало бредем по полю и буквально спим на ходу. Испытываю жуткий голод и мечтаю хотя бы о куске хлеба.

Неожиданно падаю на землю. Я действительно уснул на ходу.

Смотрю на часы и удивляюсь. Уже далеко за полночь. Я иду вот уже целые сутки, практически без перерыва на отдых. Наш поход кажется мне бесконечным.

Глава XIII. Бегство

Четверг, 3 мая 1945 года

Начинает светать. Висящий над полями туман редеет. Звезды меркнут. От земли тянет сыростью. Комья грязи, липнущей к ногам, кажутся тяжелее обычного. Идем, как лунатики, полусонные и смертельно усталые. У нас больше нет цели, как нет точного направления движения. Мы давно потеряли ориентацию в пространстве. Единственное, что нам сейчас нужно, — это уголок, в который можно забиться до наступления утра.

Нас остается пятьсот человек. Часть из нас все еще не рассталась со своей тяжелой поклажей. Несмотря на усталость, эти люди скорее рухнут под тяжестью своего «богатства», чем бросят его. Есть что-то зловещее и неестественное в том, что в те мгновения, когда начинает опускаться занавес над величайшей в мире трагедией, они продолжают цепляться за свой жалкий скарб.

С каждой минутой приближается утро. Видимость пока еще ограничена, и мы пытаемся отыскать лес или заросли кустарника. Вязнем в сырой земле, идти очень тяжело. По-прежнему не можем согреться и поэтому шагаем, клацая зубами. Испытываем неимоверную усталость и опустошенность. По пути выдергиваем из земли репу и съедаем ее в сыром виде. Многие не выдерживают темпа бесконечного марша и падают. Идем по полю, засеянному ранними зерновыми. Штаны по колено мокрые от росы. Чувствую, что мои ноги одеревенели от холода.

Нам нужно как можно быстрее найти укрытие. Сделать это нужно обязательно до того, как рассветет окончательно. Мы останавливаемся и собираемся вокруг нашего единственного офицера. Те, кто подошли позднее остальных, возмущаются и спрашивают о причине остановки. Двое гражданских по-прежнему толкают перед собой велосипеды. Они никак не могут бросить их, хотя явно валятся с ног от усталости. Мы стоим перед чиновником в звании майора, на которого неожиданно свалилось бремя ответственности за наши судьбы и поиск подходящего места отдыха. Он выглядит таким же растерянным, как и все мы. Он снимает фуражку и устало проводит рукой по волосам. Ему далеко за пятьдесят. За его спиной крепнет ропот недовольства. Наконец чиновник берет себя в руки и указывает куда-то за горизонт, где находится что-то вроде стены леса. Не слишком

веря ему, мы все-таки отправляемся вслед за ним. Лишь несколько человек продолжают идти в прежнем направлении. Вскоре они исчезают из вида, и их голоса становятся все тише и тише. Мы идем по полям и лугам, переходим через ручьи. Одежда снова становится мокрой, и холод теперь пробирает до костей. Темная стена впереди становится все ближе, и мы надеемся, что это лес.

Мы снова останавливаемся и опускаемся на глинистую почву, которая липнет к мундирам и, подсыхая, превращается в корку. От сочащегося из глубины земли холода стынет мозг. Тонкая полоска горизонта на востоке постепенно светлеет, возвещая начало нового дня. Поднимаем наши усталые тела с земли и, как призраки, бредем вперед. Встают не все, и поэтому колонна стремительно редеет. Темная стена становится ближе. Если это лес, то на несколько часов он подарит нам укрытие и отдых. Вскоре мы различаем деревья. Это не фантазия, а действительно лес. Каждый новый шаг дается нам с великим трудом. Идем, как автоматы, на последних остатках сил. Наконец чувствуем под ногами траву. В следующее мгновение, как будто для того, чтобы напомнить нам, что безопасных мест теперь больше нигде не осталось, где-то рядом оживают танковые двигатели. У меня от страха перехватывает дыхание. Мы застываем на месте и остаемся в неподвижности до тех пор, пока рокот двигателей не стихает. После этого мы входим в лес через широкие просеки и бросаемся на землю.

Прислоняюсь к дереву и открываю ранец. Вытаскиваю из кармана шинели последнюю банку консервов. Над головой безмятежно шелестят на ветру ветви деревьев. Все, как по команде, замолкают и устраиваются для отдыха. Время от времени из тумана возникает человеческая фигура, которая заходит в лес и в изнеможении валится на землю. Достаю перочинный нож из чехольчика, связанного моей матерью из шерстяных ниток. Пытаюсь открыть банку консервов, но лезвие неожиданно застревает и отламывается от рукоятки. Находящийся рядом со мной майор безмолвно предлагает мне свой нож, при помощи которого я открываю банку. Густо намазываю колбасным фаршем несколько ломтей хлеба, которые я огромным усилием воли сохранил до этой минуты, и мирно ем впервые за последние часы долгого марша.

Чувствую прилив сил и готовность жить дальше. Тем временем стремительно начинает светать. Небо на востоке алеет, и туман постепенно рассеивается. Лес, в котором мы находимся, кажется мне мирным островком в бушующем море войны. Трудно сказать, насколько велик этот лес и в какой степени он может

гарантировать нам безопасность. Ясно одно — он довольно редок. Местами он переходит в заросли невысокого кустарника. Кое-где среди травы видны проплешины песка. Это типичная для Бранденбурга местность. Мы уходим в глубь леса, откуда все равно открываются взгляду поля, по которым мы шли ночью, и тропинки, идя по которым мы легко можем попасть прямо в лапы к врагу. Ложусь на траву, чувствуя, что мое тело как будто налито свинцом. Солдаты лежат в кустах и спят. Те, кто не может уснуть, устроились на земле, подложив плащ-накидки, пытаются согреться. Я встаю, потому что больше не могу лежать на сырой земле. Снова дает о себе знать моя раненая нога, но я не осмеливаюсь снять сапог, чтобы не растревожить рану. Прикасаюсь к тому месту, где застрял осколок, и чувствую его кончик. Я ранен, но каким-то чудом держусь и мужественно справляюсь с болью. Мне кажется, что день вчерашний и день сегодняшний разделяет целая вечность.

Я решаю немного пройтись и по возможности отыскать более подходящее место для отдыха. С той стороны, откуда мы пришли, появляются первые лучи солнца, пока еще слабо пробивающиеся сквозь завесу тумана. Справа от нас, на севере, лес тянется на расстоянии всего нескольких сотен метров, дальше начинается поле. Между лесом и полем с юга на север протянулась тропинка. В песке хорошо видны следы, оставленные гусеницами танков. Ширина леса, протянувшегося с востока на запад, не превышает ста метров. Он напоминает по форме узкое длинное полотенце. То, что находится южнее, пока еще не видно из-за тумана.

Расхаживаю туда и обратно, тщетно пытаясь согреться. В утреннем стылом воздухе из-за мокрой одежды холод кажется невыносимым. Останавливаюсь, чтобы вспомнить, какой сегодня день недели. Воскресенье? Понедельник? Впрочем, это неважно.

Становится светлее. Слышно чириканье птиц, перелетающих с ветки на ветку. До моего слуха доносится кудахтанье курицы, похоже, что где-то совсем рядом находится жилье. Большинство солдат встало и прогуливается неподалеку, не выходя, однако, из леса. Оказывается, что среди нас все еще остаются женщины из зенитных вспомогательных частей и юные девушки из имперской рабочей службы.

Думаю о том, что уже наступил май. Весна пришла в эти края еще месяц назад, а мы так и не почувствовали ее. В данный момент мы находимся в весеннем лесу и не знаем, что ждет нас в ближайшие часы. К моему изумлению, обнаруживаю, что среди нас также находится и пленный, маленького роста бритоголовый русский. Подросток лет семнадцати в форме имперской рабочей службы дал ему нести свой рюкзак. Он называет пленного

Иваном, и поскольку знает русский язык, без усилий может общаться с ним. Наша колонна представляет собой живописную картину. Кого в ней только нет! Это солдаты самых разных родов войск, фольксштурмовцы и гражданские, служащие зенитных вспомогательных частей, женщины и девушки в гражданской и военной одежде. Это те, кому посчастливилось остаться в живых. Сейчас с нами находится офицер войск СС, а также государственный чиновник и квартирмейстер. Некоторые унтер-офицеры успели снять погоны и смешаться с толпой солдат. Унтерштурмфюрер СС собрал вокруг себя солдат-эсэсовцев. Все пребывают в состоянии неизвестности.

Унтерштурмфюрер и государственный чиновник изучают какую-то большую карту, пытаясь определить наше точное местонахождение. После этого нас распределяют по взводам. Унтер-офицеры снова нацепляют погоны. Каждый взвод состоит из тридцати человек. Нас набирается всего на две роты по сотне человек в каждой. Лишь у трети солдат имеются винтовки. На каждую приходится не больше десяти патронов. Автоматического оружия нет ни у кого. Но это совершенно неважно, потому что мы уже больше не хотим воевать.

Ждем, когда рассеется туман. Становится видна ферма, расположенная недалеко от леса. Один из эсэсовцев берет велосипед, принадлежащий кому-то из гражданских, и уезжает. Туман поднимается все выше и клочьями повисает на ветках деревьев. В следующее мгновение чувствуем, как в жилах стынет кровь, потому что на дороге всего в двух сотнях метров от нас, за склоном невысокого холма, замечаем вражеские танки с сидящими на броне пехотинцами. Они отъезжают от первых домов деревни, расположенной справа от нас, затем сворачивают налево.

Мы испуганно ныряем в лес, несмотря на то что в светлое время послужить нам укрытием он не сможет, если противник решит прочесать окрестности. Пытаемся двигаться бесшумно и тревожно замираем на месте, когда у кого-нибудь под ногами неожиданно хрустит ветка. Наш пленный стоит, прислонившись к дереву, и спокойно жует кусок хлеба, полученный от парня, говорящего по-русски. Кто-то начинает раздавать банки с консервированными сардинами, которые мы забрали ночью из русского грузовика. Солдаты сбиваются в кучу, забыв о смертельной опасности. Сейчас они напоминают стаю голодных животных. Возвращается эсэсовец, отправлявшийся на велосипеде на разведку. Советские войска, к счастью, не заметили нас, потому что туман еще не до конца рассеялся. Ищем на карте название деревни. Она называется Цахов и уже занята русскими.

Унтерштурмфюрер СС сообщает нам, что отсюда рукой подать до деревни Росков, откуда можно попасть в проход между Пэвезином и Везераном, ведущий на запад. Мы можем выйти к Эльбе, где уже находятся американцы, и вступить с ними в переговоры. Нужно постараться и совершить марш-бросок в этом направлении. Эсэсовец приказывает нам ждать и исчезает со своими солдатами среди деревьев. Мы возбужденно расхаживаем по лесу. Неужели это правда? Неужели всего лишь небольшое расстояние отделяет нас от немецких войск? Конечно же, мы соединимся с ними, даже не вступая в бой с врагом.

Заходим еще глубже в лес, чтобы русские не заметили нас. Сажусь на землю. Стало немного теплее. Солнце поднимается все выше, обещая погожий весенний день. Возвращается унтерштурмфюрер СС со своими солдатами, он о чем-то разговаривает с майором и снова исчезает среди деревьев. Командиры отделений подбегают к майору, когда тот негромко зовет их, и, вернувшись к нам, передают его приказ.

Часть солдат успела раствориться в лесу, и мне ужасно хочется последовать их примеру. Вскоре мы цепью уходим в глубь леса. Среди нас осталось совсем немного пожилых солдат. Дисциплина соблюдается плохо. Зенитчики вызывают недовольство своих командиров, потому что не обращают внимания на их приказания и шагают, переговариваясь о чем-то с молодыми женщинами. Квартирмейстер идет отдельно от нас. Вид у него недовольный, потому что его не назначили командиром. Его рюкзак и огромный портфель плотно набиты продуктами. Из портфеля торчит горлышко бутылки, к которой квартирмейстер, судя по всему, успел за последний час несколько раз изрядно приложиться.

Заходим еще глубже в лес, затем поворачиваем налево в направлении запада. Вскоре мы оказываемся в поле. Идем на север по дороге, на которой следы гусениц уже почти неразличимы. Голова колонны сворачивает налево. Идем по узкой полоске земли, поросшей травой, которая разделяет два вспаханных поля. Солнце, оставшееся у нас за спиной, уже поднялось высоко над деревьями.

Растянувшись длиной цепью, идем по полю, залитому солнечным светом. Картина совершенно мирная, идиллическая, как будто эти места не заняты вражескими войсками. Пахотная земля по обе стороны травянистой межи курится парком. Голова колонны останавливается, и мы смыкаем цепь. По дороге двигаются какие-то фигуры в серых шинелях и с камуфляжными сетками на касках. Сначала мы думаем, что это русские, но оказывается, что это унтерштурмфюрер СС и его солдаты. Он

указывает нам направление, в котором мы должны следовать.

Мы снова отправляемся в путь, и эсэсовцы снова исчезают среди кустарника, растущего вдоль дороги. Выходим к дорожной развилке и по мостику переходим через широкий ручей. Несколько штатских отделяются от колонны, сворачивают направо и идут к деревне, которая находится довольно далеко от нас. Они в гражданской одежде, и в них вряд ли сразу станут стрелять. Садимся возле обочины и закуриваем. Тропинка очень узкая, двоим на ней не разминуться. Земля сырая и вязкая, она слегка дымится в лучах утреннего солнца. В траве снуют какие-то жучки. Замечаю юркую ящерку, быстро прячущуюся в норке. В воздухе порхают пестрокрылые бабочки.

Поднимаемся и шагаем дальше. Лес остается позади. Что ждет нас впереди — неизвестно. Неожиданно раздается пронзительный свист. Он доносится со всех сторон. От него режет уши. Ускоряем шаг и продолжаем двигаться вперед. Тропинка обрывается широким ручьем. Рядом заросли кустарника и болотной травы. Неподалеку вижу пепелище — какие-то обугленные вещи, осколки разбитой посуды[146]. Прямо перед нами силуэты каких-то машин, скорее всего танков. Свист не умолкает, он как будто звучит отовсюду. Такое ощущение, будто мы снова попали в ад. Слышатся стоны и крики, мольба о помощи. Вижу какую-то фигуру, стоящую на танке и размахивающую чем-то белым. Свистят пули. Упав на влажную землю, поросшую тростником и болотной травой, они поднимают фонтанчики воды. Мы бросаемся врассыпную. Никто не понимает, что происходит. Свист по-прежнему не умолкает. Стрельба прекращается, однако ее сменяют разрывы снарядов. В воздух взлетает вода и грязь, осыпая нас настоящим дождем. Со стороны танков по-прежнему доносятся крики, которые невозможно разобрать.

Откуда-то из кустов появляется наш майор, он тщетно пытается навести хотя бы подобие порядка. Сейчас каждый думает только о себе и делает только то, что сам считает правильным. Какой-то раненый из последних сил бредет по воде, которой залито поле, намереваясь найти убежище среди кустов. Я падаю на землю и, не обращая внимания на царящий вокруг меня хаос, просто смотрю на солнце. Замечаю квартирмейстера с перепуганным лицом. Он, видимо по ошибке, побежал вперед, но теперь решает остановиться и, задыхаясь, бросается на землю. Он снимает пилотку, открыв взгляду совершенно лысую голову. С мешками под глазами и нездоровой полнотой, он являет собой типичный образчик «незаменимого», в дни войны отсиживавшегося в тылу и нагуливавшего жирок на казенных

харчах. Впервые попав в настоящую переделку, он, должно быть, наложил в штаны от страха.

Неожиданно снова появляется унтерштурмфюрер СС. Увидев квартирмейстера, он, помахивая перед ним пистолетом, гонит его вперед. Я впервые солидарен с эсэсовцем. На танках впереди больше никого не видно. Стрельба прекратилась. Откуда-то доносятся крики «Ура!», а затем свист, сводящий нас с ума. Фигуры возле танков размахивают чем-то белым. Первая группа наших солдат уже приблизилась к ним.

Кто-то из солдат успел покопаться в рюкзаке квартирмейстера и теперь раздает всем желающим сигареты и еду. Потом по кругу идет бутылка шнапса. Опустошив, бросаем ее в воду. Вскоре мы возвращаемся к мосту. По полю поодиночке бредут наши солдаты, собравшиеся прорываться вперед отдельно от других.

Откуда-то спереди снова доносятся выстрелы и невнятные крики. Прохожу по заболоченной местности, взяв курс на запад. Разрушенный лагерь, состоящий из нескольких бараков и окруженный изгородью из колючей проволоки, скорее всего, был местом содержания военнопленных. Ведущая к нему тропинка завалена мусором. Ветер носит по полю перья из разорванной перины. Вижу здание кухни с обрушившейся передней стеной. Внутри — горы мусора и кучки экскрементов. Над входом — белое полотенце, колышущееся на ветру. Время от времени из кустов то здесь, то там появляются солдаты, которые разбредаются в разные стороны. Наконец я оказываюсь неподалеку от танков, вызывавших наше беспокойство. Это наши боевые машины, брошенные нами вчера при отступлении. Из них осталось лишь три легких танка и один тяжелый. Все они застряли в болоте, вместе с несколькими грузовиками, глубоко увязшими в грязи. В танках полно раненых. Здоровые солдаты вчера бросили их на произвол судьбы. В танках находятся также и несколько женщин. Одна из них ранена в живот, но до сих пор жива. Подростку из зенитных частей осколок угодил в руку. Ему больно, и он жалобно стонет. Мужчина в форме люфтваффе ранен в ногу. Его элегантные сапоги сильно посечены осколками. Раненые приняли нас за русских и пожелали сдаться в плен. В тростниках лежат несколько мертвецов. Эти бедняги получили серьезные ранения. Ночью они истекли кровью.

Вокруг танков собирается небольшая группа людей. Майор говорит, что мы должны атаковать деревню, расположенную справа от дороги, и выбить из нее русских, после чего двигаться на запад.

Идем через поля, держа курс на запад. Несколько легко

раненных из числа тех, что находились в танках, следуют за нами. Из близлежащего сарая появляются несколько крестьян. Они смотрят на нас, как на призраков. Один из них берет лопату и начинает выкапывать из земли бутылки со шнапсом и вином и тут же раздает нам спиртное. Выходим через ворота крестьянского подворья. Неподалеку от нас, справа, видим деревню. Майор утверждает, что это Треммен, однако кто-то из крестьян заявляет, что это Пэвезин. Со стороны деревни доносится уже хорошо знакомый нам свист. На поля обрушивается свинцовый дождь пуль.

Мы собираемся на шоссе. Сейчас нас не более ста человек. Даже тот парень из трудовых лагерей вместе со своим русским здесь. За дорогой, в нескольких сотнях метров от нас, начинается лес. Для того чтобы укрыться в нем, необходимо пересечь дорогу. Если мы преодолеем позиции вражеских войск, говорит майор, то окажемся в безопасности. Мы заряжаем оружие. Я беру в руки пистолет. Майор командует: «Вперед!», и мы бросаемся через поле к лесу. Со стороны деревни противник поливает нас пулеметным огнем. Неожиданно из деревни появляются русские и устремляются в направлении леса. Возобновляется артиллерийский обстрел. Яростно строчат русские пулеметы. Наши солдаты падают как подкошенные.

Мы разворачиваемся и бежим обратно к дороге. Передо мной мчится квартирмейстер. Неожиданно он спотыкается, разворачивается и мертвый падает на землю.

Мы останавливаемся на дальнем краю дороги. Теперь нас всего пятьдесят человек — солдаты, зенитчики и гражданские. Пулеметы бьют по полю без передышки, разрывы снарядов оставляют в земле глубокие воронки, вздымая фонтаны земли. Мы бросаемся в кювет и ждем, что будет дальше. Небо над нами затягивается тучами. Начинается мелкий дождь. Ферма, расположенная неподалеку, горит. Пожар начался после прямого попадания снаряда. Возле дома мечется перепуганная лошадь. Неожиданно на дороге появляется грузовик с установленным на капоте пулеметом. Мы выскакиваем из кювета и, как безумные, открываем по нему стрельбу, целясь в двигатель. Враг стреляет в нас из кювета на другой стороне дороги. Грузовик наконец останавливается, пытается развернуться и скрыться в деревне, однако замирает на месте. Пулемет тоже замолкает. С машины соскакивают на землю люди и устремляются в направлении деревни.

Откуда-то раздается рев танкового двигателя, напоминающий рык разъяренного тигра. Вскоре вижу мчащийся по полю танк, который съезжает на дорогу. Он стреляет на ходу, и снаряды

срезают верхушки деревьев. Теперь нас уже никакие силы не могут удержать на месте, и мы бросаемся врассыпную. Пробегаю через ферму. Прячась за забором, чтобы не быть увиденным со стороны дороги, выбегаю к болоту, куда уже точно не заедет танк. Снаряды попадают в бараки лагеря для военнопленных. В воздух взлетают обломки досок. Попадающие в болото пули поднимают фонтанчики воды и грязи. Над моей головой проносится русский биплан. Летчики перегибаются через борт, чтобы лучше разглядеть происходящее на земле, и я отчетливо вижу их лица в летных очках. Биплан разворачивается в воздухе и снова пролетает надо мной, но на этот раз я не бросаюсь на землю, понимая полную бессмысленность этого.

Мои ноги по щиколотку увязли в грязи, сапоги полны воды. Болото являет собой массу водоемов и заливных лугов. Вода не только вокруг меня, но и льется сверху, потому что дождь усилился. Я промок до последней нитки. Вижу перед собой несколько танков. Женщины и девушки, пришедшие сюда этим утром вместе с нами, сидят на броне. Увидев, как я появляюсь из кустов, они принимаются истошно вопить. Какой-то эсэсовец пытается завести грузовик, заполненный ранеными. Для того чтобы вытолкнуть машину на твердую почву, нужно сначала выгрузить раненых. Тем временем некоторые из них до смерти истекают кровью. Другие сидят на танках и грузовиках. У них бледные отрешенные лица, они на грани обморока. Те из них, кто чувствует себя немного лучше, безучастно наблюдают за происходящим. Они оживляются лишь после того, как эсэсовец снова укладывает раненых в грузовик. Мы подталкиваем машину, и она отправляется в деревню. К ее капоту прикреплено некое подобие белого флага.

Женщины и девушки из вспомогательных частей тоже уходят в деревню в поисках гражданской одежды. Я шагаю на юг и держу курс на небольшой лесок, в котором надеюсь найти укрытие хотя бы до вечера. В канаве с водой, тянущейся вдоль тропинки, валяются каски, обрывки снаряжения и сломанное оружие. Срываю с головы каску и швыряю ее в воду. Вместо нее надеваю пилотку. Дождь ослабевает. Вижу клубы дыма, поднимающиеся над зарослями кустарника и камыша. Откуда-то издалека по-прежнему доносятся звуки боя. Среди деревьев замечаю наших солдат, сидящих на тропинке возле ручья. Бегу туда и сажусь рядом с ними. Среди них замечаю того самого парня из трудовых лагерей и его русского. Где-то в лесу находится ферма. Из трубы идет дым, но разглядеть саму ферму не удается. Невозможно также понять и то, занята она русскими или нет. Со стороны болота к нам приближаются несколько человек. Они идут порознь

на большом расстоянии друг от друга. Рядом с нами садится фольксштурмовец в солдатской пилотке. Следом за ним подходят два полицейских в зеленой форме, высокий унтер-офицер в непомерно большой каске, сидящей на его голове, как горшок. Появляется еще один унтер-офицер, низкого роста и без головного убора. Один за другим подходят гражданские, вместе с ними подросток из зенитных вспомогательных частей, раненный в руку, и человек в форме люфтваффе, нога которого сильно посечена осколками. Немного отдохнув, мы встаем и идем дальше. Сворачиваем направо и переходим через ручей. Возле расположенной в лесу фермы видим нескольких играющих детей. Нам навстречу с лаем выскакивает собака. Дети торопливо прячутся в доме. На пороге появляется женщина с хлебом в руках. Она отрезает толстые ломти и протягивает их нам. Из дома выходят несколько девушек, которые предлагают нам кружки с горячим кофе. Еда помогает нам прийти в себя.

Женщина советует нам поторопиться, потому что работавшие здесь поляки ушли к русским в деревню и вернутся на ферму ночевать. В любом случае они будут здесь в ближайшие полчаса. На небе снова появляется солнце, и мы видим деревню, затерявшуюся среди полей к югу от нас. Различаем фигурки людей, снующих между домов. Тем не менее мы не можем понять, кто это, немцы или русские. Лезу в карман и вытаскиваю сигарету.

Фольксштурмовец раздает сигары из коробки, найденной им где-то. Затем сообщает, что готов стать нашим командиром, поскольку он старше нас по званию и по возрасту. Те, кто желает идти за ним, должны прямо сейчас заявить об этом, однако в таком случае он требует абсолютного повиновения. Нарушивших его приказ он собственноручно застрелит. Мы смеемся над его словами, но он не обижается. Мы собираемся вместе и обсуждаем сложившуюся обстановку. Восемь человек решают идти вместе с фольксштурмовцем. Это подросток-зенитчик, авиатор, два полицейских, гражданский, двое солдат и я.

Женщина по мере своих возможностей пытается разъяснить нам обстановку. Она поясняет, что, пройдя несколько сот метров, мы выйдем на дорогу. Деревня слева называется Росков, южнее находится другая деревня, Бранденбург-на-Хафеле. Если мы пойдем на запад, то между Плауэ и Притцэрбе пересечем дорогу Бранденбург-Ратенов и окажемся возле Эльбы. Русские вряд ли успели добраться до этого места[147].

Мы отправляемся в путь, стараясь держаться ближе к лесу, где находятся щели-убежища и противотанковые рвы. Повсюду валяется оружие и всевозможное снаряжение. Нахожу нашивку с

надписью «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и эсэсовские петлицы[148]. Стараемся идти очень осторожно, потому что по дороге время от времени проезжают русские бронемашины. Один раз по дороге совсем рядом с нами проезжает конный обоз. На повозках сидят женщины в коричневой форме и пестрых косынках. Они смеются и поют. За ними едет русский солдат-конвоир с закинутым за спину автоматом.

Справа вижу женщину, копающую грядки. Она повернулась к нам спиной и не замечает нас, когда мы тихо проходим мимо нее. В воронке лежат тела двух немецких солдат, погибших, видимо, несколько дней назад. Среди деревьев стоят несколько подбитых машин, с них снято все более или менее ценное и полезное. Машина «Скорой помощи» без колес сильно забрызгана кровью. Неподалеку лежит разбитый вдребезги мотоцикл. Здесь же валяются обрывки формы и какой-то мертвец. Повсюду разбросаны сломанные винтовки, ручные гранаты и каски. Перед нами открывается широкая дорога. Она совершенно безлюдна. Мы быстро перебегаем на другую сторону и прячемся в кювете. Над кюветом густые заросли кустарника, и мне кажется, будто я оказываюсь в туннеле. Земля подо мной немного влажная. В кустах неподалеку от меня прячутся другие солдаты.

Идем дальше и вскоре находим тропинку. Перед нами расстилается мирная местность. Внизу, возле деревни, виднеются железнодорожные линии. Поля и луга кажутся похожими на огромную шахматную доску. Два человека отстали от нас, но зато присоединились два новых. Фольксштурмовец постоянно понукает нас, приказывая двигаться быстрее и не отставать.

У меня снова начинает болеть нога. Мы приближаемся к лесу, от которого нас отделяет расстояние примерно в два километра. Отбрасываем всякую осторожность и ускоряем шаг, думая лишь о том, как бы поскорее оказаться среди деревьев. Каждый раз, когда на дороге появляется какая-нибудь машина, мы тут же бросаемся на землю, затем встаем и продолжаем движение. Тропинка вскоре поднимается в гору и приводит нас к железнодорожной ветке, серебряной узкой лентой пересекающей поля. Мы прячемся в кустах и устраиваем привал.

На небе появляется солнце. Тишина. Больше не слышно стрельбы или взрывов артиллерийских снарядов, к которым мы так привыкли за последние несколько суток. Не слышно также пулеметных очередей и рокота авиационных двигателей. Больше ничто не напоминает нам о войне. Над миром разлит благостный покой.

Сидящий рядом со мной подросток-зенитчик баюкает раненую руку. Взгляд его тусклых безжизненных глаз невидяще

устремлен в пространство. Боль, которая сейчас так мучает этого человека, проложила страдальческие морщины на его юном лице.

По дороге часто проезжают вражеские бронемашины, заставляя нас каждый раз бросаться на землю. Впереди — вторая тропинка, пересекающая ту, по которой мы идем. Она широкой дугой сворачивает по полю направо, затем налево, откуда ведет прямо к деревне. Густая живая изгородь отделяет нас от поля, по которому мы намереваемся добраться до леса.

Перелезаем через ограду и по мягкой земле шагаем к лесу. Впрочем, это уже не ходьба, а скорее беспорядочное передвижение смертельно усталых людей. Впереди идут фольксштурмовец и полицейские. Мы изрядно отстали от них. Неожиданно они останавливаются. До леса, который укроет нас под своей сенью, уже буквально рукой подать. Стискиваю зубы и бегу к деревьям, до которых меня отделяют уже считаные шаги.

Слышу сзади чьи-то крики. Оборачиваюсь и вижу, что это русские. Мы изо всех сил устремляемся к лесу — единственному месту, способному спасти нас. Над головой снова свистят пули. Один из полицейских бросается вправо и исчезает в кустах. Мы все так же бежим вперед, не понимая, что адская пляска смерти продолжается. Я задыхаюсь от быстрого бега и судорожно хватаю ртом воздух. Останавливаюсь и, оглядевшись по сторонам, забрасываю пистолет далеко в поле. Скоро преследователи оказываются возле нас. Бегство закончено, игра проиграна.

Мне кажется, будто залитое солнцем поле покрыто полупрозрачной вуалью. Где-то рядом заливается бодрой трелью незримый жаворонок. Чувствую себя смертельно усталым. Мне кажется, что я побывал в аду. Несмотря на очарование весенней природы, все представляется мне совершенно бессмысленным. Пережитый недавно ужас войны, смерть, кровь, страдания — зачем все это?

Мы идем к шоссе, пересекающему ровной линией поля и луга. Шагаем, склонив головы, на изрядном расстоянии друг от друга. Я отстаю, потому что дает знать о себе боль в ноге. Рядом, окружая нас со всех сторон, идут русские. Мы терзаемся одними и теми же вопросами: «Что с нами будет? Неужели нас расстреляют? Когда это случится, сейчас или немного позже?» Неожиданно один из конвоиров останавливается и ждет меня. В голове мелькает мысль: «Неужели это конец?» Я медленно приближаюсь к нему. Русский берет меня за руку, и я испытываю невыразимый ужас. Неужели он сейчас отведет меня в сторону и расстреляет? Неожиданно понимаю, что он хочет поддержать меня, предлагая опереться на его плечо. Фактически он уже ведет меня. Мой сопровождающий предлагает мне сигарету и

закуривает сам. «Война окончена! Все по домам!» — говорит он. Я изумлен. Чувствую, как с меня спадает огромное напряжение последних дней. По моим щекам текут слезы. Это слезы облегчения и радости осознания того, что враг такой же человек, как и ты.

Останавливаемся у края дороги. Офицер приказывает нам построиться и отводит в сторону раненых. Здоровые солдаты медленно идут дальше, мы же остаемся у дороги и садимся. Ждем приезда грузовика. Неожиданно до моего сознания доходит: я жив, я спасен. Я понимаю, что время страданий и смерти осталось в прошлом, исчезло, как дурной сон. Теперь у меня есть только настоящее и будущее, пусть даже туманное и пугающее.

У обочины останавливается грузовик. Русские солдаты помогают нам забраться в кузов. Нас отправляют в Бранденбург, в госпиталь. Оживает мотор, и машина берет с места, увозя нас в неизвестность. Тем не менее мы полны уверенности в мирном будущем. Самое главное, что мы живы. Лучи заходящего солнца заливают нежным светом поля и луга. Война закончена.

notes

Примечания

1

Бомбардировки Берлина западными союзниками достигли пика в начале 1945 года. 28 марта 1945 года 8-я армия ВВС США, базировавшаяся в Англии, отправила 383 самолета B-17 из 2-й авиационной дивизии с 1038 тоннами бомб на борту бомбить Шпандау и окрестности Фалькенхагена. Шпандау, старый гарнизонный город и центр артиллерийской промышленности, был включен в Большой Берлин в 1920 году. U-Bahn — подземная линия берлинского метро, S-Bahn— городская наземная железная дорога.

2

Призывникам разрешалось иметь коробки «Персил», поскольку после того как они получали форму, в таких коробках можно было отправить родственникам гражданскую одежду и личные вещи.

3

Более известный как министр народного просвещения и пропаганды, Йозеф Геббельс также был гауляйтером Берлина и рейхскомиссаром обороны III военного округа (Берлина) со всеми полномочиями по организации обороны столицы.

4

Казармы фон Секта были построены в 1935–1936 годах для рейхсвера за старыми казармами Шмидт-Кнобельсдорф. С 1939 до 1945 года в казармах фон Секта размещался 218-й запасной пехотный полк. С 1945 до 1994 год там располагались казармы Уэйвелла, в которых размещался ряд британских пехотных батальонов.

5

309-й учебный и резервный батальон моторизованной пехоты предназначался для обучения и обеспечения замены личного состава 309-й «Берлинской» пехотной дивизии, сформированной 1 февраля 1945 года из различных частей, дислоцировавшихся в Берлине. На Восточном фронте он был размещен недалеко от Лечина и входил в состав 9-й армии.

6

Казармы Александра были построены в 1875 году рядом с Рулебеном для военного училища стрелковой подготовки (Militer-Schiess-Schule). В годы Второй мировой войны в них располагался 397-й резервный пехотный полк, в тот момент обеспечивающий начальную подготовку для всех родов войск. В настоящее время там находится Берлинская школа полиции.

7

Версия британского самолета-бомбардировщика, обладавшего достаточно большой скоростью, которая позволяла ему летать без сопровождения истребителей и вместе с тем нести бомбовую нагрузку в 4000 фунтов, почти эквивалентную средней загрузке «Летающей крепости» в этом предельном диапазоне.

8

Мост Дишингера еще не был построен.

9

Шесть месяцев службы в лагерях имперской трудовой повинности были установленной по закону для немецкой молодежи программой перед военной службой и включали обширный курс военной подготовки. В конце войны некоторые подразделения имперской трудовой повинности были вооружены и участвовали в боях с советскими войсками.

Эти разрозненные остатки некогда гордой армии теперь были расформированы, и немцы относились к ним презрительно и с подозрением. Как члены Оси, венгры в 1941 году участвовали в нападении на Югославию и Советский Союз, но когда правитель страны, адмирал Хорти, в октябре 1944 года попробовал договориться с союзниками о сепаратном мире, Гитлер вынудил его уйти в отставку, а затем вывез в Германию и интернировал.

11

Организация Тодта была государственной строительной организацией по возведению военных объектов.

12

И в советской, и в немецкой армии были подобные штрафные подразделения, участвовавшие в самых опасных военных операциях. Провал заговора 20 июля 1944 года с неудачным покушением на Гитлера, осуществленным полковником Клаусом Шенком фон Штауффенбергом, привел к тому, что гестапо развязало широкомасштабные репрессии, которые привели к гибели тысяч людей.

13

Силы самообороны также включали в себя зенитную артиллерию ВВС, укомплектованную подростками-школьниками и студентами политехнических университетов, которые обязательно состояли в рядах гитлерюгенда. Предполагалось, что позднее они продолжат учебу, а также укомплектуют расчеты пушек, и военному руководству не придется для этих целей отвлекать взрослых солдат с линии фронта.

14

Панцерфауст был дешевым в производстве, переносным противотанковым оружием со значительной эффективностью на близком расстоянии.

15

Попавшему в плен в мае 1942 года генерал-лейтенанту Красной армии А.А. Власову в конечном итоге разрешили сформировать антисталинскую Русскую Освободительную Армию (РОА) из русских военнопленных и угнанных в Германию советских граждан. Находясь под эгидой Гиммлера, власовцы отказались носить нацистские знаки отличия. Две дивизии были, наконец, сформированы для отправки на Восточный фронт. Оставшихся в живых солдат РОА в соответствии с Ялтинскими соглашениями союзники передали советским властям, и большая их часть была расстреляна.

16

Рейхсфюрер СС и глава немецкой полиции Генрих Гиммлер был также министром внутренних дел Третьего рейха. После событий 20 июля 1944 года (покушения на Гитлера) назначен главнокомандующим армией резерва и начальником вооружений сухопутных войск. Новое назначение охватывало такие важные области, как комплектование личным составом, боевую подготовку, производство и распределение боевой техники.

17

Фольксштурм был сформирован под эгидой нацисткой партии 18 октября 1944 года в качестве подразделений народного ополчения и состоял из здоровых мужчин непризывного возраста. Несмотря на то, что фольксштурмовцы носили нарукавные повязки вермахта, они снабжались провиантом, оружием и обмундированием главным образом из партийных фондов, и поэтому некоторым не хватало даже формы

18

Имперская железная дорога.

19

Конечная остановка метро Рулебен находится высоко над уровнем улицы.

20

Железным Крестом за храбрость награждали в такой последовательности: Железный крест 2-го класса, Железный крест 1-го класса, Рыцарский Железный крест, затем Железный крест с дубовыми листьями, с мечами и, наконец, с мечами и алмазами.

21

Немецкое название — Kaiser-Wilhelm-Gendankniskirche.

22

Моряки были переведены в 20-ю танково-гренадерскую дивизию в Зеелове для того, чтобы пройти обучение как пехотинцы.

23

Полицию Алльгемайне СС не нужно путать с войсками СС.

Эта железная дорога идет по равнине Лебуса и Зееловским высотам, соединяясь с долиной Обербруха к западу от реки Одер.

25

В это время штаб 9-й Армии генерала Буссе располагался к югу от города Бад-Заров.

Нойендорф-им-Занде.

27

Немецкий военный транспорт всю Вторую мировую войну в своей основе был гужевым. На этом этапе войны немцам уже не хватало горючего даже для танков.

28

«Фау» (Vergeltungswaffen — оружие возмездия) представляло собой летающие бомбы и ракеты дальнего действия, которые, как предполагалось, должны были переломить ход войны в пользу Германии. Считается, что летающие бомбы в последний раз использовались под Штеттином против наступающих частей советского 2-го Белорусского фронта несколько дней спустя после описанных в книге событий.

29

Предположительно имеется в виду 1314-й гренадерский (учебно-полевой) полк. Вместо того чтобы отправиться в качестве подкрепления в основную часть, 309-ю (Берлинскую) пехотную дивизию, новобранцев послали в 156-ю учебно-полевую дивизию, которая 12 марта 1945 года начала формироваться из различных военных, таможенных, лесных, полицейских и пожарных частей и была придана 9-й армии, находившейся на Восточном фронте.

Эти два города были объявлены крепостями, но Кюстрин пал 28 марта 1945 года.

31

Парашютные войска относились к люфтваффе, однако чаще всего использовались в качестве обычных сухопутных войск, особенно после дорого обошедшейся немцам высадки на Крите в мае 1941 года. Унтер-офицер мог быть исключением из правила.

32

Литценский комтур был основан рыцарями-тамплиерами и выполнял роль постоялого двора по пути на Восток. В конце Второй мировой войны он представлял собой большое поместье.

33

Линия Гинденбурга была третьей линией обороны. Каждая линия состояла из траншей и оборонительных рубежей. Первая находилась в одиннадцати километрах, в Одербрухе, вторая — на Зееловских высотах, на расстоянии восьми километров, то есть значительно дальше, чем думал Альтнер. Обе линии были не видны, поскольку перепад высот в Зеелове и Одербрухе составлял 20 метров.

34

«Мессершмитт-109» (Bf 109) — высокоэффективный самолет-истребитель. Было выпущено несколько его разновидностей. Последняя — Ме-109К с максимальной скоростью 725 км/час.

35

Советские войска создали мощную систему противовоздушной обороны в Одербрухе, состоявшую из 29 полков и 22 независимых батальонов 1-го Белорусского фронта маршала Жукова, а также 12 дивизий резерва Ставки Верховного командования.

36

Описанный в этом отрывке По-2 был вооружен для отражения огня пехоты и активно использовался для ночных бомбардировок во вражеском тылу. Экипажи главным образом формировались из женщин. Наблюдатель обычно сбрасывал связки ручных гранат или световых бомб. Предельная скорость составляла 129 км/ч, нагрузка — 250 кг. Дальность полета составляла 400 км. Прозвище «швейная машинка» эти самолеты получили из-за специфического звука работающих двигателей.

37

Юношеская дивизия гитлерюгенда состояла из молодежи 10–14 лет.

Эта собственность была возвращена ее довоенным владельцам, семье фон Харденбе, а поместье, основное строение которого примыкало к западной стороне бывшего постоялого двора, было наилучшим образом реставрировано, так же как и церковь. Многие старые строения, в том числе и те, что относились к социалистическому сельскохозяйственному кооперативу послевоенных лет, были снесены, однако самый старый в Германии сарай остался.

39

Танк «Тигр» (PzKfw VI) имел массу 54 тонны и развивал максимальную скорость 37 км/ч. Он был вооружен 88-мм пушкой и двумя пулеметами MG 34. Упомянутый в тексте танк, видимо, принадлежал 502-му батальону тяжелых танков СС, который находился в резерве в лесу на другой стороне пруда к востоку от орденского подворья.

40

Войска Зейдлица — это название, которое нацистский режим дал боевым частям, названным по имени генерала Зейдлица. Они были сформированы советскими военными властями из немецких военнопленных для борьбы с гитлеровскими войсками. Зейдлиц, происходивший из семьи профессиональных военных, в 1943 году был взят в плен под Сталинградом и позднее назначен председателем антигитлеровской Лиги германских офицеров. Был заочно приговорен немцами к смертной казни. На самом деле был против использования военнопленных в боевых действиях против частей немецкой армии. Пробыл в заключении на территории СССР до 1955 года. Правительство ГДР, рекламируя пропагандистскую деятельность этой организации, предпочитало умалчивать о ее боевых действиях, и в военных архивах Народной армии ГДР нет соответствующих документов, однако существует достаточно свидетельств того, что войска Зейдлица использовались на последнем этапе войны, (см. статью «Немцы против немцев» в «Militer Geschichte», том 4, 1995 год).

41

Те же самые По-2.

42

Неподалеку от шоссе Зеелов — Мюнхеберг располагалась противотанковая дивизия, состоявшая из бригад «Дорн» и «Пират», а также подразделение, эквивалентное трети бригады. Все они входили в состав 541-й фольксгренадерской дивизии. Названный на этих страницах капитан — это, по всей видимости, Герхард Конопка, родившийся 11 марта 1911 года, из гренадерского полка «Великая Германия». 29 августа 1943 года он получил Рыцарский крест.

43

Это было одно из трех орудий 8-й батареи 100-го полка железнодорожной артиллерии. Два других орудия размещались в Зеелове и Мюнхеберге. Все три были уничтожены во время воздушного налета 16 апреля 1945 года.

20 апреля.

45

На совещании в бункере главы Третьего рейха, состоявшемся 6 апреля 1945 года, Геринг, Гиммлер и Дениц пообещали Гитлеру подкрепления на Восточный фронт — 10 тысяч летчиков, 25 тысяч солдат СС и 12 тысяч моряков. Однако в действительности на фронт удалось отправить лишь 30 тысяч человек, скверно экипированных и плохо обученных. 9-я армия смогла предоставить им лишь 1000 винтовок. В эти дни Гитлер блефовал, заявляя полевым командирам о том, что они скоро получат долгожданное «чудо-оружие», пушки и танки, для которых в Германии уже практически не оставалось бензина.

46

Начало наступления указывается по различному времени. Советский Союз всегда использовал московское время, и для русских это было 05:00 часов. У немцев с 1 апреля по 6 октября действовало двойное летнее время, и для них это было 03:00 часа.

Некоторые из вырытых тогда траншей, возможно, по-прежнему сохранились в роще на вершине холма над кладбищем.

48

Этот приказ фюрера был написан и разослан вечером 15 апреля, но не дошел до войск, в которые поступил на следующий день. Вена была взята советскими войсками 13 апреля.

49

Первый день сражения, возможно, прошел для маршала Жукова и 1-го Белорусского фронта хуже, чем планировалось. Несмотря на артподготовку из 40 000 пушек всех калибров, потери советских войск оказались велики, и войскам Жукова не удалось добиться поставленной цели. Немецкая оборона оказалась сильнее, чем ожидали русские. Войска вермахта смогли удержать позиции на Зееловских высотах, однако частям Красной армии удалось осуществить незначительный прорыв к востоку от Фридерсдорфа.

50

К концу второго дня боев советские танки с обеих сторон обошли Зеелов и достигли Дидерсдорфа с севера пойменной долины, на которой стоит Литцен. Фронт на Зееловских высотах по-прежнему проходил от Фридерсдорфа на западе и до Долгелина на юге.

51

Все они пали под ударами располагавшегося южнее 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева. Форст — место, где родился Альтнер.

52

В действительности в тот день Красная армия еще не вышла к Мюнхебергу и прорвались к нему на следующий день, но Зеелов действительно пал 18 апреля. На данном этапе Литцен образовывал часть северного угла обороны, все еще идущего до Франкфурта-на-Одере.

53

Немецкие солдаты имели водонепроницаемые брезентовые накидки, использовавшиеся для защиты от непогоды.

54

Немецкое название советского гвардейского миномета БМ-21 («Катюша»).

55

На третий день сражения немецкая контратака против советских танков, группировавшихся в Дидерсдорфе, закончилась тяжелыми потерями. Тем не менее, советские танки прорвались к Мюнхебергу, и, укрепляя выступ на южном фланге этого прорыва, туда было введено подкрепление, чтобы оказать давление на всю немецкую оборону, включая позиции возле Литцена.

56

Прорыв Советской армии завершился на четвертый день сражения под Мюнхебергом, и путь на Берлин был открыт. С этого момента сопротивление немцев могло лишь сдержать наступление, но никак не остановить его. Судьба южного фланга висела буквально на волоске

57

Дорога Франкфурт-на-Одере — Мюнхеберг сегодня называется шоссе B-5.

Некоторые подкрепления Геббельс все-таки отправил в 9-ю армию, однако было уже слишком поздно.

59

Предшествовавшая автобану дорога из Франкфурта-на-Одере до Берлина проходила через Фюрстенвальде.

60

Поворот с автодороги Фюрстенвальде.

61

Аэропорт Фридрихсдорф.

62

Река Даме.

63

Немецкая военно-полевая полиция носила большие металлические нагрудные бляхи, которые вешались на цепочке на шею. На ней была надпись «Feldgendarmerie».

Гитлер дал разрешение на эвакуацию 20 апреля 1945 года.

65

Аэропорт Шенефельд.

66

Трехместный самолет «Физелер» Fi-156 использовался главным образом для разведки и связи.

Сегодняшний В-96.

68

Муниципальная транспортная компания.

69

Штурмовые отряды (Sturmabteilungen).

70

В тот день наступающие части 1-го Украинского фронта маршала Конева прорвались к южным окраинам Берлина. Наступали от Потсдама к Шенефельду, однако остальные части подтянулись к авангарду день спустя. Тем временем войска маршала Жукова заняли Кёпеник и оказались в черте города, проникнув с востока и северо-востока. В ту же ночь 47-я армия перешла реку Хафель севернее Шпандау.

Это правило состояло в том, что беженцам, ранее проживавшим за пределами города, разрешалось лишь проходить через Берлин и следовать дальше без остановки, за исключением тех случаев, когда им требовалась медицинская помощь.

72

Мост Шарлоттен между Штрезовом и Альт-Штадтом.

Франке Фурнье и Шперрхольцверке, Штрайтсштрассе, 12–18.

74

Административные офисы бывшей фирмы «Люфтфартгеретверк Хакенфельде Гмбх» все еще располагаются в доме № 5-17 по улице Штрайтсштрассе, однако используются ныне в других целях.

75

125-й корпус советской 47-й армии, поддерживаемый 50-й гвардейской танковой бригадой, приблизился к немецким оборонительным позициям близ Шпандау и Гатова, однако не стал предпринимать попыток прорваться в город.

Евангелическая основа подготовки священников и социальных работников, образование инвалидов и забота о престарелых. Комплекс, построенный в 1910 году, предназначался для 1600 человек.

77

Система учебных заведений НАПОЛА (NAPOLA) была создана для подготовки управленческой элиты Третьего рейха. Хотя ею руководили такие организации, как СС и гитлерюгенд, учебная программа составлялась органами образования и соответствовала в этом отношении программе стандартной грамматической школы Великобритании. По словам Леманна (см. Приложение IV), ученики НАПОЛА Шпандау и Потсдама участвовали в обороне Шпандау. Позднее это здание НАПОЛА было превращено в первый британский военный госпиталь в Берлине.

78

Поместье Вальд Зидлюнг близ Вихернштрассе.

У этих офицеров фольксштурма на форме имелись знаки отличия в виде серебристых звездочек на черных петлицах, сильно напоминавших знаки отличия войск СС.

80

Это был день, когда советский маршал Конев начал масштабное наступление вдоль канала Тельтов, стремясь добраться до рейхстага раньше своего соперника маршала Жукова. Ночная тишина, на которую обращает внимание Альтнер, имела особое значение. Вопреки тому, что писал в своих мемуарах маршал Жуков, отличительной чертой боев в Берлине было то, что его войска практически прекращали боевые действия ночью, чтобы отдохнуть и воспользоваться плодами победы.

81

Группенфюрер СС Хейсмайер, генерал-инспектор школ НАПОЛА, командовал боевой группой гитлерюгенда «Хейсмайер» в Шпандау, но, по свидетельству Леманна, благословив своих подопечных на великие подвиги, вылетел в Альпы, в Гандау, к своей жене Гертруде Шольц-Клинк, которая была известна тем, что возглавляла женский аналог гитлерюгенда, «Союз немецких девушек». О своем отъезде он не сообщил лидеру молодежи Третьего рейха Артуру Аксману, перед которым нес ответственность за вышеназванную юношескую боевую группу, и его поступок был расценен как дезертирство.

82

Все то же поместье Вальд Зидлюнг.

83

В 1998 году в этом месте была построена тюрьма для малолетних преступников.

Дефицит латуни привел к тому, что немцы стали делать патронник из стали, которую во избежание ржавчины стали покрывать антикоррозийным составом. После того как оружие раскалялось от долгой стрельбы, патронник заедало и пулеметам часто приходилось менять ствол после каждой использованной патронной ленты. Песок, попадавший на это покрытие, еще больше усугублял проблему.

85

Юношеская дивизия гитлерюгенда.

86

В тот день 76-я и 60-я стрелковые дивизии советской 47-й армии одновременно начали наступление на Шпандау с севера и запада. Несмотря на внушительную артиллерийскую поддержку, советские войска понесли большие потери. Не сумев взять город, они снова отступили, отойдя ночью на безопасные позиции.

Пионирштрассе.

Цвайбрюкерштрассе и Фалькензеер Шоссе.

89

Цеппелинштрассе на углу Фалькензеер Шоссе.

Цвайбрюкерштрассе, дома № 83–85.

91

Фалькензеер Шоссе.

92

Назван после прихода нацистов к власти в 1933 году.

93

Части, которые атаковали Ораниенбург — это в основном части 1-й польской армии, созданные советскими властями из числа военнопленных поляков, которые не пожелали вступить в поддерживаемую Великобританией армию генерала Андерса, и добровольцев на освобожденных Красной армией польских землях.

Мариенкирхе.

95

Ров вокруг старого города.

96

Это снова мост Шарлоттен.

97

Медведь — эмблема города Берлина, поэтому для газеты было выбрано название «Панцербэр» (бронированный медведь).

98

Прирейнская область — это земли Саар и Рейнланд-Пфальц, которые были заняты французскими и американскими войсками и впоследствии стали французской оккупационной зоной.

99

Песня «Хорст Вессель» была посвящена подонку-нацисту, убитому коммунистами в дни Веймарской республики и объявленному мучеником НСДАП. Песня стала вторым национальным гимном нацистской партии

100

Пожарная бригада входила в состав полицейских сил Гиммлера.

101

Немцы не могли знать, что реки Хафель и Шпрее, которые протекают к северу от завода, составляли границу между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтом и что ввиду соперничества и плохой связи между командующими обоими фронтами переправа вряд ли планировалась.

102

Во время своей предыдущей боевой вахты в качестве подмастерья авиаинженера Альтнер был обязан носить форму авиакорпуса гитлерюгенда.

103

Рекламные тумбы, на которые клеят рекламные плакаты, типичны для Берлина — их высота составляет около трех метров, диаметр — один метр.

104

Наступление советских войск в районе Сименсштадта силами 4-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта и их выход к Рулебену состоялся, как и описано в данной книге, 27 апреля. Однако при этом была пересечена граница внутреннего фронта, и когда в тот же день на Рейхсштрассе с ней сомкнулась мощная 55-я гвардейская танковая бригада полковника Драгунского, входящая в состав 1-го Украинского фронта, первая была вынуждена отступить.

28 апреля наступление на казармы Рулебена предприняли части танковой бригады полковника Драгунского, основной массе которой было приказано на рассвете атаковать немцев восточнее Кантштрассе для поддержки маршала Конева, пытавшегося силами своей 3-й гвардейской танковой армии добраться до рейхстага раньше своего соперника маршала Жукова. Таким образом, Драгунский решил подстраховать свои тылы атакой на позиции Олимпийского стадиона, Рейхсшпортфельда и Рулебена силами отдельных своих подразделений. Утром Конев обнаружил, что путь его частям заблокирован солдатами Жукова. Тогда он покинул Берлин, оставив 3-ю гвардейскую танковую армию, которой надлежало пробиваться к Курфюрстендамм. Тем временем основные силы Драгунского приняли участие в тяжелых боях в районе Карл-Август-платц. Приказ для танкистов 55-й гвардейской бригады возвращаться был получен позднее, в конце того же дня. Судя по всему, они переждали бой в казармах и трамвайном депо в самом конце Кенигин-Элизабет-штрассе.

105

Заграждение из колючей проволоки и деревянных балок.

106

Советский танк Т-34/85 — средних размеров, максимальная скорость 53 километра в час. Вооружен 85-мм пушкой и двумя пулеметами. Экипаж — пять человек.

107

Члены гитлерюгенда носили коричневую форму летом и черную зимой.

108

Позднее здесь располагался штаб Британского сектора.

109

Генерал-лейтенант Вейдлинг, командующий обороной Берлина, планировал вывезти Гитлера этим путем, а заодно эвакуировать и весь столичный гарнизон. В его распоряжении оставалось около тридцати тысяч человек, но запасы боеприпасов и продовольствия были на исходе, и он не видел смысла в продолжении обороны. Тем не менее, когда 28 апреля он представил свой план Гитлеру, тот ответил отказом, опасаясь попасть в руки врагу, и распорядился держать оборону. Фюрер надеялся, что на помощь обороняющим столицу придут 12-я армия Венка и 9-я армия Буссе, однако командующие этими армиями отказались подчиниться его приказу.

Ныне Олимпийский стадион.

111

Полковник Драгунский устроил свой штаб в северной части Грюнвальда, недалеко от Эйхкампа.

112

Ныне Теодор-Хейсс-платц.

113

Ныне Эрнст-Рейтер-платц.

114

Описанные бомбоубежища на самом деле были огромным бункером посреди Зоологического сада, непосредственно к северу от которого в районе Тиргартен располагалась башня слежения. Оба сооружения служили в качестве бомбоубежищ для мирного населения.

115

Никого из этих двух прославленных авиаторов в тот день в Берлине не было, хотя Ханна Рейч вылетела в тот вечер с аэродрома в Тиргартене. Лейтенант Ганс Рюдель, известный своими подвигами по уничтожению вражеских танков, по приказу Гитлера пытался приземлиться накануне ночью, но не сумел.

116

Бункер в Зоологическом саду был высотой в сорок метров. В нем имелось пять этажей, причем на верхнем этаже располагался гарнизон в сто человек. Последние обслуживали расположенные на его крыше зенитные установки — четыре двойных 128-мм орудия и двенадцать 20-мм и 37-мм орудий, которые обслуживали гитлерюгендовцы. На четвертом этаже располагался госпиталь, первоначально предназначавшийся для военного начальства, на третий были свезены дорогие экспонаты из берлинских музеев. На остальных этажах располагались кухни, столовые и убежища, рассчитанные на пятнадцать тысяч человек, хотя, по всей видимости, во время боев там находилось в два раза больше людей.

117

12-я армия Венка получила приказ оставить позиции на Эльбе и идти к Берлину, однако ее командующий проигнорировал этот приказ и вместо этого помогал спасать остатки 9-й армии.

118

Нацистский функционер, а также начальник провинции.

119

Гитлер сочетался браком со своей любовницей Евой Браун в личном бункере в час тридцать ночи 28 апреля.

120

За всю войну Гитлер побывал на линии фронта лишь дважды. Однажды в России и 3 марта 1945 года на Одере, причем и в первый, и во второй раз ограничился лишь посещением штаба.

121

Командный бункер 1-й (Берлинской) зенитной дивизии, расположенный в Тиргартене рядом с обводным каналом.

122

Эту территорию защищали войска 18-й танково-гренадерской дивизии.

123

Ныне улица «Семнадцатого июня».

124

Дом Радио, в котором располагалась берлинская радиостанция.

125

Войска СС формировались по другому принципу, чем вермахт, то есть пехота, ВВС и ВМФ. Соответственно, набор осуществлялся только за счет добровольцев.

126

Ландсвер состоял из пожилых резервистов, призванных для обороны по месту жительства.

127

Плохо сформулированный ответ Геринга, которого спросили о его готовности занять посты Гитлера в случае смерти последнего, был использован Мартином Борманом в качестве свидетельства о предательстве рейхсмаршала. Герингу было предложено отказаться от своих высоких должностей, в противном случае его расстреляли бы как предателя. Приказ Гитлера фон Грайму явиться с докладом в бункер привел к тому, что в бой были брошены последние самолеты люфтваффе. Фон Грайм, направившийся в бункер, был ранен в ногу. В бункер ему следовало явиться только для того, чтобы узнать о своем новом назначении, но ранения можно было бы избежать, сообщив ему об этом по радиосвязи.

128

21-я армия генерала Венка остановилась в Ферше на Швиловзее к югу от Потсдама, намереваясь вызволить остатки 9-й армии из окружения, из «котла» в Шпреевальде, а также прийти на выручку берлинскому гарнизону, однако двигаться дальше не собиралась. Сформированная на севере 21-я армия состояла только из двух полков и была уничтожена при отступлении 3-й танковой армии, прежде чем успела что-либо предпринять. Группа армий «Центр», находившаяся на юге, уже потеряла большую часть бронемашин 4-й танковой армии в самом начале сражения, и поэтому ее части не смогли прорваться к Берлину. Немцы называли чешский протекторат «протекторатом Богемия и Моравия».

129

Эту листовку распространяли в Берлине для воодушевления защитников столицы Третьего рейха.

Это не имело никакого отношения к Деницу. Незадолго до того как покончить жизнь самоубийством, Гитлер дал генералу Вейдлингу разрешение на прорыв, однако Геббельс остановил его, пожелав вступить с Советами в переговоры относительно создания нового немецкого правительства, о котором говорилось в завещании Гитлера. Когда эти переговоры провалились, Геббельс и его жена покончили с собой, умертвив перед этим шестерых своих детей. Время для прорыва было упущено, и вечером 1 мая генерал Вейдлинг решил сдаться на следующее утро, однако разрешил вырваться из окружения тем, кто желал этого.

131

В немецком языке слово «солдат» относится в равной степени и к морякам, и к летчикам.

132

В это время Дениц отдавал приоритет эвакуации морем миллионов немцев, бежавших из Прибалтики от советских войск.

133

Борман не сообщил Деницу об истинных обстоятельствах смерти Гитлера. Гитлер покончил жизнь самоубийством вместе со своей невестой 30 апреля 1945 года в 15:30, то есть за день до этого, впав в отчаяние от осознания того, что Берлин обречен.

134

Переговоры Гиммлера со шведским послом в Германии графом Бернадоттом относительно сепаратного мира с Англией и США стали известны из сообщения агентства «Рейтерс», переданного по стокгольмскому радио вечером 28 апреля 1945 года.

135

С разрешения генерал-лейтенанта Вейдлинга генерал-майор Отто Зюдов, командовавший 1-й (Берлинской) зенитной дивизией, ночью организовал прорыв из района Зоопарка для тех солдат, кто выразил такое желание. Пехотинцы и сопровождавшие их гражданские лица прошли по туннелям под вражескими позициями и соединились с немецкими частями, отступившими с Курфюрстендамм близ выставочного зала на Мазурен-аллее. Советские войска и части польской пехоты, соединившиеся 1 мая со 2-й гвардейской танковой армией в местности, где появились немцы, не стали вступать с ним в бой, по всей видимости, сильно измотанные предыдущими боевыми действиями, и 55-я гвардейская танковая бригада генерала Драгунского подобным образом воздержалась от боестолкновения.

136

Главный железнодорожный мост возле ратуши. На Хафеле сохранились лишь мосты Шарлоттен и Шуленбург, которые в результате боев переходили то к немцам, то к русским. Расположенный южнее мост Фрей, по которому проходила улица Хеерштрассе, был взорван предыдущим вечером, когда случайный русский снаряд попал в будку с заранее приготовленным взрывным устройством. Прорыв по мосту Шарлоттен возглавил майор Хорст Цобель из 1-го батальона танкового полка «Мюнхеберг». Вместо своего танка он для лучшего обзора использовал бронетранспортер.

137

Предположительно генерал-майор Отто Зюдов.

В настоящее время это Брансбюттлер Дамм.

139

Вместе с 125-м стрелковым корпусом 47-й армии в этом секторе находился 5-й минометный полк польской 1-й минометной бригады.

140

Дачный поселок Штаакен.

141

Русские уже, по всей видимости, починили в том месте мост через канал, потому что он был взорван фольксштурмовцами раньше, 23 апреля.

142

Близ Зальцкорна.

143

Кетцин был тем местом, где 25 апреля части 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта маршала Конева соединились с частями 47-й армии 1-го Белорусского фронта маршала Жукова и завершили окружение Берлина.

144

Русские строили мосты из бревен в древнеримском стиле.

145

Большая часть потсдамского гарнизона в ночь с на 28 апреля бежала, чтобы соединиться частями 12-й армии. Город был занят частями советской 47-й армии, 27 апреля вошедшими в город с севера. Однако 20-я танковая гренадерская дивизия, в которой оставалось лишь девяносто человек, 24 апреля оказалась в ловушке на «острове» Ваннзее и на Пфлауэнинзеле, теснимая советским 10-м гвардейским танковым корпусом 4-й гвардейской танковой армии. Когда в ночь с 1 на 2 мая немцы попытались вырваться из Ваннзее, они были почти полностью истреблены. Большая часть тех из них, кому удалось спастись, 2 мая участвовала в боях в районе штаба 4-й гвардейской танковой армии в Шенкенхорсте. На запад прорвалось всего несколько человек.

146

Эта болотистая местность называется «Дер Латц».

147

На этом этапе войны самые западные позиции занимали части 47-й армии. Они представляли собой цепочку водоемов, протянувшихся к северо-востоку от Бранденбурга в направлении Пэвезина.

148

Танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» в это время находилась в Венгрии, однако ее полк, базировавшийся в Берлине, принимал участие в обороне имперской столицы, в частности — рейхсканцелярии, под которой находился бункер Гитлера. Одна танковая рота этой дивизии участвовала в боях под Вильмерсдорфом и вполне могла прорваться по мостам Шпандау до описываемых автором книги мест.

Эта книга – не просто «окопная правда», а репортаж из преисподней. Это откровения 17-летнего *Todeskandidat* (смертника), призванного в Вермахт весной 1945 года, когда Гитлер поставил под ружье фактически все мужское население Германии, от подростков до стариков, и бросил их на убой, под гусеницы советских танков. 16 апреля Хельмут Альтнер вместе с такими же юнцами, не успевшими пройти военную подготовку, попал под сокрушительный удар Красной Армии, начавшей штурм Берлина. Необученные новобранцы полегли в первом же бою – Альтнер был единственным среди них, кому посчастливилось выжить. Вместе с остатками своей роты он отступил в город и еще десять дней дрался в тоннелях берлинского метро, участвовал в отчаянных боях за Шпандау и Имперский стадион и в последней попытке остатков гарнизона прорваться на запад. И вновь Альтнеру повезло – он не сгинул в аду уличных боев, не погиб под ураганным огнем, косившим отступающих немцев тысячами. Раненный в ногу, Альтнер сдался в плен русским солдатам…

Эти мемуары, написанные сразу после войны, по праву считаются одной из лучших книг о последних днях Третьего Рейха. Это – страшная правда о битве за Берлин, о кровавой *Todestanz* (пляске смерти) и мучительной *Todeskampf* (агонии) гитлеровского Рейха…

ISBN 978-5-9955-0623-2

«ЯУЗА-ПРЕСС»